

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н.В. Жиликова

**РЕЦЕПЦИЯ РУССКОЙ КЛАССИКИ
В ТОМСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
ЖУРНАЛИСТИКЕ**

Монография

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
Издательство «Наука»
2015

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
Ж72

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ
(«Рецепция русских писателей в дореволюционной сибирской периодике
(по материалам изданий Томской губернии)»),
проект № 12-04-00005 (а)*

Рецензенты:

д-р филол. наук, доцент, проф. кафедры русского языка,
литературы и речевой коммуникации
Сибирского федерального университета *К.В. Анисимов*;
д-р филол. наук, доцент, проф. кафедры журналистики
Новгородского государственного университета
им. Ярослава Мудрого *А.Л. Семенова*

Жилякова Н.В.

Ж72 Рецепция русской классики в томской дореволюционной журналистике : монография / Н.В. Жилякова. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2015. — 208 с.

ISBN 978-5-9765-2250-3 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-02-038900-7 (Наука)

В монографии исследуются процессы рецепции русской литературной классики на страницах периодических изданий Томской губернии в дореволюционный период на примере освещения «литературных юбилеев» русских классиков — В.А. Жуковского, Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова. Также дается характеристика томской периодической печати, рассматриваются особенности формирования информационной «повестки дня» в провинциальной газете, устанавливается взаимосвязь новостного отставания и «литературоцентричности» сибирской прессы.

Для студентов и преподавателей гуманитарных специальностей, журналистов, историков, краеведов.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-9765-2250-3 (ФЛИНТА) © Жилякова Н.В., 2015

ISBN 978-5-02-038900-7 (Наука) © Издательство «ФЛИНТА», 2015

Оглавление

Вступление	4
Глава 1. Томская дореволюционная журналистика: этапы развития	8
Глава 2. Круг внешних источников и принципы отбора информации в томских газетах	30
Глава 3. «Литературные юбилеи» и творчество русских писателей в рецепции томской периодики	49
«Поэт и воспитатель Императора Александра II»: В.А. Жуковский	49
«Будьте не мертвые, а живые души»: Н.В. Гоголь	84
«Отрезвляет общественное сознание и не дает ему окончательно сбиться с толку»: М.Е. Салтыков-Щедрин	110
«Драма великой души»: Л.Н. Толстой	122
«Был сыном своего века»: А.П. Чехов	162
Заключение	200
Именной указатель	203

Вступление

Одной из особенностей сибирской дореволюционной периодики были ее «литературоцентричность», постоянное внимание к творчеству и фактам биографии русских писателей. Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов — эти и другие имена постоянно появлялись на страницах сибирских газет и журналов, выступая средством эстетического воспитания и просвещения читателей, создавая условия формирования регионального самосознания. Кроме информационной составляющей в сибирской периодике присутствовал также момент рецепции русской классики, осмысления с ее помощью процессов, происходивших в сибирском обществе.

Само слово «рецепция» (от лат. *receptio* — принятие) пришло в научный аппарат из области физиологии, затем его освоили юристы, работающие с римским правом, и относительно недавно этот термин стал применяться в литературоведении. В самом широком смысле слова рецепция — это «осознанное заимствование и освоение богатства чужой культуры в целях обогащения собственной»¹. т.е. это, с одной стороны, заимствование, с другой — приспособление с определенной целью.

Для изучения явлений рецепции русской классики в сибирских периодических изданиях наилучшим образом подходит периодика дореволюционного Томска. Центр огромной Томской губернии, в конце XIX — начале XX в. он обладал многоуровневой разветвленной системой периодической печати, в которую входили практически все виды периодики: ежедневные и еженедельные газеты, тонкие и «толстые» журналы (в том числе ежегодники), «листки» и др. С этой точки зрения томская периодика является практически идеальной моделью, позволяющей исследовать самые сложные процессы, происходящие как в сибирской литературе, так и в сибирской литературной критике, сибирской журналистике.

Томская периодика не только внимательно следила за событиями, связанными с жизнью и творчеством русских писателей и

¹ Словарь античности. М.: Прогресс, 1989 // url: http://dictionary_of_ancient.academic.ru/3514, Дата обращения: 10.02.2013.

поэтов, о чем свидетельствует значительное количество перепечаток из центральной и провинциальной прессы, но и самостоятельно осмысляла процессы, происходящие в русской и сибирской культурной жизни — в литературно-критических, сатирических, художественно-публицистических, беллетристических материалах. В постоянных рубриках сибирских газет, посвященных театральной и культурной жизни, в фельетонах, обзорах, в местной хронике сибирский читатель встречался с героями классических произведений русской литературы, которые нередко обретали в Сибири «вторую жизнь» (особенно это касалось персонажей сатирических). Благодаря русской классике появлялся новый уровень, создающий единое социокультурное пространство, информационную среду, в которой жители географически удаленных мест, находящиеся на разных ступенях общественного развития, выступали равноправными партнерами.

Упоминания имен русских писателей и публицистов носили разный характер, появлялись в связи с разными поводами, что позволяет выделить несколько уровней рецепции. Это прежде всего информационный уровень, играющий важную роль в приобщении сибирского читателя к литературной «повестке дня» всей России, создающий необходимый социокультурный контекст для дальнейшего разговора о духовных и нравственных ценностях сибирского и российского общества. Второй, более глубокий — литературно-критический: на этом уровне происходило осмысление беллетристического наследия, выстраивалась своеобразная писательская «иерархия». Наконец, самый важный уровень — художественно-публицистический, на котором актуализировалось творческое наследие писателей, происходило глубинное слияние литературных сюжетов и событий современности, цитаты из художественных произведений становились смысловыми акцентами публицистических выступлений.

Изучение вопросов рецепции творчества русских писателей, во-первых, позволяет определить наиболее значимых для сибирского общества писателей, к которым прислушивались, их мнение ценили, ориентировались на их позицию в важных общественных вопросах. В начале XX в. таким писателем был, безусловно, Л.Н. Толстой; постоянно в круге внимания периодики было также творчество А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя.

Исследование также делает возможным выявление «круга начитанности» сибиряка, поскольку цитирование, апелляция, сатирические переделки — особенно без ссылок на первоисточники — возможны только при существовании общего культурного «фона», писатель должен быть уверен, что его поймут, иронию — оценят. Судя по накопленным сведениям, наиболее частыми в газете были цитаты и ссылки на И.А. Крылова, Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого — однако сибирский читатель хорошо знал и «опальных» А.И. Герцена и К.Ф. Рылеева, писателей и поэтов XVII в. Д.И. Фонвизина, Н.И. Новикова и многих других литераторов, в том числе малоизвестных современных авторов.

Обращение к именам русских писателей для журналистов было важным не только в плане эстетическом, но и общественно-политическом, так как давало возможность обходить цензурные запреты, углублять контекст газетных материалов. В критических материалах газет неоднократно появлялись щедринские Колупаевы и Разуваевы, персонажи Н.В. Гоголя и А.С. Грибоедова. Это сближало общероссийскую и сибирскую действительность, позволяя соотносить прошлое и настоящее, столичное и региональное, расширять духовное пространство газет.

Исследование материалов томских газет и журналов позволяет по-новому оценить вовлеченность сибирского читателя в общерусский культурный процесс, выявить значение русской классической литературы для феномена регионального самосознания, которое зарождалось в сибирском обществе в конце XIX — начале XX в.

В настоящем исследовании автор обращается к нескольким ключевым именам русских писателей, рецепция творчества которых значительно повлияла на формирование социокультурного пространства дореволюционной Сибири: это В.А. Жуковский, Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов. Основными методами исследования стали контент-анализ, анализ текста, общенаучные методы.

Хронологические рамки настоящей работы — конец XIX — начало XX в. — были определены этапами развития журналистики Томской губернии. Первая частная газета в Томске — «Сибирская газета» — была основана в 1881 г., именно в ней процессы рецеп-

ции русской классики были проявлены особенно четко. В начале XX в. журналистика Томска и Томской губернии стала приобретать черты системности, рецептивные явления могут быть обнаружены во многих томских газетах и журналах этого периода. Однако после революции 1917 г. изменилась журналистика всей России, и ее изучение должно составить отдельную работу.

Таким образом, основным материалом исследования является периодическая печать Томской губернии 1881–1916 гг. Годовые подшивки многих газет и журналов этого периода сохранились в Научной библиотеке Томского государственного университета, часть из них оцифрована и размещена на сайте библиотеки, что значительно облегчило исследовательскую работу. Однако некоторые материалы не сохранились в сибирских библиотеках, что потребовало обращения к фондам центральных библиотек – Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) и Российской государственной библиотеки (Москва).

Автор выражает глубокую благодарность сотрудникам НБ ТГУ, всегда с пониманием относящимся к проводимому исследованию, а также благодарит за поддержку Российский гуманитарный научный фонд, без которого исследование не смогло бы состояться.

ТОМСКАЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Томская губерния как административно-территориальная часть Российской империи просуществовала с 26 февраля 1804 г. по 25 мая 1925 г. Она была выделена из Тобольской губернии и включала в себя территорию современных Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Томской областей, Восточно-Казахстанской области и часть Красноярского края. Ее общая площадь в 1905 г. составляла около 850 кв. километров.

Губерния первоначально разделялась на 8 уездов: Бийский, Енисейский, Каинский, Красноярский, Кузнецкий, Нарымский, Томский, Туруханский. В 1822 г. часть территории была передана в Енисейскую губернию, и к концу XIX в. Томская губерния состояла из 7 уездов: Барнаульского (уездный город — Барнаул), Бийского (г. Бийск), Змеиногорского (с. Змеиногорское), Каинского (г. Каинск), Кузнецкого (г. Кузнецк), Мариинского (г. Мариинск) и Томского (г. Томск).

Необходимо отметить, что до революции 1917 г. Томская губерния была одной из самых обширных и густонаселенных в России, в 1917 г. она уступала по количеству жителей только Киевской губернии. На территории Томской губернии добывали золото, рыбу, соль, медь, кедровые орехи, пушнину, производили сибирское масло, выделывали кожи, выращивали зерно (земледелие было основным занятием населения).

Центром дореволюционной Томской губернии был город Томск, расположенный на правом берегу реки Томи. Основанный в 1604 г. в ходе русской колонизации Сибири, в продолжение XVII—XVIII вв. он превратился из военного укрепления в административный и торговый центр обширной территории. С начала XIX в. город все более сосредоточивал в себе управление не только громадной Томской губернией, но и хозяйством и культурой

значительной части Западной Сибири и Северного Казахстана. Томск формировался как транспортный узел, как город растущей промышленности.

Центром Томской области, в состав которой вошли Ачинский, Енисейский, Томский, Туруханский, Нарымский и Каинский уезды, Томск стал в 1782 г. А в 1804 г. указом Александра I город стал центром Томской губернии, получив «новые возможности развития в экономическом, социальном, культурном отношении»². Однако главным событием, благодаря которому город совершил мощный рывок в развитии, стало открытие томского золота в 1828 г. Томская «золотая лихорадка» способствовала привлечению в город новых людей, накоплению капиталов, активизации экономической деятельности. Она изменила облик Томска, который в 1830—1850-е годы, по мнению очевидцев, стал по-настоящему городским.

В XIX в. Томск был прежде всего крупным административным центром. В нем располагались: губернская администрация, управление государственными имуществами Томской губернии, управление акцизными сборами Томской губернии и Семипалатинской области, управление Томского почтово-телеграфного округа, управление Томской горной области, управление Томского округа путей сообщения, управление Западно-Сибирского учебного округа, православная Томская епархия (с 1834 г.), Томский окружной суд (сменил в 1897 г. старый губернский суд) и другие властные учреждения.

В конце 1870-х годов в Томске достигло наивысшего подъема мануфактурное производство, во второй половине 1890-х годов интенсивно развивалось машинное производство. На протяжении всего XIX в. Томск занимал лидирующее положение в Сибири по объему торговли; к тому же «расположенный на месте пересечения сухопутного Сибирско-Московского тракта и Обь-Иртышского речного пути, он развивался как транспортный узел края»³. Развивалась связь: в сентябре 1863 г. до Томска дошла телеграфная

² Томск: история города от основания до наших дней / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 71.

³ Дмитриенко Н.М. Сибирский город в XIX — первой трети XX века. Локально-историческое исследование на материалах Томска: автореф. дис. ... докт. ист. н. Томск, 2000. С. 29.

линия, которую тянули из Екатеринбурга на восток, в 1894 г. в городе открылась «казенная телефонная сеть на 115 номеров», и «по данным на 1900 г., в списке 87 российских городов с казенной телефонной сетью Томск занимал по количеству абонентов 15-е место»⁴. В начале XX в. Томск «стал вполне цивилизованным городом, с электричеством, водопроводом, большими благоустроенными домами»⁵.

Сопоставление с городами Европейской России показывает, что Томск обладал средним уровнем промышленности; в городе наиболее были развиты пищевкусовое производство, обработка животных продуктов; отличительной чертой выступало значительное развитие в Томске полиграфического и спичечного производства. Отсюда понятно, почему К.М. Станюкович в очерке «В далекие края» характеризовал Томск следующим образом: «Лучший город Сибири, так сказать сибирская Москва. Вы там найдете все условия цивилизованной и притом дешевой жизни»⁶.

Исследователи особо отмечают «необычайно высокую концентрацию в городе полиграфических предприятий — типографий, литографий, переплетных заведений»⁷. Первая типография открылась в Томске еще в 1819 г.; первая частная типография Михайлова и Макушина начала работу в 1896 г., а к началу XX в. в городе «действовало уже 9 более или менее крупных типографий и литографий, которые работали на широкий сибирский рынок»⁸.

К концу XIX в. город считался крупным культурно-просветительским центром: по числу начальных, средних и специальных учебных заведений и количеству учащихся в них Томск занимал лидирующее место в Сибири. Идея просвещения во второй половине XIX в. становилась стержнем всей культурной и общественной жизни города.

⁴ Дмитриенко Н.М. Сибирский город в XIX — первой трети XX века. Локально-историческое исследование на материалах Томска: автореф. дис. ... докт. ист. н. Томск, 2000. С. 30.

⁵ Там же.

⁶ Станюкович К.М. В далекие края // Станюкович К.М. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М.: Изд-во «Правда», 1977. С. 244.

⁷ Томск: история города от основания до наших дней... С. 97.

⁸ Там же. С. 98.

Большую роль сыграл в этом сибирский просветитель, предприниматель и меценат Петр Иванович Макушин (1844–1926). Он был сыном сельского священника, выпускником Пермской семинарии и студентом Петербургской духовной академии. По собственному желанию он, не закончив курса, приехал на Алтай, в село Улалу, где организовал миссионерское училище, первую школу для девочек-туземок. В 1868 г. Макушин переехал в Томск на должность смотрителя духовного училища, однако в 1873 г. он подал в отставку и занялся частным предпринимательством.

Первым его успешным проектом стало основание частной публичной библиотеки в Томске, затем в 1873 г. вместе с купцом В.В. Михайловым он открыл первый в Сибири книжный магазин. В 1876 г. в Томске появилась первая типография Михайлова и Макушина, а в 1881 г. он получил разрешение на открытие первой частной томской «Сибирской газеты».

Макушин вел также большую общественную работу, с 1875 г. избирался гласным Томской городской думы. Но одним из главных проектов Макушина, которому он отдавал много времени и сил, было Общество попечения о начальном образовании, первое просветительское общество в Томске с девизом «Ни одного неграмотного!». Оно было открыто в 1882 г., и до 1892 г. Макушин был его председателем.

Из многочисленных просветительских начинаний Макушина необходимо отметить также основание им книжных лавок-шкафов в томских селах в начале XX в., внесение 100 тысяч рублей на создание народного университета, или Дома науки имени П.И. Макушина, крупное пожертвование на постройку зданий Сибирских высших женских курсов. В 1912 г. Макушин был выбран в 3 Государственную Думу от блока прогрессистов. В 1910 г. Макушину было присвоено звание Почетного гражданина г. Томска, а в 1919 г. — Почетного гражданина Сибири.

Центром активной общественной жизни Томск был также благодаря тому, что на протяжении всего XIX в. он был местом ссылки как уголовной, так и политической. В XVIII в. в качестве ссыльных в Томске побывали прадед А.С. Пушкина А.П. Ганнибал, княжна Е.А. Долгорукая; автор знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищев. В Томске жил и работал знаменитый декабрист Г.С. Батеньков — до участия в восстании,

в 1817—1819 гг., и после него, в 1846—1856 гг. С городом связаны имена М.А. Бакунина, В.В. Берви-Флеровского, Д.А. Клеменца и многих других. Как писали современники, в Томске «почти все русское революционное движение, во всех стадиях его развития, было представлено в лицах, тут были каракозовцы, представители процессов 193-х и 50-ти, лавристы, бунтари, землевольцы и прочие вплоть до “последних” народовольцев»⁹. В начале XX в. в городе стали активно действовать эсеры, социал-демократы, кадеты, а также представители монархических движений.

Активизации общественной жизни способствовала деятельность сибирских областников. Еще в период сотрудничества областников в «Томских губернских ведомостях», в 1865 г., по их приглашению в Томске читал свои лекции С.С. Шашков; в начале XX в. дружба Г.Н. Потанина с Г.И. Чорос-Гуркиным привела к тому, что художник неоднократно проводил в городе выставки своих картин; областники организовывали «сибирские вечера», которые привлекали большое внимание горожан, проводили публичные лекции, разнообразные общественные мероприятия. Благодаря стараниям областников именно Томск был выбран городом, в котором был построен и начал свою работу первый сибирский университет¹⁰.

Прибытие в Томск профессоров и студентов, открытие Императорского Томского университета резко выделило Томск среди остальных сибирских городов: изменилась внутренняя жизнь города, «намечалась его новая роль в развитии всего зауральского региона»; уже в конце 1880-х годов «Томск единодушно именovali “Сибирскими Афинами”, городом мудрости и ученой книжности»¹¹. С этого времени политические ссыльные стали считаться «нежелательным элементом», способным воздействовать на

⁹ Томск: история города от основания до наших дней... С. 166.

¹⁰ Историки подчеркивают: В.М. Флоринский в 1877 г. сумел убедить членов специальной комиссии «для изучения вопроса об избрании города для Сибирского университета» отдать предпочтение Томску перед Омском, поскольку он был уже вооружен фактами и цифрами, полученными в переписке с Н.М. Ядринцевым, служившим в Главном управлении Западной Сибири, и А.И. Дмитриевым-Мамоновым, председателем Томского губернского правления (см. Томск: история города от основания до наших дней ... С. 120—121).

¹¹ Там же. С. 120.

молодые студенческие умы, их количество в Томске резко уменьшилось, роль в общественной жизни стала незначительной. Однако «на смену» пришли члены университетского сообщества, активно участвующие в организации разнообразных обществ (уже в 1889 г. в Томске возникло первое научное общество — Томское общество естествоиспытателей и врачей), способствующие развитию художественной и музыкальной жизни города, сотрудничающие в разнообразных газетах и журналах Томска. В 1896 г. состоялась закладка второго вуза в Томске — Томского технологического института имени Императора Николая II, институт начал свою работу в 1900 г. В 1906 г. в аудитории впервые были допущены женщины «на правах посторонних слушателей», а в 1910 г. открылся третий вуз в Томске — Сибирские высшие женские курсы, «первые и единственные во всей дореволюционной Сибири»¹². Известно, что Г.Н. Потанин называл Томск «умственной столицей Сибири»¹³.

В Томской губернии Томск был центром издательской деятельности: в нем выходили официальные и частные газеты, в том числе вечерние, развлекательные, коммерческие, однодневные и т.д.; журналы официальные, литературные, сатирические, медицинские; выходили даже литературные альманахи. Кроме того, томская журналистика обладала собственной специфической чертой, связанной с формированием идеологии областничества, и это придавало газетам и журналам Томской губернии неповторимость и оригинальность.

Журналистика постепенно развивалась и в других крупных городах Томской губернии, в основном по инициативе частных лиц. Официальные издания в них отсутствовали, периодика была представлена еженедельными и ежедневными частными газетами универсального характера — экономическими, политическими и литературными. Для издания журналов не хватало материальных средств и литературных сил: кроме Томска, журналы выходили только в Барнауле и Новониколаевске.

Рецепция русской классики происходила главным образом в ведущих частных изданиях, преимущественно в крупных газетах

¹² Дмитриенко Н.М. Сибирский город в XIX — первой трети XX века... С. 36.

¹³ Томск: история города от основания до наших дней... С. 137.

Томска, поэтому именно к ним обращено исследовательское внимание. Однако, прежде чем перейти непосредственно к анализу рецепции, необходимо выделить несколько этапов развития томской журналистики, каждый из которых имеет свою специфику.

Первый этап — 1857—1881 гг.: возникновение журналистики в Томске и Томской губернии, выход официальных газет «Томские губернские ведомости» (1857—1917)¹⁴ и «Томские епархиальные ведомости» (1880—1917). Эти газеты издавались по модели уже существующих российских ведомостей, состояли из двух отделов: официального и неофициального. Тираж их составлял около 500 экземпляров.

В «Томских губернских ведомостях» постоянно выходил только официальный отдел, в котором публиковалась официальная информация общероссийского и местного масштаба. Неофициальный отдел переживал подъемы и периоды стагнации, когда интерес к нему падал и сюда помещался случайный разнородный материал. Наиболее яркими в истории неофициального отдела «Томских губернских ведомостей» были три периода. Первый относится к 1857—1865 гг., когда формировалась концепция издания, в газете принимали участие многочисленные представители местной интеллигенции, а также лидеры областничества Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин. На страницах газеты разрабатывалась областническая теория, расширилась палитра используемых жанров, помещались публицистические и литературные публикации.

В 1882—1883 гг. редактором неофициального отдела стал ссыльный Е.В. Корш, который начал издавать отдел как самостоятельное издание с традиционными газетными рубриками — телеграммы, передовые статьи, корреспонденции, сибирские, российские известия и т.д. Несмотря на то что большую часть содержания в это время составляли перепечатки, газета стала более информативной, структурированной, полемичной. После отстранения Корша от редактирования неофициальный отдел вновь пришел в упадок, продолжавшийся до 1905 г.: во время революционных событий власть обратила внимание на газету как средство диалога

¹⁴ Подробнее о газете см.: Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857—1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск: Томский государственный университет, 2012. 414 с.

с читателем, пропаганды правительственной политики¹⁵. После 1908 г. неофициальная часть значительно сократилась в объеме, исчезли постоянные рубрики, и до конца 1917 г. неофициальный отдел выходил как рекламно-справочное приложение к «Ведомостям».

Неофициальный отдел «Томских губернских ведомостей» сыграл чрезвычайно важную роль в становлении системы томской журналистики. Велико его значение как базы идеологического «взросления» томской периодики: именно на его страницах происходило оформление концепции областничества в 1860-х годах, вызревала идея «правого порядка» в период первой русской революции, происходила консолидация литературных и публицистических сил города. Несмотря на ограниченность программы, неофициальный отдел способствовал развитию журналистских и публицистических жанров, предоставлял возможность газетной полемики.

В отличие от «Губернских ведомостей» в «Томских епархиальных ведомостях» обе части — и официальная, и неофициальная — стабильно выходили вместе с 1880 по 1917 г. Новую газету отличала также ее узкая направленность на специфику церковной жизни. Эта особенность обусловила «промежуточное» положение епархиальных ведомостей: с одной стороны, как газета они принадлежали к открытой сфере журналистики, с другой — как орган духовенства являлись частью мира православия. К участию в газете привлекался довольно обширный круг авторов из церковной среды: миссионеры, протоиереи, епископы и т.д.

Существующая программа «Томских епархиальных ведомостей» определяла содержание неофициального отдела, которое составляли несколько основных тематических блоков: духовное красноречие и богословие (проповеди, речи, воззвания и другие выступления отцов церкви, объяснения по поводу священных текстов, комментарии, богословие), ежегодные отчеты о работе миссий, духовных учебных заведений, противораскольнического братства; внутренняя жизнь церкви (историко-статистические обзоры,

¹⁵ См. подробнее: Жилякова Н.В., Демидов О.В. Политизация «неофициального отдела» «Томских губернских ведомостей» в 1905–1908 годах // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 61. Филология. Искусствоведение. 2011. № 37 (252). С. 31–36.

описания открытия новых учреждений, религиозных обрядов); публикации по расколу и миссионерской деятельности в Томской губернии; краеведческий блок; выступления на общественно-политические темы.

Во время революции 1905–1907 гг. «Томские епархиальные ведомости» были вовлечены в политическую борьбу. Они поддерживали монархические партии, черносотенное движение, выступали против революционеров и революции в целом. В это время объем и значение общественно-политического блока в неофициальном отделе значительно увеличились, хотя по-прежнему здесь публиковались и богословские статьи, и отчеты, и сообщения о работе миссий, и краеведческие заметки и т.д.

Следующий период развития томской журналистики – это 1881–1906 гг. В это время к существующим официальным изданиям присоединились первые частные газеты и журналы: «Сибирская газета» (1881–1888), «Сибирский вестник» (1885–1905), «Дорожник по Сибири и Азиатской России» (1899–1901), «Сибирская жизнь» (1897–1918). Выходят также официальные издания и издания различных обществ, это «Известия томского городского общественного управления» (1887–1889, 1903–1917), «Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу» (1886–1912), «Известия Императорского Томского университета» (1889–1916), Труды Общества естествоиспытателей и врачей при Томском университете (1889–1894, 1913–1915) и ряд других.

Заметим, что, хотя частная периодика появилась в Томске только в конце XIX в., однако, попытки основать газету предпринимались томичами начиная с 1869 г. В фондах РГИА сохранилось три дела, свидетельствующих о развитии частной инициативы в газетной сфере: «Дело об отказе купцу А.О. Хаимовичу в разрешении издавать в городе Томске газету “Сибирский вестник”» (1869), «Дело об отказе Г.А. Калинину в разрешении издавать в городе Томске газету “Сибиряк”» (22 августа – 27 ноября 1869 г.), «Дело об отказе П.И. Макушину в разрешении издавать газету “Томский листок”» (23 июля – 18 октября 1876 г.)¹⁶.

П.И. Макушину удалось первым получить разрешение на издание «Сибирской газеты» в 1881 г.

¹⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 4. Д. 345. 8 л.; Оп. 4. Д. 346. 15 л.; Оп. 6. Д. 78. 6 л.

Частная томская «Сибирская газета» (1881–1888) внешне практически не отличалась от «Томских губернских ведомостей»: выходила в том же формате (средним между современным А3 и А4), раз в неделю, в тексте все так же отсутствовали иллюстрации. Однако содержательно частная газета вышла на иной, качественный уровень публицистики. История «Сибирской газеты», первой крупной частной газеты в Западной Сибири, — яркая страница не только сибирской, но и русской журналистики 80-х годов XIX в.

П.И. Макушин взял на себя обязанности издателя будущей газеты, редактором был утвержден учитель реального училища А.И. Ефимов. В редакционный коллектив вошли: И.Г. Муромов — контролер томского отделения государственного банка, А.М. Войцеховский — служащий Томской контрольной палаты, поляк, сосланный в Томск после польского восстания 1864 г.; приглашенный Войцеховским Е.В. Корш (сын известного русского публициста и историка литературы В.Ф. Корша, попавший в Томск как уголовный ссыльный) и А.В. Адрианов. Впоследствии в состав редакции вошли политические ссыльные — народники Ф.В. Волховский, Д.А. Клеменц, С.Л. Чудновский и многие другие, в том числе К.М. Станюкович, в 1885–1888 гг. находившийся в Томске в административной ссылке.

Главными темами были (по частоте упоминаний в газете): строительство университетских зданий и подготовка университета к открытию, народное образование, положение провинциальной печати, сибирская ссылка, законодательные преобразования в Сибири, городское хозяйство, инородческий вопрос, сибирская история, золотопромышленность и положение рабочих на золотых приисках, внутренние пути сообщения, вопросы экономики Сибири, крестьянский вопрос, переселенческое движение. Много внимания уделялось литературной и театральной критике, художественной и музыкальной жизни Томска.

Газета отличалась своей областнической направленностью, которая поддерживалась благодаря деятельности А.В. Адрианова (с 1883 г. редактор «Сибирской газеты») и сотрудничеству идеологов областничества Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. С 1882 г. в газете усилилась народническая линия, так как неофициальным редактором «Сибирской газеты» с этого времени был Ф.В. Волховский, ставший «центром притяжения» для многочисленных полити-

ческих ссыльных, рассеянных по разным областям Сибири. На страницах «Сибирской газеты» был осуществлен единственный в своем роде синтез областничества и народничества, расширивший информационное пространство издания, давший возможность привлечения к сотрудничеству известных русских писателей.

Важным фактом формирования регионального самосознания стала полемика между «Сибирской газетой» и новым частным изданием Томска — «Сибирским вестником». Обсуждение проблем взаимоотношений центра и провинций, прояснение принципиальных вопросов редакционной политики позволили выйти изданиям на новый, более высокий уровень осмысления задач, стоящих перед местным обществом.

Существуя в непростых цензурных условиях, «Сибирская газета» вела большую просветительскую работу, воспитывала своего читателя, формировала общественное мнение. Это стало возможным благодаря особому качеству газеты — ее «литературоцентризму», особому вниманию к вопросам литературы, литературной критики, решению публицистических задач художественными средствами. Сотрудничество с газетой русских писателей и поэтов — К.М. Станюковича, В.Г. Короленко, Г.И. Успенского, Н.И. Наумова, С.С. Синегуба, Ф.В. Волховского — позволяло решать актуальные сибирские задачи в широком общероссийском контексте, выходить за узкие рамки провинциального издания. «Сибирская газета» стала важным фактором развития регионального самосознания, на новом уровне ставя и развивая областнические идеи.

Тираж «Сибирской газеты» от 1200 экземпляров в начале издания доходил до 4000 экземпляров в 1888 г. В 1887 г. она была приостановлена на 8 месяцев, в 1888 г. вновь приостановлена на восемь месяцев и затем 24 января 1889 г. окончательно запрещена совещанием трех министров «за вредное направление»¹⁷.

«Сибирская газета» как периодическое издание освоила нишу, которую с тех пор всегда стремились занять томские СМИ — газеты идеологически выдержанной, настолько же публицистической, насколько и литературной, полемической, интеллектуальной и одновременно популярной среди широких слоев населения.

¹⁷ См.: Правительственный вестник. 1889. 26 января.

Вторая частная газета Томска «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» (1885–1905) была основана при содействии томской администрации как возможный конкурент «обличительной» «Сибирской газете». В отличие от макушинского издания, в котором сотрудничали политические ссыльные, «Сибирский вестник» объединил вокруг себя ссыльных, попавших в Томск по уголовным процессам: Е.В. Корша, П.М. Полянского, бывшего директора-распорядителя Московского коммерческого ссудного банка («процесс Струсберга», 1876 г.), В.А. Долгорукова, бывшего князя («Дело о Клубе червонных валетов», 1877 г.). Редактором «Сибирского вестника» был юрист В.П. Картамышев, впоследствии прославившийся в Томске как личность крайне скандальная.

«Сибирский вестник» объявил о том, что он будет представлять интересы русских людей в Сибири. Первые три года — 1885–1888 — основным содержанием газеты была полемика с сибирскими газетами по поводу их областнических убеждений; около 50 процентов содержания составляли обзоры российских и зарубежных газет.

«Сибирский вестник» приостанавливался в 1887 и 1888 г., на 6 и 4 месяца. После закрытия «Сибирской газеты» «Вестник» до 1894 г. был единственной частной газетой в Томске, с 1889 г. — ежедневной. После смерти В.П. Картамышева в 1894 г. редактором газеты стал Г.В. Прейсман. Он пытался объединить вокруг редакции широкий круг местных авторов, в том числе и иногородних публицистов, политических ссыльных. При Прейсмане «Сибирский вестник» приостанавливался на 8 месяцев в 1897 г.

В 1902 г. издательница М.Ф. Картамышева передала редактирование газеты Н.Н. Соину, в газету пришли крупные публицисты и литераторы, в том числе университетские профессора: М.И. Боголепов, П.В. Вологодский, Р.Л. Вейсман, Г.А. Вяткин, Д.А. Клеменц, Г.Н. Потанин, С.П. Швецов, А.Н. Шипицын и многие другие. Многие из сотрудников обновленного «Сибирского вестника» были бывшими членами редакции «Сибирской жизни», они покинули газету в результате произошедшего конфликта. «Сибирский вестник» после 1902 г. заметно изменился: расширился круг тем, усилилось оппозиционное направление, востребованное в предреволюционные годы. Областнические тенденции, появившиеся в

«Сибирском вестнике» благодаря сотрудничеству Г.Н. Потанина, увеличили общественное значение издания.

Двадцатого марта 1905 г. издателем газеты «Сибирский вестник» был утвержден бывший политический ссыльный, революционер-народник М.Н. Загибалов. На страницах «Вестника» отразилась насыщенная бурными революционными событиями 1905 г. жизнь России, Сибири. Боевой тон выступлений, резкая критика правительственных действий, обсуждение актуальных общественных проблем резко повысили популярность газеты. Однако все это вызвало недовольство властей, что привело к закрытию «Сибирского вестника» 31 декабря 1905 г. Попытка продолжить издание под другим названием («Вестник Сибири») не удалась, в январе 1906 г. вышел только один номер этой газеты.

Отметим, что история «Сибирского вестника» распадается на три части, относительно независимые друг от друга. Основанный как «орган русских людей», полемичный, во многом непоследовательный, но с четко выраженной «физиономией», со сменой руководителя, «Сибирский вестник» отошел от первоначальной программы и без особенных затруднений вписался в ряд сибирских частных органов печати. Свообразные черты, еще более отдаляющие «Сибирский вестник» от первоначального замысла, приобрела газета в 1904–1905 гг. в связи с начавшейся политической дифференциацией печати. Все эти изменения были обусловлены не только сменой руководства, но и движением общественно-политической и литературной жизни России, Сибири, Томска. В этом смысле газета старалась соответствовать новым тенденциям, отслеживать крупные события не только местной, но и общероссийской и зарубежной.

В отличие от «литературоцентричной» «Сибирской газеты», «Сибирский вестник» наполнялся в основном «второсортной» беллетристикой местных авторов и переводными произведениями, из событий литературной жизни отслеживал только самые крупные (такие, как пушкинский юбилей). Крупные литературные силы ему удалось привлечь только перед самым закрытием: изменившаяся общественно-политическая позиция открыла двери для литераторов-областников, демократов.

Что же касается областнической идеи, то газета, основанная с целью противостоять «местному патриотизму», в начале XX в.

«приютила» идеолога областничества Г.Н. Потанина, теперь уже разделяя его воззрения на прошлое и будущее Сибири, ее колониальный статус, требующий изменения. Областничество — сначала как «жупел», затем как «союзник» — оказалось тесно переплетено с историей газеты, определило ее облик и получило дальнейшее развитие как один из важнейших факторов формирования регионального самосознания сибиряков в период первой русской революции.

Серьезным конкурентом «Сибирского вестника» в 1890-х годах и в начале XX в. была газета П.И. Макушина, издававшаяся под несколькими названиями, но в действительности являвшаяся одним изданием: «Сибирская жизнь». Так как после закрытия оппозиционной «Сибирской газеты» Макушин попал в разряд неблагонадежных издателей, первоначально газету удалось основать только в сокращенном формате, под названием «Томский справочный листок», в 1894 г. Передовые статьи и статьи по вопросам общественной жизни, фельетоны и беллетристика в этой газете были запрещены, «Листок» наполнялся преимущественно рекламой и справочными сведениями; журналистские публикации были представлены в газете «Местной хроникой» и «Библиографией». В таком виде «Томский справочный листок», даже несмотря на ежедневный выход, не мог привлечь много подписчиков — его тираж составлял 1000 экземпляров.

В 1895 г. Макушин подал прошение в Главное управление по делам печати о переименовании газеты в «Томский листок» и о расширении ее программы, и это ходатайство было удовлетворено. Перемены были замечены читателями, и это принесло увеличение подписки до 2600, а затем и до 3400 экземпляров: в 1896 г. Макушин получил разрешение публиковать в газете иллюстрации — изображения коронационных торжеств, портретов, видов Сибири. Главной темой «Томского листка» были вопросы образования: газета широко освещала основание второго высшего учебного заведения в Томске — Томского технологического института, писала о жизни студенчества, публиковала изображения университетских зданий. В «Томском листке» помещались многочисленные переводы и перепечатки, что объяснялось ежедневным выходом и потребностью в большем количестве материалов. Постоянной рубрикой было литературное

обозрение, в котором оценивались произведения современных авторов.

В 1897 г. Макушин передал в Главное управление по делам печати прошение о переименовании «Томского листка» в «Сибирскую жизнь», и в этом же году было получено разрешение о расширении программы газеты такими важными отделами, как «Статьи по разным вопросам общественной жизни, русской и заграничной», «Статьи и известия научного и практического содержания по разным отраслям», «Исторические, бытовые, этнографические и географические очерки», «Повести, рассказы и стихотворения», «Обзор событий общественной жизни, русской и заграничной». В итоге газета стала крупнейшей массовой газетой не только Томска, но и всей Сибири — ее тираж доходил до 15 тысяч экземпляров в начале XX в.

Кроме П.И. Макушина — издателя и редактора газеты в «Томском листке», а затем «Сибирской жизни» принимали участие многочисленные сотрудники, в том числе университетские профессора, а также политические ссыльные — народники и марксисты. В конце 1898 г. в редакции газеты произошел конфликт редактора-издателя и части сотрудников, которые в итоге вышли из состава «Сибирской жизни»¹⁸. В целом газета старалась сохранять нейтральный тон в обсуждении актуальных вопросов русской и сибирской жизни, так как издатель стремился сохранить с таким трудом полученное издание.

Ориентация на массового, демократического читателя проявлялась в газете вниманием к вопросам переселенческого дела, к положению сибирских «инородцев», сибирских рабочих и крестьян, к экономическим проблемам Сибири. Газета продолжала внимательно следить за деятельностью томских вузов: практически в каждом номере появлялись публикации о положении студентов, объявления о проводимых лекциях и других мероприятиях в университете и институте; учащая молодежь вообще была постоянным предметом забот публицистов «Сибирской жизни».

Областнические тенденции в газете в этот период лежали в основе всех размышлений о прошлом и будущем Сибири, о ее на-

¹⁸ См. подробнее: Макушин П.И. Газетно-издательская деятельность... С. 99–100.

селении, перспективах экономического и общественного развития. Газета продолжала настаивать на необходимости отмены уголовной ссылки и проведении реформ в Сибири, указывала на колониальный статус региона, который тормозил его развитие. Публицисты, объединившиеся вокруг «Сибирской жизни», в целом разделяли взгляды ее руководителя. Многие из высказываемых взглядов озвучивались в процессе продолжающейся полемики с «Сибирским вестником», которая, хоть и утратила первоначальную принципиальность и динамику, тем не менее оставалась фактом местной газетной жизни.

С началом русско-японской войны 1904–1905 гг. в «Сибирской жизни», как и во многих других российских изданиях, появилась новая рубрика с лаконичным названием: «Война». Новости этой рубрики в основном представляли собой перепечатки из ведущих столичных изданий — «Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русские ведомости», «Русский листок», «Биржевые ведомости» и др. Военные известия заполнили и другие отделы газеты — «Из последней почты», «О чем говорят и пишут», «Русская жизнь» и т.д. Значительный вклад «Сибирской жизни» в освещение событий Русско-японской войны был оценен читателями: в эти годы тираж ее вырос до 15 тысяч экземпляров.

Революция 1905 г. освещалась «Сибирской жизнью» по возможности широко, однако подцензурное положение газеты привело к тому, что она умалчивала о многих происходящих событиях. В результате кровавого погрома в Томске в октябре 1905 г. П.И. Макушин отказался от ведения газеты и передал ее профессорам университета И.А. Малиновскому и М.Н. Соболеву.

После перехода газеты в руки новой редакции «Сибирская жизнь» стала более политизированной, яркой, многотемной. К концу 1905 г. она самоопределилась в лагере кадетской журналистики. Однако это привело и к цензурным преследованиям и приостановке газеты в 1906 г. (первоначально на 3 недели, затем на 6 месяцев). Вместо «Сибирской жизни» подписчики стали получать газету «Сибирская мысль», которая стала еще одним звеном в газетной «цепочке», составляющей одно издание. Самостоятельного значения «Сибирская мысль» не приобрела и с возобновлением «Сибирской жизни» с апреля 1907 г. прекратила выход.

В 1910 г. профессора были вынуждены отказаться от редактирования газеты под угрозой их увольнения из университета. Редактором «Сибирской жизни» стал Г.Б. Баитов (в дальнейшем — П.А. Таловский, Э.Э. Бергман, М.Б. Шатилов и др.), а роль издателя с этого времени и до прекращения выхода газеты выполняло Сибирское товарищество печатного дела.

Инспектор по делам печати в Томске П. Виноградов в 1909 г. давал газете следующую характеристику: «По количеству печатавшихся экземпляров газета «Сибирская жизнь», несомненно, самая распространенная между ежедневными изданиями в Сибири. Нередко номера «Сибирской жизни» в праздничные дни печатались в количестве 9500 экземпляров, а меньшее количество экземпляров в одном номере было 8000. В газете принимали участие многие профессора Томского университета и Томского технологического института. У газеты много корреспондентов в больших городах Западной и Восточной Сибири, у ней же есть специальные корреспонденты из членов Государственной Думы. <...> Редакция газеты служила интересам и стремлениям прогрессивной партии, а также и кадетской. Оппозиционное направление «Сибирской жизни» очень часто проявлялось в официальных статьях, касающихся действий Государственной Думы, от которой можно ждать мало блага для России по выражению редакции. Космополитические тенденции заметно проявлялись в общем тоне газеты. Еврейские интересы проглядывали, а потому местные интеллигентные евреи могли быть довольными «Сибирской жизнью». <...> Материальное положение «Сибирского товарищества печатного дела», издающего «Сибирскую жизнь», в 1909 г. было лучше, чем в 1908. Приход по газете и типографии равнялся 114.265 р. 92 к. Чистая прибыль за год выразилась в количестве 11.337 р. 43 к.»¹⁹.

После Первой русской революции, способствовавшей появлению легальных партий и активизации в целом политической жизни России, «Сибирская жизнь» постоянно держала читателей в курсе общероссийской «большой политики». Этому служили рубрики «Из жизни партий», «Из Государственной Думы», «Думские впечатления». Газета имела собственных корреспондентов, которые снабжали ее информацией «из первых рук» о происходя-

¹⁹ ГАТО. Ф. 3 оп. 12 ед. хр. 735 л. 180—180 об.

щем в Государственной Думе и особенно об инициативах и работе сибирской парламентской группы. Постоянными авторами являлись депутаты ГД Н. Скалозубов, П. Герасимов, А. Изгоев, И. Вергежский.

Местная политическая жизнь также являлась приоритетным направлением «Сибирской жизни»: деятельность томских отделов разных партий, их участие в общественной жизни города — эти темы постоянно рассматривались в рубрике «Томская жизнь» и в форме отдельных публикаций. Освещались в газете женский вопрос, еврейский, рабочий, инородческий, проблемы борьбы с пьянством, медицина и образование в России и в Сибири, спорт и многое другое. Однако главной темой на протяжении 1908—1910 гг. оставалось переселенческое движение: практически в каждом номере «Сибирская жизнь» обращалась к его организации, к вопросам взаимодействия переселенцев и местных жителей.

В начале XX в. в газете постоянно публиковались разнообразные сообщения о сибирской железной дороге. Повышенное внимание к железнодорожной тематике было связано прежде всего с тем, что Томск остался «на обочине» Транссиба и центр «экономического тяготения» постепенно перемещался в Ново-Николаевск.

Значительная часть газетной полосы отдавалась под сообщения о текущей деятельности многочисленных томских обществ: практических врачей, вспомоществования учащимся, музыкального, драматического, потребителей, содействия физическому развитию, содействия устройству сельских библиотек в Томской губернии и многое другое. Газета писала о заседаниях обществ, о проводимых ими мероприятиях, публиковала годовые отчеты.

Литературная часть газеты была представлена многочисленными переводными произведениями, стихотворениями и прозой местных авторов: особенно активными среди них были г. Вяткин, г. Гребенщиков, Вяч. Шишков. Основными формами литературной критики в «Сибирской жизни» были: ежемесячное «Журнальное обозрение», рубрики «Библиография», «Театр и искусство», а также периодически появляющиеся статьи о современных писателях и поэтах. «Сибирская жизнь» отличалась повышенным вниманием к вопросам журналистики: по страницам газеты можно восстановить хронику появления новых изданий в Томске,

в Сибири и в России, их цензурную историю, получить представление о ведущейся газетной полемике.

Перед Первой мировой войной «Сибирская жизнь» обладала стабильной, но при этом достаточно динамичной внутренней структурой, позволявшей гибко перестраивать модель номера в соответствии с информационной картиной дня. Подведение итогов в начале 1914 г. сменилось в газете обостренным вниманием к международной политической жизни. В структуру газеты была введена рубрика «Накануне войны», которая после объявления о начале военных действий сменилась постоянными рубриками «Европейская война», «Военные заметки» и «Отголоски войны», и наконец просто «Война» (в 1916 г.).

Из-за вмешательства военной цензуры уже к концу 1914 г. газета стала выходить с белыми пятнами на полосах вместо снятых статей. Внешний облик газеты в военное время изменился и благодаря практике помещения огромных заголовочных комплексов на внутренних полосах, с агитационными целями.

Редакция учитывала интерес читателей к международной политической жизни, стремление быть в курсе происходящих военных событий, и это расширило спектр тем, освещаемых в «Сибирской жизни». Газета следила за передвижениями и деятельностью сибирских полков, участвующих в сражениях, помещала сообщения о них из других газет. Добавим, что «Сибирская жизнь» была единственным томским изданием, которое «перешло» из дореволюционной эпохи в «послеревolutionную», она выходила до 1919 г., после чего была закрыта большевиками.

Таким образом, история «Сибирской жизни», несмотря на ее долговечность, может быть поделена только на два периода: «макушинский» — с 1894 по 1905 г. и «профессорский» — с 1905 по 1919 г. За это время основная концепция газеты по сути не изменилась: это стремление к максимальной информативности, ориентация на качественную журналистику, привлечение к изданию газеты широкого круга участников, объективность как основной принцип работы.

Идеологической платформой во второй период существования «Сибирской жизни» было областничество, наиболее яркими представителями которого были Г.Н. Потанин и А.В. Адрианов. В новых изменившихся условиях они «проверяли на прочность» об-

ластническую доктрину, находя в ней непреходящую актуальность для отдаленного российского региона.

Третий и заключительный период, который четко выделяется в истории томской журналистики, — 1905—1916 гг. После Первой русской революции 1905—1907 гг. журналистика в Томской губернии начинает развиваться системно, появляются газеты и журналы, принадлежащие разным типологическим группам и отрядам, различающиеся по политическим направлениям. С 1906 г. стали выходить первые частные газеты в двух городах Томской губернии: Барнауле («Барнаульские известия») и Новониколаевске («Народная летопись»), в дальнейшем к ним присоединились газеты и журналы в других городах.

В Томске в начале XX в. выходил целый ряд разнообразных изданий преимущественно «правого» направления: газета «Сибирские известия» (1905), «Время» (1906—1907), «Голос Томска» (1907), «Сибирская правда» (1908—1915), «Томский вестник» (1912—1915), «Сибирский свет» (1916—1917) и др. Издатели нескольких газет пытались остаться вне политики, заявляя свои издания как коммерческие проекты, как, например, В.И. Лянге, редактор-издатель еженедельной «Томской торгово-промышленной газеты объявлений» (1906), К.В. Шипков, редактор-издатель «Справочно-торгово-промышленного листка объявлений» (1909). Однако, несмотря на экономический рост, в Томске подобного рода издания не могли еще найти своей аудитории.

С 1906 г. в Томске выходят также сатирические издания: «Осы» (1906—1907), «Бич» (1906), «Бубенцы» (1906—1907), «Рабочий юморист» (1906), «Ерш» (1906—1907), «Красный смех» (1906), «Негативы» (1907), «Бенефисная газета» (1908), «Силуэты Томска» (1908), «Силуэты жизни родного города» (1909), «Силуэты Сибири» (1910), «Синдетикон» (1912).

К 1910 г. газетная сфера Томска являлась достаточно устойчивой системой, в которой официальную часть представляли «Томские губернские ведомости», «Томские епархиальные ведомости» и «Известия Томского городского общественного управления», монархический блок — газета «Сибирская правда», к либеральным изданиям относились «Сибирская жизнь», «Сибирские отголоски». В 1910 г. образовался «левый блок» за счет преобразования

«Сибирских отголосков» в газету «Сибирское слово» (1910—1911) с явным социал-демократическим уклоном, и заполнилась развлекательная «ниша»: начала выходить «Сибирская брачная газета» (1910), в дальнейшем «Брак и семья» (1911).

В годы Первой мировой войны в российскую практику вошел выпуск так называемых однодневных газет — одноразовых изданий газетного типа, выпускаемых с целями благотворительности. В Томске этот тип изданий также периодически появлялся на рынке печати: газеты «Белый цветок» (18 мая 1914 г., издатель — Томский отдел Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом), «Здоровье для всех» (несколько номеров на протяжении 1913—1917 гг., Общество физического развития), «Студенческий день» (1915 год), «Отклики печати» (27 апреля 1915 г., Томский отдел Сибирского общества помощи раненым) и другие. Сбор от продажи этих изданий поступал в пользу жертв войны, больных туберкулезом и т.д. Подобного рода издания служили повышению авторитета газет в сибирском обществе, выступая аналогом общественной акции, центра консолидации благотворительных сил. В «Сибирской жизни», например, упоминалось, что газета «Студенческий день» разошлась в количестве 13 000 экземпляров²⁰, и это свидетельствует о востребованности такого рода изданий.

Рынок газетной и журнальной периодики Томска в начале XX в. был расширен также за счет специализированных изданий, к которым относятся медицинская газета «Сибирский врач» (1913—1917), газета на татарском языке «Сибирия» (1912), искусствоведческий журнал «Томский театрал» (1906) и другие издания. Ориентированные на узкие аудиторные группы, эти газеты сосредоточивались на специальной тематике, определяющей специфику издания: медицинской, на теме жизни татарского населения в Томске, театральный мир и т.д.

В конце XIX — начале XX в. в Томске выходили также многочисленные журналы разнообразных обществ. Часть этой издательской продукции представляла собой ежегодные отчеты, протоколы и труды, это такие издания, как: «Отчет о деятельности Общества естествоиспытателей и врачей за 1893—94 гг.», «Протоколы Томского общества естествоиспытателей и врачей» (1897—1912),

²⁰ См.: Сибирская жизнь. 1915. № 75.

«Труды Томского отдела императорского Московского общества сельского хозяйства» (1896), «Отчеты Томского общества “Ясли”» (1911–1912), «Труды Томского общества изучения Сибири» (1913, 1915) и многое другое. Полноценные специализированные журналы в Томске выпускали Западно-Сибирское сельскохозяйственное общество и Томское общество садоводства («Сибирский земледелец и садовод», 1907–1911, далее «Сибирское сельское хозяйство», 1912–1917), Общество сибирских инженеров («Журнал Общества сибирских инженеров», 1909–1915, после объединения с журналом «Горные и золотопромышленные известия» — «Вестник Общества сибирских инженеров», 1916–1917), Томское общество пчеловодов («Ежегодник Томского общества пчеловодов», 1911–1915), Томское общество содействия физическому развитию («Здоровье для всех», 1913–1914).

Важным этапом развития журнальной журналистики Томска стал выход литературно-художественных журналов «Молодая Сибирь» (1909), «Сибирская новь» (1910), «Сибирский студент» (1914–1916). Вокруг этих изданий группировались молодые сибирские поэты и прозаики, страницы журналов превращались в творческую лабораторию для их поисков и экспериментов.

Таким образом, в Томской губернии в начале XX в. складывалась система газетно-журнальной периодики, включающей официальную, специализированную, общественно-политическую печать. Периодическая печать Томской губернии находилась под сильнейшим влиянием областнических идей, которые оказывали влияние не только на общее направление, но и на содержательную модель изданий: это приводило к усилению краеведческо-исторического блока, вниманию к местной сибирской литературе, к публикации статей по областнической тематике. Активное сотрудничество в томских газетах и журналах таких видных областников, как Г.Н. Потанин, А.В. Адрианов, М.Б. Шатилов и ряда других, обусловило постоянную и серьезную разработку областнической доктрины в периодике Томской губернии.

Важной чертой ведущих томских органов печати была их «литературоцентричность», что позволяет рассматривать рецептивные явления на страницах газет и журналов, касающиеся русской классики, творчества русских прозаиков и поэтов.

КРУГ ВНЕШНИХ ИСТОЧНИКОВ И ПРИНЦИПЫ ОТБОРА ИНФОРМАЦИИ В ТОМСКИХ ГАЗЕТАХ

Поскольку рецепция в определенном смысле была связана с усвоением литературного «постороннего» (по отношению к местному) материала, необходимо выяснить позицию томских газет и журналов к перепечаткам, заимствованиям «чужого текста», а также в целом к принципам формирования содержательной части издания. Рассмотрим эту проблему на примере ведущей газеты Томской губернии — «Сибирской жизни».

О приоритетах газеты в ее информационной политике можно было судить по объявлению о подписке на газету, которое регулярно публиковалось на 1-й полосе. Газета позиционировала себя как «ежедневное общедоступное» издание, основной задачей провозглашая «возможно полное и разностороннее ознакомление своих читателей с жизнью Сибири», «выяснение ее нужд и экономического и умственного роста». Исходя из этого «главными и основными отделами газеты» считались «статьи и заметки, имеющие своим предметом прошлое и настоящее Сибири, а также корреспонденции из разных концов Сибири», отдел «Хроника Сибири». Но «Сибирская жизнь» отмечала, что «вместе с тем путем ежедневно получаемых телеграмм и в постоянных отделах газеты “Русская жизнь” и “Заграничная хроника” читатели “Сибирской жизни” будут своевременно ознакомляемы со всеми более крупными явлениями в области государственной и общественной деятельности, науки и искусства как остальной части нашего обширного отечества, так и других государств»²¹.

²¹ Сибирская жизнь. 1903. № 9.

Соотношение оригинального, авторского материала и материала, заимствованного на страницах «Сибирской жизни», можно определить примерно как один к одному.

Оригинальный, авторский материал местных авторов (рубрики)	Материал, заимствованный из других газет и журналов (рубрики):
Передовые статьи	Телеграммы
Корреспонденции	Сибирское обозрение
Томская хроника	Дальний Восток
Библиография	Русская жизнь. Русская печать
Маленький фельетон (материалы местных авторов)	Вести и факты (с апреля 1903 г. — О чем говорят и пишут)
Окружной суд	Заграничная хроника
Фельетон «Сибирской жизни» (без указания рубрики публиковался в «подвале» газеты на 2—3-й полосах)	Маленький фельетон (перепечатки)
—	Журнальное обозрение

Из таблицы видно, что половина газетной площади в «Сибирской жизни» была отдана под обзоры и перепечатки, что заставляет более внимательно отнестись к первоисточникам — газетам и журналам, которые служили базой для создания информационной картины мира для сибирского читателя.

Источники заимствований можно разделить на несколько групп:

1) столичные газеты («Правительственный вестник», «Новое время», «Русское слово», «Биржевые ведомости», «Русские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости» и т.д.);

2) провинциальные газеты («Орловские ведомости», «Одесские новости», «Ведомости Одесского градоначальства», «Волгарь», «Саратовский листок», «Уральская жизнь», «Бакинские известия», «Варшавский дневник», «Черноморское побережье» и мн. др.);

3) сибирские и дальневосточные газеты («Забайкалье», «Енисей», «Восточное обозрение», «Харбинский листок», «Новый край», «Амурский край», «Иркутские ведомости», «Сибирские врачебные ведомости», «Амурская газета» и др.);

4) иностранная пресса: газеты «Heroldo» (Испания), «Echo de Paris» (Франция), «Economiste français» (Франция), «Petit Perisien» (Франция), «Daily News» (Англия), «Berliner Borsen-Zeitung» (Германия), «National Zeitung» (Германия), «Morning Post» (США), а также «Daily Telegraph», «Standard» и т.д.;

5) общероссийские журналы («Русское богатство», «Мир божий», «Русская мысль», «Вестник Европы», «Русская старина», «Образование», «Исторический вестник», «Гражданин» и др.);

6) специализированные журналы («Трезвость и бережливость», «Вестник воспитания», «Право», «Журнал Министерства юстиции» и др.).

Материалы рубрики составлялись по источникам одного типа. В «Телеграммах» использовались чаще всего сообщения из «Правительственного вестника», столичных, провинциальных и зарубежных газет. Рубрика «Сибирское обозрение» включала материалы сибирских и дальневосточных изданий (ни столичная, ни зарубежная пресса здесь не использовались). «Журнальное обозрение» в течение всего года составлялось по материалам одних и тех же журналов: «Мир божий», «Русская мысль», «Вестник Европы», «Образование» и «Русское богатство». «Заграничная хроника» составлялась по материалам иностранной прессы и перепечаток из столичных газет. Столичные и провинциальные газеты служили источником материалов для рубрик «Русская жизнь» и «Вести и факты» («О чем говорят и пишут»).

Такое разделение первоисточников по разным рубрикам служило ориентиром для читателя «Сибирской жизни», который, обращаясь к различным материалам, мог легко установить, основан он на чужом тексте или является авторским.

Насколько была велика необходимость обращения к другим газетам и журналам? Об этом можно судить по данным о подписке на столичную и провинциальную печать, приведенным в «Сибирской жизни» в № 98 от 8 мая: наиболее популярными в Томске в 1903 г. были иллюстрированные еженедельники «Нива» (тираж 1160 экземпляров) и «Родина» (тираж 329 экземпляров), а из га-

зет — «Биржевые ведомости» (238 экземпляров — 2-е издание, 158 экземпляров — 1-е издание), «Новое время» (85 экземпляров) и «Русские ведомости» (72 экземпляра). Среди «толстых» журналов наибольший интерес у томичей вызывали «Журнал для всех», «Мир божий» и «Русское богатство». В целом либеральные издания выписывались в большем количестве экземпляров, чем монархические («Московские ведомости», «Гражданин»). Относительно приоритетов в отношении столичной и провинциальной печати можно констатировать, что подписчики выбирали издания главным образом петербургские и московские; из провинциальных газет большее количество экземпляров у газет «Восточное обозрение» (Иркутск) и «Сибирский листок» (Тобольск).

Самый большой тираж одного издания в Томске не превышал 1200 экземпляров; судя по цене годовой подписки (8—12 рублей за издание), многие семьи могли выписывать не более трех газет и журналов. В этих условиях вполне объяснимо стремление «Сибирской жизни» познакомить своих читателей с содержанием как можно большего количества российских изданий.

Только при составлении рубрик «Русская жизнь» и «Вести и факты» («О чем говорят и пишут») в 1903 г. «Сибирская жизнь» использовала материалы 150 газет и журналов (подсчет произведен автором данной статьи). В одном номере количество источников варьировалось от одного до двадцати (если рассматривать все рубрики). Необходимо добавить, что количество названий изданий, упоминаемых в газете, значительно расширяется, если учитывать рекламные материалы — объявления о подписке на газеты и журналы, которые публиковались в «Сибирской жизни».

Наиболее часто цитировались в «Сибирской жизни» газеты «Русские ведомости», «Новое время», «Русское слово», «Новости», «Новости дня», «Правительственный вестник», «Биржевые ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости». О каком-то одном приоритетном источнике цитат говорить нельзя, в целом в течение года количество ссылок на эти издания было примерно одинаковым.

Распространенная практика перепечаток и ссылок на другие издания, существующая в российской периодике, обусловила прием «двойного цитирования», бросающийся в глаза при исследовании «Сибирской жизни». Примерно в половине случаев ссыл-

ки на другие источники выглядели следующим образом: «со слов “Исторического вестника” “Новое слово” передает очень интересные данные <...>»²²; «со слов “Владимирской газеты” “Новости” изображают следующую сценку <...>»²³; «“Новости” цитируют из “Русской старины” любопытную заметку <...>»²⁴; «в “Русской старине” — по словам “Нового времени” — воспроизведены любопытные документы <...>»²⁵ и т.д. Благодаря такому цитированию «Сибирская жизнь» расширяла свой список источников, доставляя своему читателю сведения из самых отдаленных уголков России. С другой стороны, информация в данном случае проходила тройную обработку: в первоисточнике, при первой перепечатке и затем уже в «Сибирской жизни», что, конечно, увеличивало риск ее неверного толкования, различных опечаток.

Используя для информирования читателей различные источники, «Сибирская жизнь» не упускала возможности подчеркнуть качество этого источника. В газете встречаются разнообразные характеристики как провинциальных, так и частных изданий. Так, «Вестник казачьих войск» характеризуется СЖ как «лучшая из газет, издаваемых нашим военным сословием (СЖ, 1903, № 11, 15 января), о «Саратовском дневнике» газета пишет как об «отзывчивом и серьезном провинциальном органе» (СЖ, 1903, № 56, 11 марта), в «Московских ведомостях», по мнению «Сибирской жизни», «почти в каждом номере <...> появляется хотя несколько строк, способных глубоко возмутить каждого честного и благомыслящего человека», эта «почтенная газета» — «яркая защитница розги и кулака» (СЖ, 1903, № 181, 21 августа); «Русские ведомости» для «Сибирской жизни» — «симпатичнейший», «солидный и авторитетный» орган печати (СЖ, 1903, № 197, 11 сентября) и т.д. Высказывая свое мнение о цитируемых изданиях, «Сибирская жизнь» обозначала свои симпатии и антипатии, определяла свое общественно-политическое направление: место в либеральном лагере русской печати.

Чтобы держать читателя в курсе газетной полемики, «Сибирская жизнь» не только передавала содержание новости, но и

²² Сибирская жизнь. 1903. № 14.

²³ Там же. № 15.

²⁴ Там же. № 16.

²⁵ Там же. № 18.

определяла позиции цитируемых газет по обсуждаемой ситуации, давала свои комментарии. К примеру, в № 42 от 22 февраля «Сибирская жизнь» писала: «“Новое время” полемизирует с “Гражданином”, поместившим в последнем своем номере статью по поводу сенатского решения по иску В.Х. Давингофа к петербургскому градоначальнику ген. Клейгельсу об убытках». Кратко обрисовав положение вещей, «Сибирская жизнь» привела цитату из «Нового времени»: «Отказ в правосудии создает понятие о несправедливости и действует на общество растлевающим образом», а затем добавила уже от себя: «в этих соображениях своих “Новое время”, разумеется, совершенно право»²⁶.

Газета не только следила за газетно-журнальной полемикой центральных газет, но и сама являлась ее участником. В № 13 от 17 января в «Сибирской жизни» была опубликована статья известного публициста-областника Г.Н. Потанина «Недоразумение у столичной прессы с провинциальной». Предметом анализа являлся «критический обзор ноябрьской книжки “Мира божьего”», в котором «г. А.Б. несколько страниц посвятил вопросу о современном положении провинциальной печати». Потанин отмечал, что «заметка написана несомненно с доброжелательной целью, автор хотел оказать провинциальной печати поддержку», однако «картина, набросанная им, не верна действительности и услуга провинциальной печати сделана неумелой рукой»²⁷.

Потанин пояснял читателям, что г. А.Б. выделяет в истории сибирской печати несколько периодов. Первый — доисторический, или «героический», когда издания печатались «не столько на пользу общественную, сколько для удовлетворения личных чувств издателя-редактора». Второй период — когда в Сибири появились «пришельцы, интеллигентные люди, в своем роде варяги», сделавшие «провинциальную печать серьезной, содержательной», они «дают ей направление, создают ей общественное значение». После этого «варяжского» периода наступает «капиталистический период провинциальной прессы», с конца 1890-х годов: «денежные люди увидели, что издание газеты выгодное дело и принялись за

²⁶ Сибирская жизнь. 1903. № 42.

²⁷ Там же. № 13.

издательство». Этот период, по мнению А.Б., продолжался и в начале XX в.

Потанин возражал прежде всего против мнения обозревателя «Божьего мира» о том, что сибирская печать развивалась благодаря «пришельцам», которые «пользуются полной симпатией г. А.Б.», так как они «внесли в областную печать общественную струю, они пробудили местную жизнь, вскрыли ее темные стороны, отважно выступили в борьбу с сильными мира сего и смело называли вещи их собственными именами и пр.». Потанин доказывал, что в развитие провинциальной печати значительный вклад внесли местные журналисты, сибиряки. Точка зрения на «капитализацию» провинциальной прессы Потаниным также оспаривалась: сибирский публицист опровергал убеждение столичного литератора в том, что «в самом торговом механизме газетного предприятия заключается залог гражданского достоинства газеты»: кроме «барышей» важны «просветительные предприятия и движения», и это особенно важно для провинции, считал Г.Н. Потанин.

Полемичность «Сибирской жизни» выражалась и в ее многочисленных репликах, нередко совсем маленьких по объему, добавляемых к перепечаткам. К этому располагала форма сообщений, в большинстве случаев представляющая собой пересказ с одной-двумя цитатами. Это позволяло экономить газетную площадь, выделяя самое важное. Так, например, в № 33 от 9 февраля «Сибирская жизнь» поместила небольшую заметку под названием «Корень зла». Она начиналась с указания источника информации и пояснения сути вопроса: «“Железнодорожная неделя” занялась разъяснением вопроса, почему всюду в России кормят на железнодорожных станциях отвратительно и дорого». Затем была помещена цитата из текста «Железнодорожной недели», которая считала, что причина в дороговизне аренды для «буфетодержателей». И в конце «Сибирская жизнь» добавила свои соображения: «На сибирской дороге буфетчики, кажется, ничего не платят за аренду, а кормят пресквернейшим образом и очень дорого. Где же корень зла?»²⁸. Таким образом газета смогла представить точку зрения другого издания, а также высказать свое несогласие с ним.

²⁸ Сибирская жизнь. 1903. № 33.

В отдельных случаях газета отмечала, что она публикует отдельные части материалов. В качестве примеров укажем на два материала: в начале одного из них отмечено, что «в “Русских ведомостях” напечатано под заглавием “Павленковские бесплатные народные библиотеки” заявление душеприказчика Фл.Ф. Павленкова г. Вал. Яковенко, из которого и извлекаем часть, небезынтересную для наших читателей»²⁹. Другой материал под названием «О земле праведной» начинается следующими строками: «Вышло в свет печатное издание пьесы М. Горького “На дне”. Чтобы дать читателям некоторое понятие о характере этой пьесы, заимствуем из “Одесских новостей” часть третьего акта — рассказ странника Луки о человеке, искавшем праведную землю»³⁰. Таких примеров можно привести довольно много, во всех случаях газета, лишенная возможности напечатать тексты целиком из-за их большого объема, находила выход в публикации отдельных, наиболее значимых частей.

Если художественное произведение или журналистский материал были относительно небольшого объема, «Сибирская жизнь» перепечатывала их на своих страницах целиком. Так, в газете изредка публиковались стихотворения и басни из «Нового времени», «Южного обозрения»³¹; в № 179 от 19 августа было перепечатано стихотворение Вс.С. Курочкина «Кредитная бумажка», опубликованное впервые в «Искре» (1859. № 16) и заимствованное «Сибирской жизнью» из августовского номера журнала «Мир божий» 1903 г., и т.д.

Перепечатывая полностью отдельные материалы из других изданий, «Сибирская жизнь» подчеркивала их значимость, тем самым обосновывая необходимость занять дефицитную газетную площадь под чужие тексты. Так, материал «Письмо Л.Н. Толстого» начинался со следующего предуведомления читателей: «В последнем номере журнала “Миссионерское обозрение” — по словам “Русского слова” — напечатано письмо графа Л.Н. Толстого. Мысли, составляющие содержание этого письма, сложились под впечатлением самого последнего времени и резюмируют ход тех

²⁹ Сибирская жизнь. 1903. № 37.

³⁰ Там же. № 40.

³¹ Там же. № 29, 87, 192.

настроений и сложных чувств, которые пережил великий писатель на одре болезни, ввиду смерти, веяние которой он уже ощущал. Мысли эти — по мнению “Русского слова”, разделяемому и нами, — представляют глубочайший интерес и, конечно, не могут не волновать не только почитателей автора их, но и его противников. Воспроизводим письмо великого писателя во всей его неприкосновенности»³². В № 192 от 4 сентября был помещен материал под названием «У порога», начинающийся со слов: «Такое заглавие носит стихотворение в прозе, принадлежащее перу И.С. Тургенева и напечатанное в “Орловском вестнике”. Стихотворение это не вошло в собрание сочинений покойного писателя, и мы считаем не лишним познакомить с ним наших читателей»³³.

Небольшие художественные произведения также постоянно публиковались в «Сибирской жизни» под рубрикой «Маленький фельетон». В основном это были юмористические, бытовые или философские зарисовки русских и зарубежных авторов: В.П. Гожева, А. Туркина, Р. Фольнера, Мультигули, А. Терье, Э. Бласко, Р. Шредера, В. Блютина и др. «Сибирская жизнь» перепечатывала их в основном из провинциальных газет «Орловские ведомости»³⁴, «Пермский край»³⁵, «Уральская жизнь»³⁶, «Харьковский листок»³⁷ и др., изредка из столичных газет и журналов («Санкт-Петербургские ведомости»³⁸, «Русская мысль»³⁹, «Биржевые ведомости»⁴⁰ и т.д.).

Видимо, из-за особой популярности В. Дорошевича достаточно часто помещались в «Сибирской жизни» его фельетоны из «Русского слова»: «В Татьянин день», «Варрава», «Звездочет», «Македонские легенды», «Ватикан», «Защитник вдов и сирот», «Кошка и собака»⁴¹.

³² Сибирская жизнь. 1903. № 84.

³³ Там же. № 192.

³⁴ Там же. № 8.

³⁵ Там же. № 88.

³⁶ Сибирская жизнь. 1903. № 95.

³⁷ Там же. № 112.

³⁸ Там же. № 45.

³⁹ Там же. № 64.

⁴⁰ Там же. № 108.

⁴¹ Там же. № 22, 77, 109, 123, 148, № 163, 249.

На протяжении года в столичной и провинциальной печати обсуждались самые разные темы: деятельность Ю. Витте в министерстве, положение средних учебных заведений в России, различные происшествия, пожар на пароходе, криминальные новости — убийства, ограбления; дела о наследстве; литературные новости и юбилеи — юбилей Л.Н. Толстого, юбилей В.Г. Короленко, 200-летие периодической печати в России и многое другое. Из газет выбиралась и развлекательная информация. Но для «Сибирской жизни» очень важной была тема Сибири, и сообщения по этому вопросу она отслеживала особенно тщательно. В целом «Сибирская жизнь» считала, что «российская столица до того обременена делами метрополии, что на долю колонии у нее остается, сравнительно, очень мало времени. На самом деле: начнешь ли перелистывать столичные газеты, и редко, редко где наткнешься на отрывочные сообщения о Сибири <...> Ввиду такого пониженного интереса в столичных сферах к делам и жизни обширнейших русских колоний, сибиряк чувствует себя в столице как-то жутко, как-то особенно отчужденно. Сибирь кажется ему здесь какою-то заморскою странюю, лежащею за тридевять земель» (Гамма «Сибирь в столице. Письмо первое»⁴²).

Возможно, поэтому и перепечаток о Сибири в рубриках «Русская жизнь» и «Вести и факты» («О чем говорят и пишут») встречалось сравнительно мало: это материал о записках Э.И. Строгова в «Русской старине», «рассуждение о сибирских спиртоносах» в «Новом времени», подсчет «стоимости великого сибирского железного пути» в «Промышленном мире», материал о пребывании в Сибири М.М. Сперанского в «Историческом вестнике» и некоторые другие⁴³.

Одним из значительных событий 1903 г. было празднование 200-летия российской периодической печати. В связи с этим событием в «Сибирской жизни» была опубликована передовая статья Антропова «Нужды сибирской печати»⁴⁴. Размышляя о появлении в Сибири «нового читателя», публицист поставил вопрос: «чего же он ищет в газете и что она ему дает?». Отвечая на него, Антро-

⁴² Сибирская жизнь. 1903. № 42.

⁴³ Там же. № 15, 83, 94, 21.

⁴⁴ Там же. № 61.

пов дал очень важную характеристику сибирской печати: читатель ищет «во-первых, интересных известий злободневного характера, и это он находит в изобилии в отделах корреспонденций, хронике, внутренних и иностранных известий; во-вторых, ищет он все того же света истины и познания, и... в этом отношении мы должны сказать, что газета ему положительно ничего не дает». «Народный читатель», по мнению автора «Сибирской жизни», в большинстве случаев просто не понимает, о чем идет речь, статьи остаются для него «почти что китайской грамотой». Поэтому, по глубокому убеждению автора, «провинциальная пресса вообще и в частности сибирская пресса должна быть не только выразительницей нужд края, не только печальником и ходатаем местного населения, но и проводником культуры во все доступные слои общества»⁴⁵. Отвечая на возможные возражения о том, что «не дело провинциальной печати заниматься культурным развитием народа, что для этого есть, во-первых, специальные популярно-научные книги, во-вторых, специальные популярно-научные органы печати», Антропов утверждал: «если первой ступенью народного просвещения является школа, вторую — библиотека, то третьей, высшей ступенью должна быть газета»⁴⁶.

Статья Антропова убедительно показывает, что политика «Сибирской жизни» в отношении заимствованных текстов носила принципиальный характер: это развитие, просвещение «народного» читателя, знакомство его с наиболее важными публицистическими и художественными произведениями не только местных авторов, но и столичных, и провинциальных, и зарубежных. Широкий круг источников, которыми пользовалась «Сибирская жизнь», подтверждает ее стремление ввести читателя в круг проблем, обсуждаемых по всей России и за рубежом, а критический подход к разного рода изданиям показывает, что газета тщательно отбирала информацию, обрабатывала ее в связи с собственной концепцией. Работа обозревателя в «Сибирской жизни» заключалась не в механическом копировании новостей, которые привлекли его внимание, а в продуманном введении чужого текста в ткань газеты, в результате чего создавалась общая картина обще-

⁴⁵ Сибирская жизнь. 1903. № 61.

⁴⁶ Там же.

ственной, культурной, экономической жизни Сибири, России и мира.

Концепция «Сибирской жизни» в отношении текстов заимствованных и авторских соотносилась с ее областнической тенденцией, включающей просветительство как фактор развития регионального самосознания. Несмотря на «запаздывание» информации, которая доходила до редакции газеты, она стремилась к тому, чтобы читатель не чувствовал себя обделенным, восполняя недостаток оперативности аналитическим подходом к широко вводимому «чужому» материалу.

Выяснив политику «Сибирской жизни» в отношении «заимствованных текстов», попробуем пойти еще дальше, разобрать сам механизм отбора информации для газеты. Для этого мы применим метод, который можно условно назвать «обратным поиском»: дореволюционные журналисты выбирали новости из разных газет и из них составляли собственный номер, исследователь же в данном случае изучает номер и обращается к газетам, которые послужили источниками новостей. Поэтому для настоящего исследования был выбран случайный номер все той же газеты «Сибирская жизнь», только другого года — 1910-го.

Для анализа взят номер 37 от 16 февраля 1910 г.: он не посвящен никакой дате, не приурочен ни к одному событию либо юбилею, хронологически отделен от традиционных годовых праздников (Новый год, Рождество, начало учебного года и т.д.), а также от летнего периода, когда новостная картина регулярно искажалась из-за того, что большая часть населения отдыхала, и в связи с этим количество событий в разы уменьшалось. Кроме того, это не воскресный и не субботний номер: обычный, стандартный, рядовой газетный номер, вышедший во вторник в середине февраля в начале 1910 г. В нем присутствуют практически все рубрики, которые к этому времени стали традиционными для газеты.

О чем писала «Сибирская жизнь» в номере 37 от 16 февраля 1910 г.? Вот основные материалы, освещающие следующие события:

1. Заседание Государственной Думы от 13 февраля 1910 г. Обратим внимание на относительную оперативность этого материала: 13 февраля прошло заседание — 16 февраля информация о нем уже появилась в газете. Объяснение этому может быть найдено в

объявлении о подписке на «Сибирскую жизнь», в которой читателям сообщалось, что газета «имеет специальных корреспондентов из Государственной Думы: Вергежского, Герасимова и Изгоева»⁴⁷. Передавая по телеграфу сообщения о заседаниях, спецкоры помогали сибирскому читателю быть в курсе тем и вопросов, обсуждавшихся в Госдуме.

2. Рубрика «Последние известия» — информационная подборка, включающая новости, перепечатанные из общероссийских ведущих газет. В анализируемом номере рубрика включала новости трех газет: «Русское слово» (из этой газеты было перепечатано 6 заметок), «Новая Русь» (4 заметки), «Утро России» (9 заметок). Всего в рубрике было 19 заметок, представляющих собой определенный «срез» русской жизни: это и торжественное открытие женского клуба в Симферополе, и слух об уходе с поста редактора «Правительственного вестника», и эпидемия сыпного тифа в Кичинево, и конфликт в Киевской духовной академии, и поздравление Августа Бебеля социал-демократической фракцией Государственной Думы, и обыск в клубе артистов в Варшаве, и опыты с аэробургом в Петербурге, и т.д.

3. Рубрика «Русская печать» включала пересказ сообщения А. Шингарева, который «далеко не разделяет радостного настроения г. Коковцева по поводу сведения бюджета без дефицита»⁴⁸ (основана на материалах газеты «Речь» — источник не найден).

4. Рубрика «По Сибири» представлена сообщениями о бюрократической волоките (Бийск), о хлебных операциях (с. Усть-Чарышская пристань Бийского уезда), о закрытии общественной мельницы (с. Лянинское Барнаульского уезда), с линии Сибирской железной дороги. Источник — материалы собственных корреспондентов.

5. Рубрика «Из газет». Составлена по материалам российских провинциальных газет, обозначенных буквами: «Г. Пр.», «Д.В.», «О.Т.»: вероятно, это газеты «Голос Приуралья» (Челябинск), «Дальний Восток» (Владивосток), «Омский телеграф» (Омск). О верности первого предположения говорит само содержание заметки под названием «Девичья выставка»: «В селе Чернавском

⁴⁷ Сибирская жизнь. 1903. № 61.

⁴⁸ Там же. № 37.

Курганского уезда издавна по окончании ярмарки, 18 января, празднуется храмовый праздник и устраивается “девичья выставка” <...>⁴⁹. В этой же заметке мы находим «временную привязку» — 18 января 1910 г., причем материал об этом «устаревшем» событии рассматривается в рубрике наряду с другими материалами как часть «новостной подборки». В заметке из газеты «Дальний Восток» о железнодорожном хищении нет никаких упоминаний о времени освещаемого события, как и в заметке о бесплатных билетах из «Омского телеграфа». Однако еще одна часть этой «новостной подборки» под названием «Замена на Дальнем Востоке» имеет, с одной стороны, «временную привязку» («В “Речи” от 3 февраля из Харбина...»⁵⁰), с другой стороны — в ней единственной нет ссылки на источник. Можно предположить, что это перепечатка из газеты «Дальний Восток», но в материалах этой газеты за январь и февраль 1910 г. подобной информации обнаружено не было. Возможно, что информация была взята непосредственно из «Речи», но и здесь поиски оказались безуспешными.

6. Рубрика «Отклики сибирской печати». В нее вошла информация из газеты, обозначенной буквами «В.З.» — это иркутская «Восточная заря», откуда была перепечатана статья «План перевозки переселенцев в 1919 г.».

7. Статья местного автора Макара Ангарского «Ангарская ссылка».

8. Рубрика «Фельетон “Сибирской жизни”»: здесь были помещены статьи местных авторов Вяч. Севастьянова («Имеет ли право город на организацию юридической помощи населению?») и И. Фрейдина («Моим анонимным и неанонимным корреспондентам. О севере и юге Сибири»).

9. Статья без указания авторства: «К выработке новых штатов, линейных контор Сибирской железной дороги».

10. Рубрика «Томская жизнь» представляет собой хронику городских событий от местных журналистов и корреспондентов. В этом номере в рубрике встречается ссылка на «посторонний источник» в следующей заметке под названием «Отставка барона К.С. Нолькена»: «“Биржевые ведомости” сообщают, что бывший

⁴⁹ Сибирская жизнь. 1903. № 37.

⁵⁰ Там же.

томский губернатор барон Нолькен, занимавший в последнее время пост Могилевского губернатора, покидает этот пост. Неожиданная отставка барона вызывает много толков»⁵¹. Тщательное исследование содержания «Биржевых ведомостей» за январь-февраль 1910 г. тем не менее не обнаружило этой новости.

11. Рубрики по культурной теме, составляемые местными журналистами: «Сегодня» (анонсы томских мероприятий), «Театр и музыка» (рецензия «Бенефис А.А. Наровского. “Бранд”, драматическая поэма г. Ибсена», автор «И.П.»).

12. Статья местного автора С. Тимашева «В Томском обществе борьбы с детской смертностью».

13. Перепечатка из «Русских ведомостей» — статья «Гамлетовский вопрос» А. Пешехонова, о будущем писательском съезде. Источник: «Русские ведомости», 1910, № 30 от 7 февраля.

14. Перепечатка из «Русских ведомостей» — «Чествование русской мысли». Источник: «Русские ведомости», 1910, № 30 от 7 февраля.

15. Материал «Новая статья Л.Н. Толстого». В начале материала указывается источник: «“Новое время” дает перевод появившейся за границей статьи Л.Н. Толстого под заглавием “Последний этап моей жизни” <...>», однако в действительности это также дословная перепечатка из «Русских ведомостей»⁵².

16. Статья «Земский начальник Иванов» — перепечатка из издания, обозначенного буквами «К.М.». Это газета «Киевская мысль». В начале сообщения указана дата: «20 января калужский окружной суд признал виновным <...>»⁵³; поиск информации в обозначенном источнике не принес результатов.

17. Рубрика «Русская жизнь» включает несколько материалов из разных российских газет (в «Сибирской газете» источники означались буквами):

- «Кружок самоубийц» (К.М.) — из «Киевской мысли»,
- «Испытание аэросаней» (К.В.) (испытания прошли 2 февраля) — из «Киевского вестника»,
- «Сметливый режиссер» (Б.) — из газеты «Баку»,

⁵¹ Сибирская жизнь. 1910. № 37.

⁵² Русские ведомости. 1910. № 30.

⁵³ Сибирская жизнь. 1910. № 37.

— «Проект противопожарной организации» (Р.В.) — из «Русских ведомостей»,

— «Интересное пожертвование» (У.Р.) — из «Утра России»,

— «На границе трагедии» (К.В.) — из «Киевского вестника».

18. Рубрика «В мире науки, литературы и искусства». Здесь помещен пересказ статьи Вик. Португалова «Забывтый рассказ Чехова» из февральского номера журнала «Вестник Европы».

19. Рубрика «Заграничная жизнь», в которой источники не указываются, среди материалов «Произведения русских писателей на арабском языке» (переводы Толстого, Горького, Чехова), «Торжество немецкой промышленности», «Первая телеграмма доктора Шарко» и др.

Из вышеперечисленных рубрик и отдельных материалов большая часть (13 из 19) — это перепечатки либо новостные подборки, составленные по материалам общероссийских и провинциальных газет и журналов. Однако поиск источников новостей, помещенных в «Сибирской жизни» в № 37 от 16 февраля 1910 г., был связан с определенными сложностями. Выяснилось, например, что новости, представленные в «Последних известиях» «Сибирской жизни» от 16 февраля 1910 г., и новости общероссийских газет, вышедших 16 февраля 1910 г. (те же самые «Утро России», «Русское слово», «Новая Русь»), совершенно не совпадают друг с другом. Бесполезно искать сообщение об открытии семфинопольского женского клуба в «Русском слове» от 16 февраля 1910 г., несмотря на то, что под заметкой «Сибирской жизни» четко подписан источник: «Русское слово». В столичных газетах, в номерах от 16 февраля, совершенно другой информационный набор: здесь бурно обсуждалось очередное заседание Государственной Думы, газеты прощались с недавно скончавшейся Верой Комиссаржевской, сообщали о присуждении художественных премий и т.д. И этот «информационный пакет», эти темы обсуждений одинаковы для всех представителей столичной прессы — они присутствуют и в московских «Русском слове», «Русских ведомостях» и «Утре России», и в петербургских «Новом времени», «Речи», «Новой Руси», «Биржевых ведомостях» и т.д. При этом они были абсолютно отличны от тем обсуждений в провинциальных газетах, если рассматривать все издания, вышедшие в какой-то один конкретный день. В сибирских газетах

от 16 февраля 1910 г., к примеру, много писали о чествовании В.М. Лаврова в связи с 30-летием журнала «Русская мысль», перепечатывали краткое содержание новой статьи Л.Н. Толстого, опубликованной в «Новом времени», обращали внимание на размышления А. Пешехонова в связи с планируемым писательским съездом, помещенные в «Русских ведомостях», и т.д.

На первый взгляд мы имеем дело с двумя разными информационными «повестками дня»: не совпадают события, ключевые фигуры, причем в «Сибирской жизни» явно усилен «литературоцентрический» контекст. Однако эта разница провинциальной и столичной газеты была связана не с уникальностью источников (чем можно было бы объяснить тот факт, что на страницах местных газет присутствуют «другие», не совпадающие со столичными новости), а с фактором времени. Для того чтобы все-таки отыскать источники, которыми пользовались журналисты «Сибирской жизни» при составлении своих новостных рубрик, необходимо вернуться обратно, перелистать страницы столичных газет, причем не на день и не на два-три-четыре, а на семь или даже десять дней. Часть новостей «Сибирской жизни» от 16 февраля 1910 г. была взята из газет: «Утро России» — от 9 февраля 1910 г., «Новая Русь» — от 7 февраля 1910 г., «Русские ведомости» — от 6 и 7 февраля 1910 г. и т.д. Заметим, что даже телеграммы — казалось бы, самый оперативный информационный источник — также поступали в редакции сибирских газет с задержкой от 2 до 5 дней, т.е. информационная «повестка дня» сдвинута во времени, она отставала от столичной и появлялась в провинции спустя 7—10 дней. Однако необходимо подчеркнуть, что это не «механический» сдвиг, из-за него трансформировалась вся новостная система сибирской прессы в целом.

Хронологический разрыв естественным образом требовал от журналистов особой выборки в отношении событий, которые могли быть перепечатаны в местной газете из столичной прессы. Очевидно, что собственно новости, которые, как известно, «живут один день», через неделю уже теряли свою актуальность. Они могли стать информационным поводом для размышлений, могли составить основу подборки, однако выполнить функцию оперативного информирования читателя были не в состоянии.

В связи с этими обстоятельствами возникает особый интерес к принципам отбора новостей и перепечаток для местной газеты.

Обратимся к номеру газеты «Русские ведомости» от 6 февраля 1910 г., из которого в номер «Сибирской жизни» попала передовая статья А. Пешехонова «Гамлетовский вопрос». В то же время сибирские журналисты оставили без внимания отчет о заседании Государственной Думы от 5 февраля, новости о приезде французской делегации, информацию об уголовном деле Ольги Штейн, фельетон «Щедрин — сотрудник газеты», московские новости, материал о публичных лекциях в Политехническом музее, сообщения о состязании авиаторов в Египте, о съезде библиотечных деятелей, о русской плавучей выставке в Сирии и мн. др.

Из номера «Русских ведомостей» от 7 февраля 1910 г. «Сибирская жизнь» перепечатала материалы «Новая статья Л.Н. Толстого» и «Чествование “Русской мысли”», вновь оставив за бортом дело Ольги Штейн, фельетон Буквы «Наше казнокрадство и взяточничество», статьи «В провинциальной гуще. Передоновщина» и «Опыты над вниманием у студентов и курсисток», русские и зарубежные новости.

Если из «Русских ведомостей» сибирская газета перепечатала крупные материалы о литературной и журналистской жизни России, то «Утро России» (номер от 9 февраля 1910 г.), напротив, послужило для «Сибирской жизни» источником новостей. Отсюда были полностью перепечатаны информационные заметки «Запросы “правых”», «Около парламента» (о приветствии А. Бебелю), «Фракция народной свободы», заметки об опыте с аэробургом в Петербурге, об охране кавказских дорог, о конфискованном календаре, «Борьба с азартом», «Цинга в колонии душевнобольных», «Слово о. Илиодора». Вне поля зрения «Сибирской жизни» остались передовая статья «Франция в Москве», статья о 100-летию со дня рождения Шопена, информационная подборка «Французские дни в Москве», обзор печати под названием «Злобы дня», а также небольшие информационные заметки из подборки «В России» — «Дары эмиру бухарскому», «Суд присяжных», «Одесская выставка», «Переселенческое дело», «Земельное междоусобие», «Подложные аттестаты» и многие другие. Полностью были оставлены без внимания также новостные подборки — рубрики «Петербург», «На Ближнем Востоке», «За рубежом», «Парижские дела», «Мо-

сква», «Сегодня», «Происшествия», «Студенческая газета», «Театры», «На диспуте», «Биржевые настроения», «Промышленность и торговля», «Биржа», «Спорт», «Новые книги», «Провинция».

Из огромной 6-страничной «Новой Руси» (от 7 февраля 1910 г.) были взяты только четыре заметки: три — из рубрики «Телеграммы (от наших собственных корреспондентов)» и одна — из «Хроники», слух об отставке редактора «Правительственного вестника». Заметим, что всего в «Хронике» был 21 материал (новости о бухарском эмире, прибытии в столицу болгарской делегации, о деловой поездке премьер-министра П.А. Столыпина, об открытии 12-го съезда русских деятелей по водным путям и т.д.). Московские новости, «Ответ полтавскому губернатору», «Внешние известия» и значительное количество информационных блоков и материалов собственных авторов были «Сибирской жизнью» также оставлены в стороне.

Всего в одном номере «Сибирской жизни» так или иначе присутствовали материалы из 14 газет («Утро России», «Новая Русь», «Русское слово», «Речь», «Биржевые ведомости», «Русские ведомости», «Новое время», «Голос Приуралья», «Дальний Восток», «Омский телеграф», «Восточная заря», «Киевская мысль», «Баку», «Киевский вестник») и одного журнала («Вестник Европы»).

Все эти издания попадали в редакцию «Сибирской жизни» с разной периодичностью, и журналисты предъявляли разные требования в отношении «оперативности» информационных материалов в газетах и журналах. На примере анализа одного номера «Сибирской жизни» можно было убедиться в том, что сибирские и дальневосточные «новости», датируемые январем, началом февраля, были все еще актуальны для газеты, вышедшей 16 февраля. Хотя вполне очевидно, что «новостями» эти материалы можно называть достаточно условно.

«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ» И ТВОРЧЕСТВО РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В РЕЦЕПЦИИ ТОМСКОЙ ПЕРИОДИКИ

Переходя к анализу рецепции русских классиков в русской периодике, скажем несколько слов о выборе анализируемых авторов. Он был произведен на основе многолетних исследований периодической печати Томской губернии, в результате которых были определены ключевые имена, постоянно присутствующие на страницах томских газет и журналов. В.А. Жуковский, Н.В. Гоголь, А.И. Герцен, М.Е. Салтыков-Щедрин и другие русские писатели были не просто именами, а символами русской литературы, их произведения хорошо знали и любили, о чем свидетельствуют многочисленные газетные материалы, в которых русские классики цитируются, на их авторитет ссылаются, их персонажи получают «вторую жизнь».

Добавим, что количество имен писателей не ограничивалось вышеперечисленными: так, в «Сибирской жизни» в 1900 г. было перечислено более 200 русских и зарубежных прозаиков, поэтов, литературных критиков в материалах самых разных жанров, от информационных заметок до фельетонов и рассказов.

«ПОЭТ И ВОСПИТАТЕЛЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II»: В.А. ЖУКОВСКИЙ

Изучение томской периодики с точки зрения рецепции русской классики приводит исследователя к мысли, что частота «апелляций» к литературным авторитетам была продиктована возможностью их «практического применения» для газетной практики. Так, гоголевские и щедринские персонажи служили для сатирического осмысления современных сибирских типов; узнава-

емость пушкинской строфы делала стихотворения великого поэта незаменимой основой для литературных «переделок»; на авторитет Л.Н. Толстого было принято «ссылаться» при постановке и решении значимых задач современности и т.д.

В.А. Жуковскому в этом отношении «не повезло»: его имя на страницах томской периодики встречается не так часто, «приложить» его к современности, к решению сиюминутных задач, как правило, не удавалось. Поэтому, например, в «Сибирской газете» за все время ее существования (с 1881 по 1888 г.) имя поэта упоминалось единственный раз: в рубрике «Русские известия» сообщалось, что «в бумагах покойного поэта В.А. Жуковского найдены, кроме оригиналов “Евгения Онегина”, “Анджело”, “Бориса Годунова”, также еще многие неизвестные до сих пор письма А.С. Пушкина»⁵⁴.

Однако в начале XX в. внимание к В.А. Жуковскому заметно возросло — и в связи с тем, что в России достаточно широко отмечалось 50-летие со дня смерти поэта (в 1902 г.), и в связи с активизацией политической жизни России в целом. Так, патриотическая поэзия Жуковского неожиданно оказалась востребованной националистической черносотенной прессой, в связи с чем в 1910 г. в томской газете «Сибирская правда» (являющейся органом Томского отделения Союза русского народа) было опубликовано стихотворение «Патриотическая песня» за подписью «В.А. Жуковский»:

«Многи лета, многи лета,
Православный русский царь!
Дружно, громко песня эта
Пелась прадедами встарь;
Дружно, громко песню эту
И теперь вся Русь твердит,
С ней по целому полсвету,
Имя царское гремит!
Прогреми ж до граней света
И по всем сердцам ударь
Наша песня: “Многи лета,
Православный Русский царь!”»⁵⁵.

⁵⁴ Сибирская газета. 1884. № 7.

⁵⁵ Сибирская правда. 1910. № 17.

Практически одновременно, в том же 1910 г., Жуковский попал в поле зрения профессора Императорского Томского университета И.А. Малиновского в связи с выступлением на публичном заседании юридического общества с докладом «Смертная казнь в русской художественной литературе». Профессор отмечал, что «защитниками смертной казни в нашей художественной литературе являются только три писателя — Жуковский, Даль и Родионов. Жуковский по поводу казни в Лондоне мужа и жены написал статью “О смертной казни”, в которой оправдывает смертную казнь с христианской точки зрения и находит, что она должна сопровождаться религиозными обрядами, причем вся процедура должна быть обставлена так, чтобы производить на жертву, исполнителей казни и общество впечатление таинства»⁵⁶. При этом Малиновский подчеркнул, что «несостоятельность христианской точки зрения Жуковского блестяще доказана Вл. Соловьевым, Л. Толстым и проф. Экземпларским»⁵⁷.

В большинстве случаев Жуковский на страницах томской периодики упоминался «в связке» со своими именитыми современниками — А.С. Пушкиным, В.Г. Белинским и другими. В этом смысле весьма характерной является заметка 1904 г. из газеты «Сибирский вестник» (рубрика «Среди газет и журналов»), автор которой отмечал: «В наши дни очень вовремя вспомнили умное слово великого Белинского, седьмой том нового издания сочинений которого вышел только на днях. Белинский говорит о Жуковском (в обзоре литературы за 1841 г.) как о представителе “истинного романтизма” и попутно определяет сущность этого литературного направления»⁵⁸. По мнению автора заметки, приведенная характеристика романтизма может быть отнесена к модернизму, что дало повод публицисту усомниться в декларируемой новизне литературного направления начала XX в. Про Жуковского же в материале больше не упоминалось, но тем не менее логика рассуждений автора вела к тому, что поэт может считаться не только представителем «истинного романтизма», но и в какой-то мере предтечей символизма.

⁵⁶ Сибирские отголоски. 1910. № 29.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Сибирский вестник. 1904. № 162.

Периодически имя Жуковского встречалось в связи с архивными делами, о чем свидетельствует, к примеру, сообщение о новых поступлениях в Императорскую публичную библиотеку, среди которых «от сына поэта Жуковского получено собрание альбомов его отца»: «В собрание входят 14 альбомов с рисунками Жуковского, альбом со стихотворениями Хомякова, Дмитриева и других, посвященными Жуковскому в память пребывания его в Москве в 1841 году»⁵⁹.

Одним из выдающихся событий литературной жизни России начала XX в. стало чествование в 1902 г. одновременно двух писателей — Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского — в связи с 50-летием со дня их смерти. Комплекс материалов периодической печати в этот период позволяет выявить понимание сибирскими публицистами места и роли Жуковского в русской литературе и общественной жизни, определить значимость творческого наследия поэта для Сибири начала XX в.

На юбилей Жуковского откликнулись почти все газеты Томска, начиная с официальных. Так, в «Томских епархиальных ведомостях» было помещено два сообщения о юбилейных мероприятиях в томском Епархиальном женском училище, в разделе «Известия и заметки»:

«22 апреля в Епархиальном женском училище была совершена инспектором классов панихида по в Бозе почившим русском писателе В.А. Жуковском и прочитана биография того же писателя преподавателем училища И.В. Эвергетовым в присутствии воспитанниц.

23 апреля, по поводу исполнившегося 50-летнего юбилея со дня смерти В.А. Жуковского, в помещении Епархиального женского училища состоялся литературный вечер с музыкально-вокальным отделением. Как чтения избранных стихотворений, так и пение под аккомпанемент рояля были исполнены ученицами очень недурно. Ближайшее участие в выборе литературных номеров и подготовке воспитанниц к чтению принимал И.В. Эвергетов, а пением руководил учитель пения А.В. Анохин»⁶⁰.

⁵⁹ Сибирские отголоски. 1910. № 29.

⁶⁰ Томские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1902. № 9.

Вклад же «Томских губернских ведомостей» в освещение этого события ограничился помещением в «Неофициальной части» (раздел «Объявления») рекламы журнала «Вокруг света», предлагавшего своим читателям в качестве бесплатного приложения иллюстрированные собрания сочинений Н.В. Гоголя, В.А. Жуковского и М.Н. Загоскина. В этом объявлении приводилось краткое содержание рекламируемых собраний сочинений, из которых читатели могли узнать, что в состав собрания В.А. Жуковского входят:

«Биография В.А. Жуковского. — Лирические произведения. — Баллады. — Овсяный кисель. — Каннитферитан. — Спящая царица. — Война мышей и лягушек. — Сказка о царе Берендее. — Камознс. — Капитан Бонн. — Кот в сапогах. — Сказка об Иване Царевиче и сером волке. — Нормандский обычай. — Ундина. — Наль и Дамаянти. — Рустем и Зораб. — Орлеанская дева. — Одиссея. Со множеством иллюстраций и рисунков академика К.В. Лебедева»⁶¹.

Наибольший вклад в знакомство сибирского читателя с творчеством и общественной деятельностью Жуковского внесла в 1902 г. частная печать, которая была представлена в Томске двумя крупными газетами — «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник».

Освещение юбилея Жуковского в 1902 г. имело свои особенности, связанные со следующими моментами. Во-первых, это был «двойной юбилей» — 50-летие со дня смерти Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского, а во-вторых, торжества в честь Гоголя хронологически были первыми — они прошли в феврале, а чествование Жуковского состоялось в апреле. Поэтому в информационной картине, связанной с юбилеем Жуковского, четко прослеживаются три блока.

Первый блок — подготовка к юбилею (январь — февраль 1902 г.). В это время имена Гоголя и Жуковского практически все время присутствуют «в связке», т.е. российское общество готовилось не отдельно к юбилею Гоголя и самостоятельному юбилею Жуковского, а к юбилею Гоголя и Жуковского — это сочетание

⁶¹ Томские губернские ведомости. 1902. № 3, 4.

имен звучало по крайней мере до марта 1902 г. как единая формула. Информация в газетной периодике Томска в этот период была представлена в основном в разделах «Телеграммы Российского телеграфного агентства», «Вечерние телеграммы» и «Томская хроника» — в газете «Сибирская жизнь»; «Телеграммы Российского телеграфного агентства» и «Внутренняя хроника» (перепечатки из центральных российских газет) — в газете «Сибирский вестник». Телеграммы нередко повторялись в обеих газетах.

Первые материалы о подготовке к юбилею Гоголя и Жуковского появились уже в середине января: в газете «Сибирский вестник» со слов «Русского листка» (раздел «Внутренняя хроника») читателям сообщалось, что основные мероприятия начнутся 21 февраля, в день кончины Гоголя, а «затем последует открытие в историческом музее Гоголевской-Жуковской выставки, размещенной в девяти залах»⁶². Московская управа первой ассигновала 4 тысяч рублей «на чествование памяти Гоголя и Жуковского» — «для устройства чтений и раздачи сочинений в городских училищах»⁶³; затем о своем желании «присоединиться к чествованию памяти Гоголя, Добролюбова и Жуковского» заявил Саратов⁶⁴. На проведение юбилейных торжеств ассигновали деньги думы Владикавказа (200 рублей)⁶⁵, Новочеркаска (300 рублей)⁶⁶.

По содержанию январских и февральских телеграмм можно было определить спектр конкретных мероприятий, которые планировалось провести в рамках «двойного юбилея»: городская управа Москвы «предложила комиссии по народному образованию выбрать две городские улицы для наименования их улицами Гоголя и Жуковского»⁶⁷; харьковский «гласный профессор» Сумцов «предложил переименовать две улицы в честь Гоголя и Жуковского их именем и поставить на скверах бюсты Пушкина, Гоголя и Жуковского»⁶⁸; в одесской Думе было «предложено ознаменовать 50-летие дня смерти Гоголя и Жуковского открытием двух народ-

⁶² Сибирский вестник. 1902. № 12.

⁶³ Сибирская жизнь. 1902. № 15; Сибирский вестник. 1902. № 16.

⁶⁴ Сибирская жизнь. 1902. № 18; Сибирский вестник. 1902. № 18.

⁶⁵ Сибирский вестник. 1902. № 23; Сибирская жизнь. 1902. № 27.

⁶⁶ Сибирская жизнь. 1902. № 29; Сибирский вестник. 1902. № 29.

⁶⁷ Сибирский вестник. 1902. № 19.

⁶⁸ Сибирская жизнь. 1902. № 23; Сибирский вестник. 1902. № 23.

ных школ именем Гоголя и постановкой бюста Гоголя в городском саду»⁶⁹; в Казани Дума постановила «открыть два новых начальных училища имени писателей, наименовать две улицы города именами Гоголя и Жуковского и привлечь к чествованию мусульманское население изданием на татарском языке “Ревизора”»⁷⁰; «в Белеве (родина Жуковского) город и земство решили ходатайствовать о разрешении подписки на сооружение памятника»⁷¹ и т.д. Кроме того, из материала красноярского корреспондента можно было узнать, что городская Дума постановила «поставить в городском саду бюсты Гоголя и Жуковского»⁷².

Развернутую программу юбилейных торжеств еще в январе представила московская Дума; в нее были включены следующие мероприятия.

«1) 21 февраля 1902 года отслужить панихиду по Н.В. Гоголю в Даниловом монастыре, а 22-го апреля — по В.А. Жуковскому в училищах, указанных городской управой;

2) в городских начальных училищах устроить чтения, посвященные жизнеописанию Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского и выдержкам из их произведений;

3) раздать оканчивающим курс в думских училищах избранные сочинения Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского с портретами и краткою биографией этих писателей;

4) присвоить двум училищам (одному мужскому и одному женскому) наименование “в память Н.В. Гоголя” и двум (одному мужскому и одному женскому) — “в память В.А. Жуковского”;

5) поставить на доме, где жил и умер Н.В. Гоголь, мраморную доску с соответствующей надписью;

6) ассигновать в распоряжение городской управы на расходы по устройству чествований обоих писателей до 4.000 рублей»⁷³.

Одновременно с информационными материалами на страницах газет появлялись и рекламные публикации. Так, в «Сибирской

⁶⁹ Сибирский вестник. 1902. № 26; Сибирская жизнь. 1902. № 27.

⁷⁰ Сибирская жизнь. 1902. № 33; Сибирский вестник. 1902. № 33.

⁷¹ Сибирская жизнь. 1902. № 41.

⁷² Сибирский вестник. 1902. № 44.

⁷³ Там же. № 21.

жизни» в двух номерах было помещено объявление о «Полном собрании сочинений Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского по крайне льготной и удешевленной цене (каждое собрание сочинений за 70 коп. без переплета и за один рубль в двух коленкорových переплетах без пересылки)»: это издание планировалось выпустить в 1902 г. «в виде особого дополнения к еженедельному иллюстрированному журналу и большой газете» «Родина» (Санкт-Петербург)⁷⁴.

В той же «Сибирской жизни» в рубрике «Объявление» была опубликована следующая рекламная информация:

«Памяти В.А. Жуковского. Кантата для смешанного 4-голосного или детского 2-голосного хора с аккомпанементом фортепиано. Слова П. Вейнберга, музыка М. Ипполитова-Иванова. (Написана по поручению в обществе любителей Российской словесности при Императорском университете). Партитура 60 к. Музыкально-инструментальная торговля П.И. Макушина в Томске»⁷⁵.

А тем читателям «Сибирской жизни», которые хотели бы приобрести портрет В.А. Жуковского, газета предлагала обратиться в книжный магазин Макушина, где «вновь получены» портреты писателей «на картоне размером 25х35 см», «цена 40 к., в рамке под стеклом 1 р. 30 к. и 1 р. 50 к.»⁷⁶.

Чем ближе к юбилею, тем короче становились телеграфные сообщения; теперь уже в одной строчке сообщалось, что «о чествовании Гоголя и Жуковского сообщают из Ростова-на-Дону и Тамбова»⁷⁷; «из Николаева и Тюмени извещают о приготовлениях к чествованию Гоголя и Жуковского»⁷⁸ и т.д.

Необходимо отметить, что всероссийский масштаб празднованию юбилеев Гоголя и Жуковского задали два официальных документа. Во-первых, это постановление училищного совета при Святом Синоде «о неимении препятствий к чествованию в церковных школах учительских, второклассных, одноклассных и двухклассных памяти Гоголя и Жуковского с соблюдением препо-

⁷⁴ Сибирская жизнь. 1902. № 27, 40.

⁷⁵ Там же. № 80.

⁷⁶ Там же. № 97.

⁷⁷ Сибирская жизнь. 1902. № 35; Сибирский вестник. 1902. № 35.

⁷⁸ Сибирская жизнь. 1902. № 41; Сибирский вестник. 1902. № 41.

данных в этом отношении указаний»⁷⁹, а во-вторых — самое главное — «Циркуляр министра народного просвещения попечителям учебных округов», в котором было сказано:

«В текущем году истекает 50-летие со дня кончины Н.В. Гоголя (21 февраля) и В.А. Жуковского (12 апреля). Признавая необходимым, чтобы в чествовании памяти этих двух великих писателей земли Русской приняли участие и учебные заведения подведомственного мне Министерства, я считаю нужным преподать вашему превосходительству следующие по сему предмету указания.

По отслужении всенощной накануне дня кончины упомянутых писателей, или Божественной заупокойной литургии в самый день кончины, или, наконец, панихиды, как то представится наиболее удобным по местным условиям, должны быть в помещениях учебных заведений устроены торжественные акты или собрания учащихся и учащих, с разъяснением последнего значения почившего писателя в отечественной литературе и истории и с раздачей, где позволят средства, разрешенных Министерством биографий или сочинений чествуемого писателя, а равно и его портрета.

При начальных народных училищах и бесплатных народных читальнях и библиотеках, где таковые имеются, должны быть, с испрошением на то в установленном порядке разрешения местного начальства, устроены публичные с туманными картинами чтения из подходящих сочинений чествуемых писателей.

К сему считаю нужным присовокупить:

1) что чествование памяти В.А. Жуковского должно происходить не в юбилейный день 12 апреля, приходящийся в пятницу Страстной недели, а 23 апреля, причем заупокойную литургию или панихиду следует совершить накануне, 22 апреля, и 2) что упомянутые выше портреты Гоголя и Жуковского могут быть приобретаемы в редакции “Правительственного вестника” по доступной цене с оплатою лишь стоимости бумаги и печатания»⁸⁰.

О публикации циркуляра сообщила 5 февраля в разделе телеграмм «Сибирская жизнь»; затем 13 февраля его полный текст

⁷⁹ Сибирская жизнь. 1902. № 35; Сибирский вестник. 1902. № 35.

⁸⁰ Сибирская жизнь. 1902. № 36; Сибирский вестник. 1902. № 37.

опубликовали обе газеты. Этот документ, с одной стороны, регламентировал юбилейные торжества, с другой — официально поощрял мероприятия, посвященные чествованию писателей.

Проходила подготовка к торжествам и в Томске, о чем читатель узнавал из рубрик «Томская хроника» («Сибирская жизнь») и «Местная хроника» («Сибирский вестник»): здесь сообщалось о создании особой комиссии для чествования Гоголя и Жуковского в Императорском Томском университете⁸¹, затем уточнялись время проведения чествования (21 февраля) и программа вечера, которую было решено составить из трех отделений — два из них посвящались Гоголю, третье — Жуковскому, и здесь предполагалась речь С.К. Кузнецова, «пение на слова Жуковского (“Лесной царь”, “Ночной смотр” и др.) и декламирование его произведений»⁸². Также юбилеи Гоголя и Жуковского решено было отметить в Томской духовной семинарии⁸³, а в марте на общем собрании «всех учащихся в городских приходских училищах г. Томска под председательством инспектора народных училищ В.С. Добровольского» было решено 22 апреля провести панихиду, 23 апреля — юбилейные торжества в честь Жуковского. «Сибирская жизнь» сообщила, что «собрание постановило: 1) познакомить учащихся с биографией В.А. Жуковского и лучшими из его произведений: сказки, Наль и Дамаянти, Ундина, Светлана и др.; 2) повесить в училищах портреты поэта; 3) если будет возможно, устроить в помещении общественного собрания литературно-музыкальный вечер из произведений Жуковского; если же это не удастся, то чествовать поэта так же, как недавно чествовали Н.В. Гоголя, т.е. разделиться по группам и устроить литературные вечера в бесплатной библиотеке, Александровском и Уржатском училищах; ходатайствовать в надлежащих сферах о присвоении имеющему открыться в городе Томске 4-классному женскому училищу имени В.А. Жуковского»⁸⁴.

К информационному блоку, представляющему спектр событий и мероприятий, связанных с юбилеем Гоголя и Жуковского, примыкает второй блок: условно его можно назвать «курьезы

⁸¹ Сибирский вестник. 1902. № 24.

⁸² Сибирская жизнь. 1902. № 31; Сибирский вестник. 1902. № 34.

⁸³ Сибирский вестник. 1902. № 39.

⁸⁴ Сибирская жизнь. 1902. № 53.

гоголевско-жуковских дней». Здесь выделяются несколько сюжетов, которые достаточно широко обсуждались в русской печати и получили отклик на страницах томской периодики.

Первый был связан с тульским дворянским собранием, которое в повестку своего заседания включило вопрос «о чествовании памяти дворянина Тульской губернии Василия Андреевича Жуковского». На это известие откликнулись обе томские газеты. «Сибирская жизнь» в рубрике «Вести и факты» поместила материал под названием «Дворянское самолюбие»: «Со слов “Южного края” “Новое время” приводит часть повестки, приглашающей дворян Тульской губернии на губернское собрание. В этой повестке значится между прочим: “О чествовании памяти дворянина Тульской губернии Василия Андреевича Жуковского”. Кто это такой — иронически спрашивает «Новое время», — не сродни ли он дворянину Пушкину, которого чествовало в свое время волынское дворянство? Вся Россия будет чествовать поэта Жуковского»⁸⁵.

Более объемный материал в рубрике «Среди газет и журналов» (по материалам газеты «Южный край») поместил «Сибирский вестник»; здесь уже подробно анализировалась эта «странная терминология»: «“Дворянин Тульской губернии” и ничего больше! Не сказано ни “знаменитый поэт”, ни “воспитатель Императора Александра II”, а просто “дворянин Тульской губернии”. Можно подумать, что все заслуги певца “Светланы” только к тому и сводились, что он имел честь принадлежать к дворянскому сословию Тульской губернии. Какая узко-сословная близорукость! Какое ненужное подчеркивание принадлежности к дворянскому сословию!»⁸⁶.

Основой второго «сюжета» стала небольшая телеграмма из Москвы: «Племянник Гоголя Быков привез на выставку чемодан Гоголя, дорожный его жилет, а также футляр и золотые часы, принадлежавшие Пушкину, взятые после дуэли Жуковским и переданные Гоголю»⁸⁷.

Эта информация была неточно опубликована в двух газетах, отчего полностью поменялся ее смысл; отклик на возникшую ситуацию появился в сатирической рубрике «Сибирской жизни» —

⁸⁵ Сибирская жизнь. 1902. № 37.

⁸⁶ Сибирский вестник. 1902. № 38.

⁸⁷ Сибирская жизнь. 1902. № 45; Сибирский вестник. 1902. № 45.

«газете в газете» «Абракадабре», в форме «Письма в редакцию» (По беспроволочному телеграфу)»:

«Милостивый государь, господин редактор!

Войдите в положение покойного писателя и защитите его от клеветы здравствующих сочинителей.

В № 67 “Варшавского курьера” напечатано, а в № 68 «Утреннего курьера» перепечатано следующее сообщение: “Родственник Гоголя Быков привез на выставку (в Москву)... золотые часы, принадлежавшие Пушкину, взятые после дуэли с Жуковским и переданные Гоголю”.

Все это злостная клевета. Я не только не дрался с Пушкиным на дуэли, а, напротив, находился с ним в самых дружеских отношениях. Что же касается часов, то действительно я имею к ним некоторое отношение: я взял их после роковой дуэли Пушкина с Дантесом и передал их впоследствии Гоголю. Но чтобы проливать кровь — ей-богу, этого со мной никогда не бывало.

Примите уверение и т.д. В.А. Жуковский. Елисейские Поля, мартовские календы»⁸⁸.

Можно предположить, что в первом случае — в «Варшавском курьере» — возникла опечатка по вине наборщиков, но затем новость была перепечатана следующей газетой, и буквально «на глазах» мог родиться миф о дуэли двух поэтов. Вступаясь за честь Жуковского, «Сибирская жизнь» также напоминала своим читателям реальные события, связанные с трагической гибелью Пушкина, настаивала на точности фактов.

В русской печати были отмечены и случаи, свидетельствующие о невежестве представителей власти. «Сибирская жизнь» обращала внимание читателей на следующий курьез (рубрика «Вести и факты»):

«В Бендерах, в заседании городской думы рассматривался доклад о чествовании памяти Гоголя и Жуковского. Часть доклада, касающаяся “латонических” мероприятий, не вызвала возражений; мероприятия же, для осуществления которых необходимы

⁸⁸ Сибирская жизнь. 1902. № 62.

расходы, вызвали протест со стороны гласного С-ъ, находившего, что в городской кассе так мало средств, что для чествования Гоголя и Жуковского достаточно будет... выразить им благодарность [курсив «Сибирской жизни»] (среди гласных и публики сдержанный смех). Соседи С-а объясняют, что писатели, о которых говорится в докладе, умерли 50 лет назад, а потому в благодарности думы не нуждаются. Тем не менее, гласный С-ъ, продолжая настаивать на отсутствии свободных средств, предлагал почтить их память вставанием... После замечания, что услуги, оказанные чествуемыми писателями, настолько велики, что вопрос о средствах для их чествования не может иметь места, дума приняла доклад управы, ассигновав 200 р.»⁸⁹.

Похожая ситуация была передана и газетой «Сибирский вестник» (рубрика «Внутренняя хроника»):

«В собрании уполномоченных в г. Бельцах обсуждался вопрос о чествовании памяти Жуковского. Обсуждался вопрос об ассигновании 45 рублей на покупку книжек для раздачи бедным учащимся в день 50-летия смерти В.А. Жуковского. Имя Жуковского заинтересовало уполномоченного г. Козьму, и он воскликнул: “Да, да, следует ассигновать, я знал Жуковского, он жил по соседству со мною, был славный старичок и мой хороший знакомый”. Оказывается, что почитатель всех великих людей и любитель цивилизации смешал поэта с каким-то лавочником, действительно жившим по соседству с г. Козьмою... Вот истинный “отец города”!..»⁹⁰.

«Сибирская жизнь» указывала также на определенную формальность мероприятий, связанных с юбилеями писателей, в фельетоне Т. Сергеева «Дело бабушки Анисьи»: «Нигде, наверное, так не в обычае разные посмертные юбилеи, празднуемые через 5, 10, 15, 20, 25 и т.д. лет после смерти того или другого замечательного человека, как у нас за последнее время. Сегодня мы поминаем Надсона, завтра Добролюбова, послезавтра Пушкина, там

⁸⁹ Сибирская жизнь. 1902. № 54.

⁹⁰ Сибирский вестник. 1902. № 92.

Кольцова или Жуковского и относимся к этому как к серьезному, живому делу. «Поминальное направление» настолько резко сказывается в современной печати, что в одной провинциальной газете, по моему расчету, некрологи и юбилейные «поминания» занимают добрую половину всего оригинального материала»⁹¹. Однако автор материала был уверен, что «им, великим людям, ни живым, ни мертвым не нужно наше показное почитание: единственно, чего они хотели и хотят от нас, — это чтобы мы были достойны имени человека [курсив «Сибирской жизни»]. Если бы каждый из них, умирая, мог сознавать, что благодаря его деятельности *живых людей* [курсив «Сибирской жизни»] в человечестве стало больше, — лучшей награды он никогда не пожелал бы себе». Нужно не «показное почитание» и «приседание через каждые 25—50—100 лет», а настоящая работа по воспитанию человека, считал автор «Сибирской жизни»⁹².

Наконец, довольно сложный сюжет оказался связан с «гоголевскими днями», хронологически предшествующими чествованию Жуковского. Масштаб и охват событий и мероприятий, связанных с юбилеем Гоголя, неизбежно породил публикации, в которых указывалось на «неравновесность» юбилеев писателей, на то, что Гоголь невольно «заслонил» собою Жуковского. Характерным примером здесь может служить материал «В Иркутске» (рубрика «Фельетон “Сибирского вестника”»: «Чем мы живы»). Рассказав о праздновании гоголевского юбилея в Иркутске, корреспондент газеты добавлял: «Таким образом комиссией чествуется память Гоголя, а о Жуковском ни слова; никто и не заикнулся. Кажется, про него забыли, неужели память его не заслуживает внимания, неужели он отстал от времени, устарел, так что о нем не стоит и вспоминать? Что же думает комиссия? Ведь памяти Жуковского даже чтения не посвящено ни в одной из аудиторий. Надо заметить, что так у нас прошли незамеченными 40-летия со дня смерти Никитина и Добролюбова, а теперь 50-летие со дня кончины Жуковского. Чем это объяснить?»⁹³.

⁹¹ Сибирская жизнь. 1902. № 45.

⁹² Там же.

⁹³ Сибирский вестник. 1902. № 50.

Сатирический отклик на эту же тему появился в газете «Сибирская жизнь», где в своеобразной «газете в газете» «Абракадабра» было помещено следующее «Письмо в редакцию»:

«Милостивый государь, господин редактор.

Будьте любезны дать место нескольким моим строкам. Вчера я встретился с моим старым приятелем, небезызвестным вам Н.В. Гоголем. Он похудел ужасно и все время жалуется на икоту. При взгляде на него у меня явилась страстное желание отменить как-нибудь приближающееся 50-летие со дня моей смерти. Возможно это сделать или нет? Примите и проч. В. Жуковский»⁹⁴.

Но, конечно, «отменить торжества» не удалось, и в апреле пришел черед Жуковского «жаловаться на икоту» в связи с частым упоминанием его имени в связи с юбилеем. Третий блок материалов охватывает период апрель-май 1902 г., это «основная часть», собственно юбилейные публикации в связи с 50-летием со дня смерти В.А. Жуковского. Этот блок состоит главным образом из публикаций местных томских авторов, посвященных Жуковскому; кроме того, в томских газетах были помещены многочисленные телеграммы о праздновании юбилея писателя в разных городах России:

«Петербург. Сегодня в женских гимназиях ведомства Императрицы Марии происходили торжества памяти Жуковского.

Петербург. В Александро-Невской лавре по желанию городского управления отслужена панихида по В.А. Жуковскому и на могилу возложены серебряные венки»⁹⁵.

«Петербург. По случаю исполнившегося 50-летия со дня кончины академика, поэта Жуковского, в зале Императорской академии наук 12 мая предположено заседание по отделению русского языка»⁹⁶.

«Петербург. Из Радома, Кронштадта, Тулы, Рязани, Вильно и Риги сообщают о панихидах по Жуковском.

⁹⁴ Сибирская жизнь. 1902. № 44.

⁹⁵ Сибирский вестник. 1902. № 88; Сибирская жизнь. 1902. № 89.

⁹⁶ Сибирская жизнь. 1902. № 89.

Петербург. Из Москвы, Верного, Асхабада, Кельца, Ташкента, Новороссийска, Ковны, Петрозаводска, Новочеркаска, Харькова, Радома, Вильны, Ростова-на-Дону, Томска, Тифлиса, Ирбита, Тюмени, Одессы, Астрахани, Кургана, Владимира, Нового Маргелана, Липецка, Гродно, Екатеринославля и Калиша сообщают о панихидах по Жуковскому»⁹⁷.

«Петербург. Из Орла и Камышлова сообщают о чествовании Жуковского и панихидах по нем»⁹⁸.

«Телеграммы от нашего корреспондента. Семипалатинск. 28 апреля обществом попечения о начальном образовании совершена панихида по Жуковском и Глебе Успенском. Устроен бесплатный вечер, посвященный памяти Жуковского»⁹⁹.

«Сибирская жизнь» первой поместила авторский «юбилейный» материал о Жуковском, не дожидаясь «официальной даты» 23 апреля. Уже 18 апреля 1902 г. в газете был опубликован портрет поэта и статья под названием «В.А. Жуковский (По поводу 50-летия со дня смерти)». Автор, выступивший под псевдонимом «В.Ф.», начинал публикацию с напоминания о том, что «12 текущего апреля исполнилось 50 лет со дня смерти певца “Светланы” и того доброго сеятеля, который сумел зародить в душе юного Александра II те добрые чувства, из которых выросла впоследствии великая освободительная реформа»; это, по мнению публициста, удобный случай, чтобы «возобновить в памяти читателей некоторые черты из жизни поэта, память которого чествуется на днях всей грамотной Русью». Автор перечислял основные вехи жизненного пути поэта: рождение в с. Мишенском в 1783 г., детство в семье Буниных, первые литературные опыты Жуковского, его обучение в «Благородном университетском пансионе» в Москве. После ряда событий поэт в 1810 г. «возвращается в Мишенское, покупает на оставленные ему Буниным деньги деревню и поселяется в ней. Приближался момент, когда поэт прогремел на всю Россию, стал известен двору и сделался царедворцем». Публицист подчеркивал: «эта половина жизни поэта заслуживает того, чтобы на ней остановиться поподробнее, что мы сделаем в следующем номере»¹⁰⁰.

⁹⁷ Сибирская жизнь. 1902. № 90.

⁹⁸ Там же. № 91.

⁹⁹ Там же. № 94.

¹⁰⁰ Там же. № 85.

В этом же номере была опубликована рецензия (в рубрике «Библиография») на следующее издание: «Библиотека “Детского чтения”»: Жизнь и труды В.А. Жуковского. Чтение для школ и для народа. Составил Дм. Ив. Тихомиров. С рисунками и портретами. Цена 10 коп.»¹⁰¹. Здесь, высоко оценивая опыт издания специальных книг для школы и народа — «будучи очень дешевы по цене, тем не менее, по внутренним своим достоинствами книжки чрезвычайно ценные», — к числу «подобных хороших книжек» автор причислял и рецензируемое издание: она «вся проникнутая добрым человеческим чувством и талантливо составленная Д.И. Тихомировым», в ней «образ благородного и благодушного поэта, гуманнейшего из людей, воспитавшего и вырастившего в Царе-Освободителе неуклонное стремление снять с народа оковы крепостничества, в изображении Дм. Ив. Тихомирова встает, как живой»¹⁰². Немаловажным является и хорошее иллюстрирование книги; автор «Сибирской жизни» подробно перечислял все портреты, помещенные в книге, поскольку это обстоятельство может склонить в пользу выбора именно этого издания малоимущего читателя.

Обещанное же продолжение материала о Жуковском действительно появилось в «Сибирской жизни», № 86 от 20 апреля 1902 г. Здесь, описывая сюжет вхождения Жуковского в царскую семью в качестве воспитателя наследника, публицист указывал на несколько обстоятельств. Во-первых, и до начала «придворной карьеры» «друзья Жуковского не раз пытались вытащить его из деревни в столицу», «и каждый раз неудачно: поэт, выше всего ставивший свою независимость, не хотел служить, и, как это ни странно, а Жуковский, автор патриотических стихотворений и придворных мадригалов, Жуковский, находивший впоследствии безумными самые скромные политические вспышки на Западе, за свое нежелание служить прослыл подозрительным “якобинцем”»¹⁰³.

Вторым обстоятельством, сыгравшим большую роль в дальнейшей судьбе Жуковского, стало неудачное сватовство поэта к Марии Протасовой; это привело к тому, что «Жуковский, огорчен-

¹⁰¹ Сибирская жизнь. 1902. № 85.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же. № 86.

ный отказом в руке любимой девушки, поступил в армию», «в день Бородина он находился недалеко от поля битвы, а после сражения под Красным заболел горячкой и вернулся в деревню». Эта «кратковременная военная деятельность» принесла свои плоды: Жуковский создал «знаменитое в свое время стихотворение “Певец во стане русских воинов”», которое «стало известным императрице Марии Федоровне», очень заинтересовавшейся поэтом. Его с еще большей настойчивостью стали приглашать в Петербург, куда он наконец и переехал в 1815 г., а «в конце 1817 г. мы видим его уже в роли учителя русского языка при великой княгине Александре Федоровне»¹⁰⁴.

С этого времени «придворная карьера поэта идет успешно: он осыпается милостями и наградами, академия избирает его своим членом, а с воцарением Николая I Жуковский назначается наставником к наследнику престола». Однако публицист «Сибирской жизни» не задерживается на этом важном эпизоде биографии Жуковского, мотивируя это решение следующим образом: «Мы не имеем возможности проследить шаг за шагом жизнь поэта, так как это заняло бы слишком много места, почему остановимся лишь на главных событиях его жизни». К таковым относятся: переезд Жуковского за границу и его женитьба, поскольку с этого времени «Жуковский не возвращался в Россию, хотя стремился туда всей душой: то его задерживала болезнь жены, то собственная, то свирепствовавшая в России холера, и так до 1852 г. А 12 апреля этого года Жуковского уже не стало: он умер в Баден-Бадене, а тело его было перевезено в Петербург и похоронено в Александро-Невской лавре»¹⁰⁵.

Окончив краткий биографический очерк, публицист задается вопросом: «чем же был знаменит Жуковский, по мнению некоторых, плохо знакомых с его жизнью, занимавшийся лишь сочинением дифирамбов царственным особам? Чем заслужил он память в потомстве?» На этот вопрос автор отвечает: «Всею жизнью. И как поэт и как человек»¹⁰⁶.

Характеризуя Жуковского-поэта, автор материала приводит «отзыв Белинского, заявившего, что “неизмерим подвиг Жуков-

¹⁰⁴ Сибирская жизнь. 1902. № 86.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

ского и велико значение его в русской литературе»»; «до Жуковского в русской литературе царил “псевдоклассицизм”, “пииты” в высокопарных выражениях описывали героев высокого происхождения и ранга, царили сушь и фальшь». Жуковский же «первый заговорил о жизни, о человеческих чувствах»; «переноса на русскую почву “романтизм”, он вложил в него столько поэзии, столько чувства, что современники приходили от его стихов в восторг, а некоторые из последних сохранили свою прелесть и свежесть и до наших дней». В итоге заслуги Жуковского перед литературой обозначаются следующим образом: «он создал русский романтизм и лирику, приблизил к нам литературу Запада и реформировал русский стих». Публицист особенно подчеркивает: «и Пушкин, и Лермонтов были продолжателями Жуковского, они заговорили его стихом. И не будь Жуковского, может быть, не было бы ни Пушкина, ни Лермонтова. Пушкин сам называл себя учеником Жуковского и начал свою литературную деятельность с подражаний ему»¹⁰⁷.

Наконец, автор юбилейного материала переходит к характеристике Жуковского как человека: «он был одним из образованнейших людей своего времени», и при этом «не был только носителем огромной эрудиции, он был просвещенным человеком и по своим взглядам и убеждениям»; «больше всего ценил свободу везде и во всем»; поддерживал многих поэтов. Публицист перечисляет: «Пушкин был его другом и учеником, Гоголь на первых шагах своего литературного поприща был поддержан Жуковским, Тарас Шевченко был выкуплен из крепостной неволи с помощью Жуковского, поэту Баратынскому Жуковский вымолил прощение, когда тот за случайную провинность был отдан в солдаты», и так далее. При этом «молодежь любила его за его мягкость и отзывчивость, а зрелые люди уважали его, так как Жуковский, сделавшись царедворцем, остался таким же, каким был и до своего приближения ко двору: он сохранил свои убеждения до смерти, никогда не отступал от них и отстаивал даже пред таким сильным противником, как император»¹⁰⁸.

¹⁰⁷ Сибирская жизнь. 1902. № 86.

¹⁰⁸ Там же.

В заключение «В.Ф.» добавляет, что «есть недочеты и личности Жуковского, были и у него ложные взгляды на некоторые предметы», но «положительное в характере Жуковского» «поглощает эти недочеты». И материал заканчивается цитатой из биографического очерка В.В. Огаркова, которая, по мнению публициста, дает полное представление о том, «каков именно был Жуковский»: «Есть такие имена в литературе, которые, сияя кротким лучезарным светом, привлекают к себе всех и редко в ком свободны возбуждать отрицательные чувства. Чем-то мирным, поэтическим веет от носителей этих имен; при воспоминании о них смолкает злоба и верится в добро, счастье и красоту»¹⁰⁹.

Таким образом, автор «Сибирской жизни» подчеркивал в материале многогранность, многомерность личности Жуковского, его свободолобие, независимость. Материал полемически застроен против тех, кто считает Жуковского только сочинителем «придворных мадригалов», переводчиком «немецкого романтизма». Для публициста имеет значение также актуальность творчества Жуковского, но этот вопрос в материале решается осторожно, указывается, что некоторые из стихотворений «сохранили свою прелесть и свежесть и до наших дней», но в целом же в материале акцентируется большее внимание на общественной значимости Жуковского как воспитателя Царя-Освободителя, покровителя литературных талантов.

В «Сибирском вестнике» юбилею Жуковского было посвящено два больших материала. Первый из них — «Речь в мужской гимназии, пред панихидой по В.А. Жуковскому, 22 апреля 1902 года» протоиерея А.А. Мисюрева — публиковался последовательно в трех номерах газеты¹¹⁰.

Мисюрев характеризовал Жуковского как «многостороннего деятеля для русской земли», который «выступает пред нами» как «наставник Наследника Всероссийского престола, русский поэт и прекрасный переводчик, убежденный патриот и верный христианин во всех обстоятельствах жизни». В первой части материала Мисюрев акцентирует внимание читателя на «ипостаси» Жуковского — воспитателя будущего императора; автор отмечает, что

¹⁰⁹ Сибирская жизнь. 1902. № 86.

¹¹⁰ Сибирский вестник. 1902. № 88, 89, 90.

«вдохновенный Жуковский, чуткий поэт-мыслитель» приветствовал «августейшую мать» с рождением сына, посвятив ему «приветствие» — этот «как бы “заглавный лист” к последующей жизни родившегося князя», полный «дорогих слов самой искренней любви»¹¹¹.

Рассказывая о назначении Жуковского наставником к «малолетнему наследнику престола», Мисюрев подчеркивает, что учителя императора «имели счастье воспитывать в цесаревиче, щедро одаренном по их наблюдениям за ним, — воспитывать не только будущего Государя, но и человека. В самом великом значении этого слова — счастье вселять должным порядком в восприимчивого питомца благороднейшие мысли о предстоящем ему великом служении русской земле — считали священным долгом содействовать раскрытию и укреплению в царственном ученике благородного чувства уважения к человеческой личности на испытанных веками началах христианской любви к ближнему и дальнему»¹¹².

Отдельно автор «Речи» остановился на разработанном Жуковским «курсе учения и нераздельного с ним воспитания», говорил о том, что «Василий Андреевич не любил существенных отступлений от принятой системы». В рамках этой программы будущий император «путешествовал от Петербурга и до Тобольска включительно, от Балтийского моря и до берегов Черного моря, причем под руководством Жуковского, наглядно знакомился в Европейской России и Западной Сибири с бытом и жизнью, с разнообразными потребностями многомиллионного народа в русской империи»¹¹³. Для автора «Сибирского вестника» особенно важно, что во время этого путешествия «наследник всероссийского престола — Александр Николаевич, первый из Августейших путешественников по Сибири, был в Тобольской губернии», где познакомился с П.П. Ершовым, учителем словесности, а впоследствии директором Тобольской гимназии, известным поэтом и автором «Конька-Горбунка». В этом знакомстве большую роль также сыграл В.А. Жуковский.

¹¹¹ Сибирский вестник. 1902. № 88.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

Описав деятельность Жуковского как воспитателя императора, Мисюрев добавлял, что «наше представление об этом разностороннем деятеле для благоденствия русской земли было бы слишком узким и крайне отрывочным, если бы мы ничего более упомянутого не сказали о нем, как и поэте и переводчике»¹¹⁴. Автор считал, что как поэт Жуковский «выступил в бесцветную пору русской словесности и пробудил значительный интерес к занятию русской литературой»; Мисюрев уточнял, что в этой роли Жуковский выступил «еще в бытность учителем русского языка у великой княгини Александры Федоровны и как близкий человек к царскому семейству». По мнению томского протоиерея, «благодаря Жуковскому и в высшем обществе стали говорить более на отечественном языке, чем прежде, удивляясь скрытому здесь духовному богатству русского народа, которое было неизвестно для большинства в течение целого ряда веков»¹¹⁵.

Мисюрев сравнивал Жуковского с Карамзиным: «Как историкограф Карамзин сильно заинтересовал русское общество своими литературными трудами, особенно “Историей государства российского”, так и Жуковский заговорил в художественной области своего творчества на чистом русском языке, свободном от разнородной примеси, на языке образном и гибком, вполне пригодном для выражения умственных сторон верующей, надеющейся и любящей души, — и наш поэт сначала имел такой успех, что “только и говорили о стихах Жуковского, только и повторяли их наизусть”»¹¹⁶.

Характеризуя в целом поэзию Жуковского, Мисюрев подчеркивал, что она «настроена преимущественно на христианских началах». Назначение поэтов, в понимании Жуковского, в том, что «они, как лучезарный огонь на маяке, особенно необходимый во время свирепых порывов изменчивого ветра и всевозможных опасностей среди бури, самим Создателем предназначены быть “путеводными звездами для всех племен, во всех странах и временах”». Подтверждая эту мысль, Мисюрев приводил в пример «Агасфера, главное лицо, выводимое Жуковским в своей поэме», который говорит:

¹¹⁴ Сибирский вестник. 1902. № 89.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же.

«Земная поэзия, сестра небесной молитвы, голос
Создателя из глубины создания
К нам исходящий чистым отголоском
В гармонии восторженного слова»¹¹⁷.

Ссылаясь на авторитет профессора Воскресенского, Мисюрев отмечал, что «в Жуковском христианский поэт и серьезный мыслитель согласно уживаются друг с другом», а «поэзия Жуковского направлена, таким образом, к самому Богу, говорящему чрез нее “в святых местах земли” о наилучшем порядке вещей и дел в мире, направлена к неистощимому и вечному первоисточнику полного для всех совершенства, к существу личному и необъятному, в беспредельном величии Его свойств»¹¹⁸.

Мисюрев также считал нужным в своей «Речи» отметить, что «взгляды русских литераторов на поэзию Жуковского» были «далеко не одинаковы»: «Пушкин и Гоголь высоко ценили ее, как известно, а Плетнев и Никитенко представляли нравственное значение поэзии у Жуковского как ее наилучшее определение, как настоящее откровение, художественное и нравственное». В то же время «наряду с приведенными взглядами литераторов на Жуковского, еще не умолкли речи о нем иного склада и оттенка»: «главные заслуги Жуковского» некоторыми сводятся «к ознакомлению русского общества с миром европейской романтики», его считают «лишь родителем на Руси немецкого романтизма»; «после краткой вспышки собственной поэзии Жуковский превратился в смиренного переводчика и только в подражателя чужеземным образцам в поэзии». Оспаривая это мнение, Мисюрев ссылался на профессора Котляровского, утверждая, что Жуковский «в своих переводах с немецкого и английского языка был народен, как очевидный выразитель дум современного ему поколения на Руси (разумеется, в высших слоях общества) и нераздельно с ним собственного настроения души», он «предварительно перерабатывал все в горниле своего духа, всегда вносил в переводы художественного творчества с своей стороны и никогда не был пассивным подражателем иностранным образцам в тамошней поэзии»¹¹⁹.

¹¹⁷ Сибирский вестник. 1902. № 89.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

Завершая свое выступление, Мисюрев отмечал, что «русским людям всякого положения есть что благодарно вспомнить и над чем серьезно подумать у В.А. Жуковского, как у убежденного патриота и верного христианским уставам православной церкви, при всех обстоятельствах и своей, и чужой жизни». Размышляя о патриотизме Жуковского, Мисюрев останавливался на его стихотворении «Певец во стане русских воинов», где «торжественно звучит величественное эхо священной любви к своему отечеству», а затем переходит к характеристике современного состояния России и обязанностей церкви¹²⁰.

Необходимо отметить, что в своей статье Мисюрев ссылаясь на многочисленные работы: это не только «Сочинения В.А. Жуковского», но и статья Г.А. Воскресенского «По поводу 50-летия кончины Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского из журнала “Богословский вестник”» (март 1902), и «Очерки русской литературы» Н. Полевого, и «Очерки русской истории и русской литературы. Публичные лекции князя Сергея Волконского», журнал «Мир Божий» (февраль 1902), а также «Избранные сочинения В.Г. Белинского».

Таким образом, обширное исследование Мисюрева в основном рассматривало деятельность Жуковского в трех аспектах: как воспитателя наследника престола, будущего Царя-Освободителя, как поэта и переводчика и как христианина, патриота. Автор показывал нерасторжимость всех этих аспектов Жуковского; обращал внимание на то, что автор «Речи» оставляет в стороне собственно биографический аспект, по-видимому считая, что его аудитория достаточно образованна и не нуждается в напоминании о вехах жизненного и творческого пути Жуковского.

Личность и судьба Жуковского для протоиерея были важны в том числе и как материал для жанра проповеди, особенно это чувствуется в третьей части «Речи», когда автор вышел на проблемы современности, и Жуковский здесь выступает в качестве примера и образца истинного христианина и патриота, на который следует ориентироваться всем современникам.

Вторым крупным материалом «Сибирского вестника», посвященным Жуковскому, является публикация «Университетское

¹²⁰ Сибирский вестник. 1902. № 90.

торжество» профессора М. Боголепова¹²¹. Это отчет о мероприятии, которое неоднократно анонсировалось обеими томскими газетами, и материалы его легли также в основу публикации «Сибирской жизни» «Чествование памяти В.А. Жуковского в Томском университете»¹²².

Поскольку главные юбилейные мероприятия в Томске были приурочены к 23 апреля (согласно циркуляру министра народного просвещения), газеты постоянно информировали читателей о предстоящих и состоявшихся томских событиях. Так, с 20 апреля в двух номерах газеты «Сибирская жизнь» на первой полосе публиковалось объявление «От Совета Императорского Томского университета»:

«23-го сего апреля, в 1 час дня, в актовом зале университета имеет быть торжественное собрание Университета в память 50-летия со дня смерти великих русских писателей Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского. На собрании будут произнесены речи:

1) профессором И.А. Малиновским под заглавием “Очерк жизни и литературной деятельности Н.В. Гоголя”,

2) библиотекарем Университета С.К. Кузнецовым под заглавием “В.А. Жуковский как поэт и воспитатель Императора Александра II”.

Лиц, сочувствующих отечественному просвещению, Совет Университета просит почтить устраиваемое им собрание своим присутствием. Ректор А. Судаков»¹²³.

«Сибирский вестник» дважды напоминал читателям о грядущем университетском собрании в разделе «Местная хроника». Сначала здесь появилась следующая публикация:

«Во вторник 23 апреля в актовом зале университета состоится торжественное собрание в память 50-летия со дня смерти великих русских писателей Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского. На собрании будут произнесены речи профессором И.А. Малиновским (“Очерк жизни и литературной деятельности Н.В. Гоголя”) и библиотека-

¹²¹ Сибирский вестник. 1902. № 89, № 91.

¹²² Сибирская жизнь. 1902. № 92.

¹²³ Там же. № 86, 87.

рем университета С.К. Кузнецовым (“В.А. Жуковский как поэт и воспитатель Императора Александра II”)¹²⁴.

А затем после одного из информационных сообщений «Сибирский вестник» «напомнил, кстати, читателям», что «сегодня в 1 час дня в актовом зале университета состоится торжественное чествование Жуковского, причем будут произнесены речи профессором И. Малиновским и библиотекарем Кузнецовым»¹²⁵.

В рубрике «Сибирской жизни» «Сегодня» также сообщалась информация о предстоящем торжественном чествовании Гоголя и Жуковского в университете¹²⁶.

Наконец, после проведения заседания и в «Сибирской жизни», и в «Сибирском вестнике» были даны отчеты о состоявшемся мероприятии. «Сибирская жизнь» обратила внимание читателей на то, что речи и Малиновского, и Кузнецова «были весьма интересны и вызвали продолжительные аплодисменты», а также указала, что «акт посетил начальник губернии князь С.А. Вяземский»¹²⁷. Более подробно о мероприятии рассказал «Сибирский вестник», напомнив еще раз, что здесь выступили профессор И.А. Малиновский («произнес блестящую речь, в которой дал краткий, но обстоятельный очерк жизни и литературной деятельности Н.В. Гоголя») и библиотекарь университета С.К. Кузнецов, выступивший с докладом о Жуковском. Особенностью этого доклада «Сибирский вестник» называл то обстоятельство, что «г. Кузнецов пользовался еще не напечатанными источниками, хранящимися в библиотеке университета»¹²⁸.

Хронологически материалы докладов университетского заседания первыми появились в «Сибирском вестнике». Необходимо заметить, что статья этой газеты «Университетское торжество» разбита на две части: первая посвящена речи Малиновского о Гоголе¹²⁹, вторая — докладу Кузнецову о Жуковском¹³⁰. Это конспект выступлений; Боголепов предупреждает читателей: «Приводим

¹²⁴ Сибирский вестник. 1902. № 86.

¹²⁵ Там же. № 87.

¹²⁶ Сибирская жизнь. 1902. № 88.

¹²⁷ Там же. № 89.

¹²⁸ Сибирский вестник. 1902. № 88.

¹²⁹ Там же. № 89.

¹³⁰ Там же. № 91.

эти речи так, как нам удалось их воспроизвести»¹³¹. Кроме того, переходя к докладу Кузнецова, автор объясняет: «Мы опускаем первую часть доклада г. Кузнецова, где изложена биография поэта в связи с его поэтическим творчеством: в общих существенных чертах все это должно быть известно каждому образованному человеку»¹³².

В итоге материал о Жуковском начинался с описания ситуации с привлечением поэта к воспитанию наследника престола; здесь приводилась составленная поэтом программа преподавания, и особенное внимание обращалось на следующее обстоятельство:

«В Томском университете хранится библиотека Жуковского, приобретенная А.М. Сибиряковым от сына покойного и принесенная в дар. В этой библиотеке есть два объемистых тома, в которые и переплетены все учебники, печатавшиеся с разрешения Императора в типографии главного штаба для употребления только в классной комнате наследника. Из серии этих учебников Жуковскому принадлежат: 1) Хронологические таблицы истории Государства Российского; 2) Черты истории Государства Российского; 3) Хронологический список русских сочинителей и библиографические заключения о их произведениях; 4) Таблицы из курса химии»¹³³.

В тексте статьи помещались выдержки из этой хрестоматии, которые «прекрасно характеризуют направление воспитания наследника: о любви царя к народу, об истории, о свободе, о смертной казни»¹³⁴.

Боголепов также говорил о путешествии по России и Западу, которым закончилось воспитание Александра II, подчеркивая, что «во время этого путешествия был излит целый ряд милостей на людей мысли и творчества»: «Была смягчена участь декабристов Кюхельбекера и Якушкина, поэта Мещевского, ф.д. Бригена, освобожден из ссылки Герцен, устроена судьба Кольцова и Шевченки», — во многом благодаря влиянию Жуковского.

¹³¹ Сибирский вестник. 1902. № 89.

¹³² Там же. № 91.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же.

Завершая отчет о мероприятии, Боголепов отмечал, что деятельность Жуковского как воспитателя Александра II обычно «остаётся в тени», но, «как видит читатель, она имеет крупный исторический и общественный интерес». В то же время Боголепов подчеркивал, что речь Кузнецова была «интересна и в первой части, где автор рисует Жуковского как поэта и дельно освещает сложное явление — романтизм»¹³⁵.

Два материала «Сибирского вестника», посвященные Жуковскому, значительно отличаются друг от друга не только своим объемом, но и подходом. Для Боголепова, профессора Императорского Томского университета и постоянного сотрудника томских периодических изданий, наиболее значимым оказывается общественная, социальная сторона деятельности Жуковского как учителя императора; с другой стороны, он обращает внимание на новый материал, который был озвучен Кузнецовым, — это содержание хранящихся в библиотеке университета хрестоматий, подготовленных для обучения наследника.

Материал «Сибирской жизни» «Чествование памяти В.А. Жуковского в Томском университете» также делится на две части; в первую часть вошел доклад Малиновского о Гоголе¹³⁶, во вторую — доклад Кузнецова о Жуковском¹³⁷. Если в «Сибирском вестнике» материал был подготовлен на основе конспекта, то «Сибирской жизни» удалось большее, о чем она и сообщила в начале материала: «Ввиду сравнительно малого знакомства публики с деятельностью Жуковского как воспитателя, мы считаем нужным передать эту особо интересную часть речи почти целиком, что явилось возможным благодаря любезности С.К. Кузнецова, представившего редакции право воспользоваться рукописью речи»¹³⁸. Сравнивая два материала, в основу которых легло одно событие и один текст, можно отметить, что в итоге публикация «Сибирской жизни» является более насыщенной подробностями, чем пересказ Боголепова, хотя в целом структура материала осталась неизменной. С другой стороны, «Сибирская жизнь» не сделала акцент на уни-

¹³⁵ Сибирский вестник. 1902. № 91.

¹³⁶ Сибирская жизнь. 1902. № 91.

¹³⁷ Там же. 1902. № 92.

¹³⁸ Сибирская жизнь. 1902. № 92.

кальности материалов, использованных Кузнецовым (о чем посчитал нужным сказать Боголепов).

Кроме собрания в университете, в Томске были проведены и другие мероприятия, посвященные Жуковскому. Так, «Сибирский вестник» опубликовал в «Местной хронике» заметку о том, что «в воскресенье в церкви при местном университете после обедни была совершена панихида по поводу исполнившегося на днях 50-летия со дня смерти поэта Жуковского. Во время панихиды настоятель церкви профессор Беликов произнес слово, в котором в связи с характеристикой личности поэта он дал, с одной стороны, краткий очерк его поэзии, а с другой — указал на крупную историческую роль Жуковского в качестве воспитателя наследника престола Александра II, вложившего в его сердце идеи своей гуманной и просвещенной природы, легшие в основу “великих реформ”»¹³⁹.

«Сибирская жизнь» поместила материал «Юбилейное празднество», в котором перечислила остальные мероприятия, проведенные в Томске. Рассказывая о торжественном чествовании городскими начальными школами 50-летия со дня смерти великих писателей Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского, автор описывал помещение Александровского училища, где 23 апреля прошло мероприятие, перечислял гостей праздника: «вечер посетили начальник губернии князь С.А. Вяземский с супругой, директор и инспектор народных училищ и другие лица учебного ведомства и небольшое число посторонней публики», а затем переходит к программе вечера, в которую вошло возложение венков на портрет Жуковского, чтение краткой биографии Жуковского учеником Юрточного училища, исполнение гимна Жуковскому хором «из учеников и учениц Николаевского и Александровского училищ»¹⁴⁰. Кроме того, в первом отделении «исполнены были хором училищ несколько пьес и прочитаны произведения Жуковского: “Мореход”, “Лесной царь”, “Как мыши коту хоронили”», а в третьем «была поставлена, при бенгальском освещении, живая картина к сказке Жуковского “Спящая красавица” <...> картина вызвала со стороны молодой публики знаки бурного восторга»¹⁴¹. Автор материала высоко оце-

¹³⁹ Сибирский вестник. 1902. № 87.

¹⁴⁰ Сибирская жизнь. 1902. № 89.

¹⁴¹ Там же.

нивал уровень этого мероприятия и считал, что именно благодаря тому, что вечер «прошел оживленно и весело», «память о нем надолго останется у обучающейся детворы, основав и укрепив в сознании ее понятие о значении наших великих писателей»¹⁴².

Продолжая рассказ о праздновании юбилея Гоголя и Жуковского в Томске, автор отмечал, что торжества «происходили и в других учебных заведениях: в женской гимназии, реальном училище, женском епархиальном училище, в церковноучительской школе и т.д.». Во всех этих заведениях «читались биографии с краткой характеристикой произведений Жуковского, избранные стихотворения, пелись песни и гимны, преимущественно на слова поэта»¹⁴³.

К ряду материалов, освещающих чествование Жуковского, примыкают также перепечатки из российских и провинциальных газет, которые были помещены в обеих газетах. «Сибирская жизнь» в рубрике «Русская печать» перепечатала материал из газеты «Новости» — окончание статьи о Жуковском, в которой дается «характеристика его блестящей поэзии». Автор материала, опираясь на авторитет Белинского и Пушкина, которые высоко ценили Жуковского как своего воспитателя, автора стихотворений «пленительной сладости»¹⁴⁴, говорит:

*«Поэзия Жуковского, пишут “Новости”, у нас значительно за-
слонена была более могучей поэзией Пушкина и Лермонтова, затем
поэзией Некрасова. Много мешала его известности и дороговизна
его сочинений, отныне делающихся собственностью всего народа, и
потому в дешевых изданиях он, надо думать, будет впоследствии
более известен, чего он вполне заслуживает, так как это поэт с
великим талантом. Его спасает от забвения искренность и заду-
шевность его поэзии, грезами которой, ее туманными призраками
и видениями, он действительно жил. По его собственным словам,
для него “жизнь и поэзия одно”. В Жуковском Россия имела первого
настоящего поэта, волновавшего сердца читателей, будившего луч-
шие думы и чувства в душах самых прозаических, черствых и сухих
людей. До него у нас такого поэта вовсе не существовало».*

¹⁴² Сибирская жизнь. 1902. № 89.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же. № 90.

Многое в этом небольшом материале перекликается с публикацией самой «Сибирской жизни» о Жуковском, — видимо, это и привлекло внимание газеты, перепечатка как бы подтверждает правоту местных публицистов в оценке Жуковского.

В свою очередь, «Сибирский вестник» в рубрике «Среди газет и журналов»¹⁴⁵ обратил внимание читателей на материал из «Исторического вестника», в которой К.Я. Грот воссоздал «картину празднования юбилея Жуковского в 1894 году». По мнению автора, «особенно интересно в этом отношении письмо, в котором Плетнев сообщал об этом празднике своему другу»:

«По отъезде твоём, — писал он, — в субботу (29 января) Вяземский отпраздновал у себя юбилей в честь 50-летия Жуковского музыки. Гостей собралось на вечер к нему человек 80 мужчин и дам. Канцлер ваш (наследник) почтил этот праздник своим присутствием. Сперва граф Блудов прочитал Вяземского стихи, написанные в честь Жуковского и напечатанные в “Академических ведомостях”. Потом пропели “Боже, Царя храни”, далее были пропеты шуточно стихи опять Вяземского, в честь Жуковского же. Вот отрывок из них:

*Он чудесный дар имеет
Всех нас спаивать кругом.
Душу он душою греет,
Ум чарует он умом.
И волшебнo слух лелеет
Упоительным стихом.*

РЕФРЕН:

*Наш привет ему отраден,
И от города Петра
Пусть нагрянет в Баден-Баден
Нашу русское “ура”.*

После того положили составить род протокола собрания. Все присутствовавшие, начиная с великого князя наследника, на этом листе подписали свои имена и отправили этот лист подлинником к Жуковскому»¹⁴⁶.

¹⁴⁵ Сибирский вестник. 1902. № 92.

¹⁴⁶ Там же. № 92.

Современная же хроника чествования памяти поэта была представлена в «Сибирском вестнике» в материале К. Лейкина «Мертвые, но живые», состоящем из трех частей: «Как чествовали память В.А. Жуковского в Петербурге. Новости в воспоминаниях о Гл. Успенском, г. Бичалин о судебной идиллии Гоголя»¹⁴⁷.

Содержание первой части материала — это подробное описание мероприятий, связанных с Жуковским, в целом ряде петербургских учебных заведений: в Литейной, Екатерининской, Коломенской, Мариинской, Александровской женских гимназиях, Екатерининском институте, Петровской гимназии, Васильевской гимназии. Торжества в целом были охарактеризованы следующим образом: «чествование происходило при торжественной обстановке, в присутствии учениц, их родителей, родственников и многих почтенных гостей»; в учебных заведениях «актовые залы были убраны зеленью», «на эстраде помещался бюст поэта, декорированный зеленью и живыми цветами»¹⁴⁸.

Из материала К. Лейкина сибирские читатели могли узнать детали мероприятий, имена выступающих, названия произведений Жуковского, которые зачитывались на этих торжествах. Практически все чествования проходили по одному сценарию: панихида, затем очерк жизни и трудов Жуковского, чтение произведений поэта (отрывки из «Войны мышей и лягушек», «Лесной царь», монолог из «Орлеанской девы», «Светлана» и др.); в некоторых учебных заведениях выступал хор учениц, а в екатерининском институте «ученицам были показаны туманные картины, иллюстрировавшие различные произведения покойного поэта»¹⁴⁹.

Отклик сибирского общества на юбилей Жуковского представлен в газетах не так широко, здесь можно упомянуть только одну корреспонденцию из Енисейска, автор которой сообщал: «Чествования памяти наших больших писателей, видно, пришлось по вкусу нашей публике. Так же как и на происходившем недавно чтении в память Гоголя, и на чтении в честь Жуковского, состоявшееся 21 апреля в местной читальне, собралась масса публики»¹⁵⁰. Правда, замечал корреспондент «Сибирской жизни», «подбор произведе-

¹⁴⁷ Сибирский вестник. 1902. № 95.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Сибирская жизнь. 1902. № 98.

дений, прочитанных перед публикой, был не особенно удачным, за исключением с чувством прочитанной “Смерть епископа Гатона”»; так же и «биография поэта, в которой лектор, очевидно, хотел познакомить публику со значением Жуковского для истории России и объяснить, почему этот писатель теперь так мало интересует, вышла очень бедной и скомканной»¹⁵¹. Впрочем, из дальнейшего текста корреспонденции выясняется, что проблема подбора произведений и уровня публичных мероприятий давно уже стоит перед енисейскими общественными деятелями.

Осмысление прошедшего чествования писателей в «Сибирском вестнике» стало темой «маленького фельетона» «Наш культ великих людей» Эхова¹⁵². Публицист «Сибирского вестника» констатировал: «Один за другим проходят пред русской публикой шумно чествуемые юбилеры родной литературы. Справлено два юбилея Пушкина, за ними юбилей Лермонтова, только что отпраздновали юбилеи Гоголя и Жуковского. Ходячие жалобы, что мы не ценим своих знаменитостей, отчасти теряют основания. Юбилеи вызвали массу печатного материала, посвященного жизни, литературной деятельности и значению юбиларов. Подробно описывались обстоятельства их рождения, детства, детские капризы, обучения, рисовались их характеры, привычки обыденной жизни, слабости, недостатки, костюм, обстановка жилищ и т.п.»¹⁵³. Однако автор отмечает и «оборотную сторону» такого пристального внимания к юбиларам: акцент на мелочах (кресло и жилет Гоголя), публикация слабых произведений («юношеских опытов» Лермонтова), «совершенно частной и даже интимной переписки» и т.д. А ведь оказывается, что «даже интеллигентные люди не читали многих классических произведений», и «юбилейная литература не в силах рассеять невежества». По мнению Эхова, было бы лучше уделить внимание все-таки «полному уяснению заслуг писателя», а не останавливаться на отдельных малозначащих подробностях.

Автор фельетона критиковал современников и за то, что «недостатки выдающихся людей нередко отмечаются даже с каким-

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Сибирский вестник. 1902. № 94.

¹⁵³ Там же.

то своеобразным вкусом» (здесь имеется в виду публикация Н.К. Михайловского о Г.И. Успенском), и говорит о том, что «культ великих людей мы или понимаем своеобразно, или не идем далее внешнего, слепого подражания Западу». Эхов призывал прессу знакомить читателей «не с жилетами и креслами великих писателей, не с тем, как они бранились», а «с тем, что в них есть действительно великого»¹⁵⁴.

Поскольку «Сибирская жизнь» отличалась своей «литературоцентричностью», заинтересованностью в книге, книжном деле, на ее страницах в течение года велась рубрика «Журнальное обозрение», и здесь читателям рекомендовалось обратить внимание в том числе на статьи о Жуковском: в июне это материал Каллаша в «Русской мысли» («не прибавляя ничего нового о Жуковском, как о поэте, Каллаш особенно подчеркивает доброту его, его постоянные просьбы за обездоленных и страждущих; его обращение к милосердию Государя, своего воспитанника. Жуковский всегда ссылался пред Государем на страницу Евангелия: “блажени милостивые, яко тии помилованы будут”»¹⁵⁵), в июле — материал «Василий Андреевич Жуковский» в журнале «Мир Божий»¹⁵⁶.

Но все-таки последняя публикация, в которой упоминалось о Жуковском, появилась не в «Сибирской жизни», а в «Сибирском вестнике» в самом конце 1902 г.: это анализ статистики, опубликованной в «Новом времени», об итогах книжного дела в Петербурге (так называется и сам материал: «Итоги книжного дела в Петербурге»¹⁵⁷). Статистические данные убедительно доказывали значительную популярность Жуковского у русского читателя. Так, в разделе «изданные собрания сочинений» «наибольшее количество экземпляров приходится на Гоголя» (151.100 экз.), «затем идет Данилевский» (36 тыс. экз.), Жуковский и Загоскин (по 20 тыс. экз.).

Третье место Жуковский занимает также в разделе «сборники» — здесь «наибольший тираж сделан для сборников из сочинений Гоголя» (41 тыс. экз.), Свифта («Гулливер» — 35 тыс. экз.) и Жуковского (3 тыс. экз.), а вот в «изданных поэмах» сразу по-

¹⁵⁴ Сибирский вестник. 1902. № 94.

¹⁵⁵ Сибирская жизнь. 1902. № 121.

¹⁵⁶ Там же. 1902. № 147.

¹⁵⁷ Сибирский вестник. 1902. № 270.

сле Гоголя («Мертвые души», 31.100 экз.) идут поэмы Жуковского (20 тыс. экз.) и Пушкина («Полтава», 7 тыс. экз.). Наконец, на первом месте по тиражам Жуковский и Пушкин оказываются в разделе «сказки» (по 15 тыс. экз.)¹⁵⁸.

Подводя итоги, публицист обращал внимание на то, что значительное количество и тиражность произведений Гоголя, Жуковского и Загоскина объясняются в том числе и тем, что эти авторы «только что вышли из монопольного обладания наследниками авторских прав» (после 50 лет со дня смерти писателей). Но, несомненно, большую роль сыграл и несомненный интерес русского читателя к литературному наследию этих писателей.

Пятидесятилетие со дня смерти Жуковского стало значительным событием в литературной и общественной жизни России в целом и Сибири в частности. Эта дата позволила с некоторой «дистанции» посмотреть на роль и значение Жуковского для России, определить масштаб его личности, его поэтического дарования, значимости его как общественного деятеля. Многочисленные публикации как русской, так и провинциальной прессы этого периода свидетельствуют о востребованности творческого наследия поэта, о том, что русское общество не забыло заслуг Жуковского как воспитателя Царя-Освободителя, как друга и учителя Пушкина, как защитника опальных литераторов, политических ссыльных.

Томская периодика внесла значительный вклад как в освещение событий, связанных с чествованием Жуковского, так и в осмысление и анализ личности Жуковского. В частных газетах Томска была представлена широкая информационная картина подготовки и проведения торжеств в России, Сибири и Томске, составленная по телеграммам, перепечаткам из российских и провинциальных газет, по корреспонденциям и авторским материалам местных публицистов. Кроме того, читатели имели возможность познакомиться с точкой зрения сибирских публицистов, представляющих разные сферы (профессор, библиотекарь университета, томский протоиерей), на жизнь и творчество Жуковского. В этих материалах заметно «сегментирование» информации, различная расстановка акцентов (на патриотической и православной

¹⁵⁸ Сибирский вестник. 1902. № 270.

направленности Жуковского либо на его независимости и свободолубии), но в целом мнения всех публицистов совпали в определении огромной значимости Жуковского для русской литературы и русского общества. Работа двух крупных сибирских частных газет имела огромное просветительское, воспитательное значение для сибирского читателя, который имел возможность находиться в курсе происходящих событий, формировать свою точку зрения и гражданскую позицию на жизненном примере поэта и гражданина В.А. Жуковского.

«БУДЬТЕ НЕ МЕРТВЫЕ, А ЖИВЫЕ ДУШИ»:
Н.В. ГОГОЛЬ

Значение Н.В. Гоголя для сибирской дореволюционной журналистики трудно переоценить: стихия его творчества буквально пронизывала газеты и журналы Зауралья, представляя собой неисчерпаемый запас образов, приемов, методов осмысления действительности. Наиболее отчетливо отношение сибирского общества к Гоголю проявилось во время празднования юбилеев, это 1886 г., 50-летие дня первой постановки «Ревизора»; 1902 г., 50-летие со дня смерти писателя, и 1909 г., 100-летие со дня рождения.

В 1880-х годах крупнейшим частным изданием Томска была «Сибирская газета». В ней имя Гоголя встречается неоднократно — издание использовало фразы из его произведений в качестве эпиграфов к материалам, встречались нарицательные имена его персонажей в газетных материалах в качестве псевдонимов, в духе гоголевских произведений стилизовал свои материалы ведущий сотрудник газеты Ф.В. Волховский и т.д. Кроме того, Гоголя довольно часто ставили на томской сцене, и эти постановки получали свою оценку в театральных рецензиях «Сибирской газеты»¹⁵⁹.

«Сибирская газета» в 1886 г. в рубрике «Русские известия» перепечатала из «Санкт-Петербургских ведомостей» известие о

¹⁵⁹ См. подробнее: Жилиякова Н.В. Творчество Н.В. Гоголя в рецепции «Сибирской газеты» // Проблемы литературных жанров. Ч. 1. Томск, 2002. С. 233–237.

праздновании в столице «50-летнего юбилея первой постановки (в 1836 г.) на сцене казенного театра бессмертной комедии Гоголя — “Ревизор”, который был дан в первый раз на Александринской сцене 19 апреля 1836 года»¹⁶⁰. В связи с этой датой прошли постановки «Ревизора» в различных российских и сибирских театрах: сообщения об этом можно было прочитать в рубриках «Русские известия», «Сибирская хроника», «Городские известия». Узнав о том, что томская труппа также планирует исполнить «Ревизора» в честь 50-летия его первой постановки, «Сибирская газета» обратила внимание артистов и режиссера на переписку Гоголя со Щепкиным, опубликованную в «Русской старине». Она подчеркивала, что «в своих письмах Гоголь дает знаменитому актеру много полезных советов и указаний относительно постановки “Ревизора”, особенно подробно останавливаясь на заключительной немой сцене, составляющей обыкновенно слабое место при исполнении пьесы даже столичными корифеями сценического искусства»¹⁶¹.

Отклик на юбилей появился также в сатирическом разделе «Сибирской газеты» «Крапива», раздел «Телеграммы “Крапивы”». Журналисты подчеркивали, что сатира Гоголя не потеряла своей актуальности и поныне, и среди современников по-прежнему можно было найти гоголевских персонажей:

«Нижеудинск, 4 июля. Изысканиями, проведенными по поводу 50-летнего юбилея “Ревизора”, установлено, что ни одно из действующих лиц великой комедии не умерло и все продолжают приносить пользу отечеству. Пока достоверно известно, что г. Шпекин ныне живет и служит в с. Куйтуне. Он не оставил своей прежней лобознательности, но с течением времени присоединил к ней новую черту: стал писать доношения и пасквили в газеты на местного батюшку и других нелюбезных ему лиц; кроме того, бедняга под влиянием сурового климата стал “зашибать”. Сведения о Сквозняке-Дмухановском, Землянике и других будут доставлены в свое время»¹⁶².

¹⁶⁰ Сибирская газета. 1886. № 20.

¹⁶¹ Там же. № 44.

¹⁶² Там же. № 27.

«Живучие» гоголевские персонажи появлялись в «Сибирской газете» на всем протяжении ее существования. Так, в 1888 г. в «новогодней фантазии» «Маскарад» читатели вновь встречали «бессмертного Ивана Алексеевича Хлестакова — помолодевшего, круглого, откормленного и лоснящегося», в «блестящей ливрее»¹⁶³.

В освещении 50-летия со дня смерти Н.В. Гоголя в 1902 г. приняли участие уже две частные газеты Томска: «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник».

Из газетных публикаций известно, что первое собрание, посвященное обсуждению вопроса о праздновании 50-летнего юбилея, состоялось в Томске еще 15 января 1902 г. На этом заседании было решено «придать характер предстоящему чествованию учебно-воспитательный», причем, знакомя детей с произведениями Гоголя, следовало учитывать, что «по современному состоянию общественной мысли, типы, данные Гоголем в его сочинениях, существуют лишь отчасти, и при том, как пережитки недавно прошедшего времени». Поэтому рекомендовалось беседовать с детьми на темы «Каким не должен быть современный человек» («Старо-светские помещики», «Ссора Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем», «Шинель», «Ревизор», «Мертвые души»), а «при чтении бытописательных рассказов («Вечера на хуторе») необходимо выяснить детям, что суеверия и поверия всякого рода создаются фантазией невежественных, не просвещенных школьной наукой людей»¹⁶⁴. Кроме того, были обсуждены организационные вопросы: установлены даты проведения мероприятий — 21, 22 и 23 февраля, было решено выпуск городских училищ 1901—1902 гг. называть «гоголевским», и похвальные листы выдать с портретом на них Н.В. Гоголя и т.д.

Через номер «Сибирская жизнь» вновь вернулась к этому заседанию, подробнее остановившись на речи В.С. Добровольского — инспектора народных училищ, который акцентировал внимание на том, что Гоголь творил во времена крепостного права и немного не дожил до освобождения крестьян¹⁶⁵.

¹⁶³ Сибирская газета. 1888. № 1.

¹⁶⁴ Сибирская жизнь. 1902. № 16.

¹⁶⁵ Там же. № 18.

Именно вопрос об отношении Гоголя к крепостничеству стал предметом полемики между «Сибирской жизнью» и «Сибирским вестником». Началом дискуссии стало опубликованное в «Сибирском вестнике» «Письмо в редакцию» от имени члена комиссии народных чтений И. Вонсовича, который жаловался на председателя комиссии г. Гаттенберга: «Как, вероятно, помнят члены комиссии, мною был возбужден вопрос: уместно ли комиссии народных чтений чествовать Гоголя, как писателя не протестовавшего против крепостного состояния народа». Вонсович подчеркивал, что Гаттенберг прервал обсуждение, считая, что «тут и разговаривать не о чем», а затем объявил, что он готов выслушать «лишь мое заявление о выходе из состава комиссии»¹⁶⁶.

Реакцией на это письмо стал «маленький фельетон», опубликованный в «Сибирской жизни», под названием «Долой Гоголя!». Основой фельетонного сюжета стал вопрос Вонсовича об «уместности чествования», а заканчивался материал утверждением о том, что «созданные Гоголем типы бессмертны. Они дожили до нашего времени, и, например, Держиморда до сих пор благополучно здравствует в нашем Томске»¹⁶⁷.

Газетные публикации «Сибирской жизни» свидетельствовали о том, что не только в Томске предложения о чествовании Гоголя встречали неожиданный отпор со стороны отдельных представителей общественности. Так, в рубрике «Вести и факты» (входящей в раздел «Русская жизнь») автор обозрения, перечислив города, где планируются различные торжественные мероприятия, заметил, что «не везде, однако, Гоголю так повезло. Вот, в Нижнем Новгороде городской голова Меморский открыл совещание по вопросу о чествовании памяти Гоголя речью, в которой доказывал, что “Гоголю до Пушкина далеко”». Газета приводила следующую цитату: «Устраивать “гоголевские дни” подобно тому, как были устроены “пушкинские”, вещал г. Меморский, “не надо”; программа чтений в школах в день годовщины Гоголя должна иметь общепедагогический характер (в этом месте автор «Сибирской жизни» поставил вопросительный знак), и произведения Гоголя должны быть на втором плане». Эти положения, отмечала газета, поддержали

¹⁶⁶ Сибирский вестник. 1902. № 32.

¹⁶⁷ Сибирская жизнь. 1902. № 34.

и представители дирекции народных училищ, из речей которых остальные члены совещания узнали, что, в общем, «Гоголь школьникам совершенно недоступен» и «если кое-что и могут понять из его произведений, то только ученики старшего отделения», в частности же «знакомство учеников с Гоголем даже вредно, так как этот писатель слишком много внимания уделял отрицательным явлениям жизни». Эту обширную цитату «Сибирская жизнь» прокомментировала одним словом: «Ого»¹⁶⁸.

Эти две линии — поддержка идеи чествования памяти Гоголя, понимание его значения для русской литературы и русского общества с одной стороны, и отрицание Гоголя, нежелание отмечать юбилей — постоянно присутствовали в материалах, посвященных 50-летию со дня смерти писателя. Некоторые ситуации выглядят вполне анекдотичными, и в этом смысле характерен следующий эпизод. В «Сибирской жизни» время от времени «маленький фельетон» публиковался в форме «газеты» под названием «Абракадабра», в ней материал располагался под традиционными газетными рубриками «Телеграммы», «Письмо в редакцию», «Корреспонденции» и так далее. В «Абракадабре», опубликованной в № 56 от 10 марта 1902 г. «Сибирской жизни», была дана следующая подборка сатирических «телеграмм»:

«Бендеры. Чествовали Гоголя. Гласный Иванов предложил думе благодарить покойного писателя.

Екатеринославль. Гласный Огурцев предложил назвать Короткую улицу Гоголевской, “потому что там живут все русские люди и нет ни одного еврея”.

Винница. Чествование Гоголя не состоялось, так как народ в Виннице носит сапоги с подковами, а в думской зале новый паркетный пол.

Симферополь. Чествование Гоголя не состоялось, так как член купеческого общества, Лягутин, заявил, что он никакого Гоголя не знает, а хорошенько знаком лишь с гоголем-моголем.

Мелитополь. Чествования Гоголя не состоялись, так как из всей думы только трое слышали о Гоголе»¹⁶⁹.

¹⁶⁸ Сибирская жизнь. 1902. № 31.

¹⁶⁹ Там же. № 56.

Подчеркнем, что история о «знатоке гоголя-моголя» Лягутине не сатирический прием, а практически дословное изложение новости, опубликованной в этом же номере газеты, в рубрике «Вести и факты» (раздел «Русская жизнь»):

«В Симферополе в купеческом обществе г. Лягутин заявил: “Какой там еще Гоголь! Не знаем-с. Гоголь-моголь, ну, этот нам знаком!” (О, да! — прокомментировала новость «Сибирская жизнь»)»¹⁷⁰.

В «Абракадабре» в форме «Письма в редакцию» газета также обратилась к Вонсовичу, от имени Гоголя:

*«Милостивый государь, господин редактор!
Не откажите дать место следующим нескольким строкам. Г. Вонсович (пусть ему легонько икнется) не желает почтить мою память. Но я и не просил его меня чествовать, я совсем не желаю, чтобы он меня чествовал. Пусть г. Вонсович скажет, когда я говорил ему этакое? <...> А впрочем, я ничего не имею против г. Вонсовича. Пусть только не чествует»¹⁷¹.*

Всероссийский характер чествования памяти Гоголя был обеспечен в том числе и «Циркуляром министра народного просвещения попечителям учебных округов»¹⁷², в котором российским учебным учреждениям предписывалось обязательно принять участие в торжествах. Признание заслуг писателя на государственном, официальном уровне обеспечило определенную «массовость» этого юбилея. Томские власти также сочли необходимым откликнуться на это событие: в «Сибирской жизни» в рубрике «Из залы думского заседания» была опубликована стенограмма обсуждения вопроса о чествовании Гоголя в связи с 50-летием со дня его смерти¹⁷³. Из нее читатели могли узнать, что гласный думы А.Н. Шипицин еще в феврале предложил в связи с юбилеем учредить бесплатную библиотеку-читальню либо при городской публичной библиотеке

¹⁷⁰ Сибирская жизнь. 1902. № 56.

¹⁷¹ Там же. № 40.

¹⁷² Там же. № 36.

¹⁷³ Там же. № 40.

открыть «гоголевский отдел», а также устроить бульвар Гоголя и установить бюст писателя (возле здания присутственных мест или в городском саду). На заседании при обсуждении этих проектов А.И. Макушиным был предложен еще один — вместо бульвара построить «Гоголевский дом». Это предложение и было в итоге принято думой. С этого времени «Сибирская жизнь» постоянно публиковала новости о ходе строительства, о сборе средств на него. Это здание теперь находится на Набережной р. Ушайки, 20; в книге «История названий томских улиц» указано, что оно «было заложено решением городской Думы в 1902 г. в связи с 50-летием со дня смерти Н.В. Гоголя. После завершения строительства оно стало именоваться Гоголевским домом. В 1905 г. сюда были переведены две школы рукоделия (образованы одна в 1886 г., другая в 1890 г.), объединенные в городскую женскую профессиональную школу»¹⁷⁴.

«Сибирская жизнь» оповещала своих читателей, когда и какие именно юбилейные мероприятия планировалось провести в Томске, давала краткие отчеты о состоявшихся концертах, театральных постановках, литературно-вокально-музыкальных утрех и т.д.

Собственно гоголевскому юбилею газета посвятила практически весь № 43 от 21 февраля 1902 г. Он открывался материалом «Н.В. Гоголь. (По поводу 50-летия со дня смерти)», где приводились биографические данные писателя, рассматривался его творческий путь и в конце материала цитировались строки, вырезанные на могильном памятнике Гоголя: «Горьким словом своим посмеюся». «Лучшей эпитафии нельзя было и придумать», — заключал «В.Ф.», автор материала. Затем в номере был поставлен большой материал «Значение Гоголя», и больше чем полосу занимает статья профессора И.А. Малиновского «Крепостное право в произведениях Гоголя» (видимо, в рамках дискуссии об отношении Гоголя к крепостничеству). Блок материалов, посвященных Гоголю, завершает материал «Педагогические принципы Н.В. Гоголя», подписанный инициалами «В.Д.». Эти материалы всесторонне освещали значение гоголевского творчества для русской литературы,

¹⁷⁴ История названий томских улиц / отв. ред. Г.Н. Старикова. Томск, 1998. С. 170.

для русской общественной и культурной жизни, знакомили сибирского читателя с позицией писателя по разным вопросам.

Интересно, что гоголевская тема отразилась не только в журналистских, но и в рекламных текстах «Сибирской жизни»: в этот период с первой полосы газеты не сходят два объявления — об изданных А.Ф. Марксом «Сочинений Н.В. Гоголя» в 15 томах и реклама «104 рисунка к поэме Н.В. Гоголя “Мертвые души”». Желающие приобрести эту продукцию должны были обратиться в книжный магазин П.И. Макушина в Томске.

Судя по рубрике «Телеграммы» «Сибирской жизни», гоголевский юбилей получил широкий резонанс не только в российском обществе, но и за границей. «Гоголевские дни» были проведены в Санкт-Петербурге (здесь на сцене Александровского театра был дан «Ревизор») и в Москве, в Новочеркасске, Нижнем Тагиле, Полтаве, Тифлисе, Борисоглебске, в Риме, Лодзи и многих других городах.

В № 50 от 3 марта 1902 г. на второй полосе был опубликован портрет Гоголя, который соотносился с материалом «Н.В. Гоголь и его маленькие читатели». Автор статьи, выступивший под псевдонимом «В.Ф.», также вспоминал о прошедших юбилеях «неистового Виссариона», о пушкинских и о гоголевских днях. Гоголевский юбилей, который мог бы получиться таким же «блестящим» и ярким, как пушкинский, был омрачен, по мнению автора, все тем же вопросом: «А ладно ли его чествовать-то? Удобно ли?» Но все равно праздник в Томске состоялся и прежде всего благодаря детям и их учителям, которые восприняли Гоголя непосредственно, без опаски и оглядки. Этот же автор («В.Ф.») выступал и как автор статьи «Гоголевский дом»¹⁷⁵, где он одобрял проект нового здания имени писателя и призывал томичей поддержать его благотворительными взносами.

Цепочка «постъюбилейных» материалов тянулась весь 1902 г.: это и публикация «Жизнь и литературная деятельность Н.В. Гоголя (конспект речи, произнесенной профессором И.А. Малиновским в торжественном заседании Императорского Томского университета 23 апреля 1902 года)»¹⁷⁶, и периодически появляющиеся

¹⁷⁵ Сибирская жизнь. 1902. № 65.

¹⁷⁶ Там же. № 91.

новости о ходе строительства Гоголевского дома (рубрика «Томская хроника»).

В «Сибирском вестнике» гоголевский юбилей был представлен по большей части перепечатками из российских изданий в рубрике «Среди газет и журналов». Здесь в феврале-мае почти в каждом номере цитировались любопытные факты из «Вестника Европы», «Русской мысли», «Литературного вестника», «Нового времени», «Русского слова», «Новостей дня», связанные с исследованиями жизни и творчества Гоголя: например, приводилась версия В. Гиляровского о том, кто подсказал Гоголю идею о «Мертвых душах», в противовес общепринятому мнению о том, что это был Пушкин¹⁷⁷.

Информация о готовящихся мероприятиях, о ходе празднования появлялась также в рубриках «Телеграммы», «Сибирская летопись», «Местная хроника»; на первой полосе публиковался анонс предстоящего «Литературного вечера», посвященного Гоголю, которое подготовило Общество попечения о начальном образовании в г. Томске (в начале февраля 1902 г.). Интересно, что некоторые материалы были опубликованы практически в одном и том же виде и в «Сибирской жизни», и в «Сибирском вестнике» — такие как отчет об общем собрании сотрудников томских приходских училищ, где была разработана и принята программа празднования гоголевского юбилея¹⁷⁸. Также обе газеты откликнулись на выступление городского головы Меморского в Нижнем Новгороде, противника чествования памяти Гоголя¹⁷⁹.

Однако если «Сибирская жизнь» посвятила гоголевскому юбилею большую часть номера от 21 февраля¹⁸⁰, то «Сибирский вестник» ограничился одним материалом «Момент», подписанным псевдонимом «Жан-Жан»¹⁸¹. Здесь не было ни биографических

¹⁷⁷ Сибирский вестник. 1902. № 27.

¹⁷⁸ К празднованию юбилея Н.В. Гоголя // Сибирская жизнь. 1902. № 16; К предстоящему чествованию 50-летия со дня смерти Н.В. Гоголя // Сибирский вестник. 1902. № 21.

¹⁷⁹ Среди газет и журналов // Сибирский вестник. 1902. № 24; Вести и факты // Сибирская жизнь. 1902. № 31.

¹⁸⁰ Сибирская жизнь. 1902. № 43.

¹⁸¹ Там же.

данных, ни сведений о творческом пути — только эмоциональное и пафосное восхваление «великого Гоголя», «дорогого сына» Руси:

«Торжественный момент!.. Великий подъем народного духа!..

Бесконечная прелесть поэзии произведений Гоголя очаровывает сознание, и не знаешь, чему удивляться?.. Удивляться ли глубине содержания и высокому полету мысли или обаятельности могучего слова?

Пред читателем проходит Русь с очаровательной украинской природой, с могучим и властным духом казака-запорожца и с обществеными язвами, разьедающими дореформенную родину (и т.д.)»¹⁸².

Рассказывая о праздновании юбилея, газета язвительно замечала, что на одном из вечеров публики было немного, так как «ее утомят, наконец, этот непрерывный ряд чествований»¹⁸³.

Обращает на себя внимание выбор материалов, которые «Сибирский вестник» считала необходимым поместить в газете (уже после юбилея): это «Речь профессора Д.Н. Беликова перед панихидой по Н.В. Гоголю», которая была прочитана 21 февраля в университетской церкви¹⁸⁴, и «Речь в Николаевской церкви, при Градо-Томской мужской гимназии, пред панихидой по Н.В. Гоголю, 21 февраля 1902» протоиерея А.А. Мисюрева¹⁸⁵. Религиозные деятели, естественно, обращали прежде всего внимание на то, что Гоголь был «верным сыном православной церкви», он «много потрудился для ее святых задач»¹⁸⁶.

«Сибирский вестник» затрагивал также такую тему, как «Гоголь и евреи», в рубрике «Среди газет и журналов»¹⁸⁷. Этот специфический подход к гоголевскому юбилею — акцент на его православии, на особой «русскости», упоминание еврейской темы — дает возможность сделать вывод о том, что «Сибирский вестник» дей-

¹⁸² Сибирская жизнь. 1902. № 43.

¹⁸³ Там же. 1902. № 45.

¹⁸⁴ Там же. 1902. № 46.

¹⁸⁵ Там же. 1902. № 51.

¹⁸⁶ Сибирский вестник. 1902. № 46.

¹⁸⁷ Там же. № 52.

ствительно может считаться предшественником черносотенной прессы, появившейся уже после революции 1905 г.

Гоголевская тема продолжалась в газете и в апреле, когда «Сибирский вестник» опубликовал речь профессора Малиновского, прочитанную на торжественном собрании в Томском университете¹⁸⁸. В это же время появилась и реклама юбилейных иллюстрированных изданий сочинений Н.Г. Гоголя, предпринятая петербургским товариществом «Народная польза». Кроме того, в мае были опубликованы подряд два фельетона, в которых осмыслялся гоголевский юбилей: «Наш культ великих людей» Эхова¹⁸⁹ и «Мертвые, но живые» К. Лейкина¹⁹⁰. Здесь рассматривались проблемы «символического» языка Гоголя, необходимость которого диктовалась реакцией и «полицейской подозрительностью», критиковалось внимание к мелочам во время юбилея (к креслу и жилету Гоголя, например), в то время как сначала надо дать «полное освещение литературных заслуг писателя».

Кроме ежедневных крупных частных газет «Сибирская жизнь» и «Сибирской вестник», в Томске в 1902 г. выходили официальные газеты «Томские губернские ведомости» и «Томские епархиальные ведомости», а также журналы — ежемесячный «Сибирский наблюдатель» В.А. Долгорукова, специализированные издания (ежемесячник «Вестник золотопромышленности и горного дела вообще», ежегодник «Известия Томского императорского университета»). Два последних издания не освещали гоголевский юбилей в силу своей специфики.

«Томские губернские ведомости», которые по-прежнему состояли из двух отделов — официального и неофициального, — ни единой строчкой не откликнулись на гоголевский юбилей. Возможно, это было обусловлено формальным отношением к ведению «Неофициального отдела», где в это время помещались преимущественно объявления и отчеты.

В то же время «Томские епархиальные ведомости» поместили в своем «неофициальном отделе» две заметки — о праздновании гоголевского юбилея в Томской духовной семинарии¹⁹¹ и о

¹⁸⁸ Сибирский вестник. 1902. № 89.

¹⁸⁹ Там же. № 94.

¹⁹⁰ Там же. № 95.

¹⁹¹ Томские епархиальные ведомости. 1902. № 5.

литургии и панихиде в день памяти Н.В. Гоголя в Епархиальном женском училище; здесь же состоялось и «музыкальное утро», на котором присутствовал Преосвященнейший Макарий, епископ Томский. Это внимание со стороны Церкви к имени Гоголя, без сомнения, было связано с его духовными поисками в конце жизни.

Ежемесячный журнал «Сибирский наблюдатель» В.А. Долгорукова, в 1901 г. преобразованный из «Дорожника по Сибири и Азиатской России», откликнулся на проведение «гоголевских дней» в 1902 г. двумя публикациями — в № 3 (март 1902) и № 4 (апрель 1902); кроме того, в апрельском номере опубликован портрет Н.В. Гоголя (на отдельной странице).

В.А. Долгоруков (автор статьи «Н.В. Гоголь и В.А. Жуковский», подписавшийся «Редакт.») также обращал внимание прежде всего на то, что типы, созданные Гоголем, «Хлестаковы, Ноздревы, Чичиковы, Плюшкины, Собакевичи, Маниловы и др. — сделались нарицательными именами и не умрут до тех пор, пока не исчезнут в людях те слабости и недостатки и те пороки, которые Гоголь своей художественной кистью изобразил в созданных им лицах»¹⁹². Говоря о том, что гоголевские «бессмертные произведения известны почти каждому не только взрослому интеллигенту, но даже школьнику», Долгоруков добавлял: «некоторые из его произведений переведены и на иностранные языки». Это было принципиально важно для издателя «Сибирского наблюдателя», который вел свой журнал на двух языках (русском и французском), поскольку считал необходимым познакомить с сибирской и русской действительностью и зарубежного читателя. И портрет Гоголя в № 4 за 1902 г. был подписан: «N.V. Gogol, celebre ecrivian russe».

Мнение «Сибирского наблюдателя» о том, как в России были проведены «гоголевские дни», можно было найти в материале «Сибирские отголоски», часть которого посвящалась следующим темам: «Чествование памяти Н.В. Гоголя. Кое-что об отношениях общества к великому дню. Чем закончились чествования». Автор этого материала «Гвидон» достаточно критически оценивал организацию и проведение 50-летия со дня смерти Гоголя. Прежде всего потому, что, по его мнению, не оправдались надежды общества

¹⁹² Сибирский наблюдатель. 1902. № 3.

на то, что юбилей развеет «скучную однообразную и малоидейную нашу жизнь, окутанную плесенью невежества»: празднество «не отличалось ни торжественностью, ни каким-либо особым волнением чувств и мыслей, словно мы все растерялись или заблудились между двумя соснами в поисках здравого смысла». По мнению автора «Сибирского наблюдателя», «во всем чувствовалась какая-то странная обособленность, разрозненность, чего-то недоставало, не хватало, и при этом все это носило уж чересчур скромный характер, почти совершенно чуждый тем ожиданиям, которыми были полны сердца лучших людей», «программа чествований сводилась только к чтениям»¹⁹³.

Описывая «реальные чествования», «Гвидон» замечал, что «отцы и радетели» Томска (как и других российских городов) ничего нового и «вызывающего глубокое уважение» в отношении «создания вечных памятников» автору «Мертвых душ» и «Ревизора» не предприняли. Но, с другой стороны, он выражал радость хотя бы уже потому, что никто из томских властей «не задавался вопросом: «кто же это Н.В. Гоголь?» — и тоже приводил в пример «знатока гоголь-моголя»: «он заявил там, на берегах Салгира, что чествовать великих людей действительно надобно, почему бы и не почествовать, пусть знает наших, но только великих, а — Гоголь? Кто же такой Гоголь? Вот “гоголь-моголь” нам это известно»¹⁹⁴.

Самым крупным юбилеем Гоголя в дореволюционный период стала 100-летняя годовщина со дня его рождения, торжества проходили в марте 1909 г. Празднование этой даты носило всероссийский размах: вышли официальные распоряжения Синода и Министерства народного просвещения о чествовании имени великого русского поэта, и почти каждый российский город счел необходимым объявить об организации различных мероприятий, связанных со знаменательной датой.

Необходимо, однако, учесть, что 1909 г. был непростым для России временем, периодом правительственной реакции после революционных событий 1905—1907 гг. В это время усилилось давление на прессу, была закрыта часть радикально-демократических изданий, но зато переживала период расцвета черносотенная,

¹⁹³ Сибирский наблюдатель. 1902. № 4.

¹⁹⁴ Там же.

монархическая печать. Эти общероссийские тенденции были характерны и для томской журналистики 1909 г. Кроме того, если в 1902 г. гоголевский юбилей действительно привлек к себе общественное внимание на довольно долгое время, то в 1909 г. его периодически «заслоняли» то 100-летний юбилей Полтавской битвы, то 100-летие Дарвина; в обществе бурно обсуждалось дело Азефа, большое место на газетных полосах занимали думские дебаты. 100-летний юбилей Гоголя в целом не вызвал такой рефлексии, как предыдущие «Гоголевские дни»; здесь особый интерес представляет скорее освещение событий в изданиях разной политической ориентации — консервативной (официальные издания), кадетской, черносотенной.

В Томске в это время выходило 7 газет и 4 журнала¹⁹⁵, однако о гоголевском юбилее писали не все эти органы периодики, поскольку часть из них имела специфический характер, как, например, «Торгово-справочно-промышленный листок объявлений» или «Журнал общества сибирских инженеров». Вновь обошли своим вниманием гоголевский юбилей «Томские губернские ведомости», хотя здесь продолжал регулярно выходить «Неофициальный отдел» (и материалы о 100-летнем юбилее Полтавской битвы здесь публиковались довольно часто).

В то же время, как и в 1902 г., «Томские епархиальные ведомости» уделили гоголевскому юбилею значительное место на страницах этой официальной газеты (но в «Неофициальном разделе»). Здесь были опубликованы материалы «Чествование памяти Н.В. Гоголя в духовно-учебных заведениях г. Томска», «В епархиальном женском училище», «В Томском духовном училище»¹⁹⁶, представляющие собой отчеты о проведении «гоголевских дней» в этих учебных заведениях.

Наконец, отчет о заседании городской Думы по вопросу «Об ознаменовании 100-летия со дня рождения великого русского писателя Н.В. Гоголя» можно было найти на страницах официальных «Известий Томского городского общественного управления»: «Городской Думе доложено, что 19 марта вечером ровно 100 лет

¹⁹⁵ См.: Периодическая печать Сибири в фондах Томского областного краеведческого музея (вторая половина XIX века — декабрь 1919 г.): Указатель газет и журналов / Составитель О.Е. Косых. Томск, 2005. С. 3—58.

¹⁹⁶ Томские епархиальные ведомости. 1909. № 10.

тому назад родился впоследствии знаменитый русский писатель Н.В. Гоголь. Литературные заслуги г. Гоголя для русского общества хорошо известны гг. гласным и крайне желательно было бы, чтобы этот столетний юбилей чем-либо был ознаменован и Городским общественным управлением.

Не имея в виду больших средств на ознаменование этого юбилея чем-либо более грандиозным, Городская управа позволяет себе предложить городской Думе: 1) память покойного великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя почтить вставанием; 2) Женское юрточное училище, имеющее помещаться во вновь выстроенном каменном 2-этажном здании по Жандармской улице, наименовать городским женским училищем имени Н.В. Гоголя и самую улицу, на которой будет находиться это училище, переименовать в Гоголевскую и 3) на усиление средств по угощению учеников городских начальных училищ в день празднования 20 марта ассигновать из городских средств 200 рублей с проведением этого расхода по дополнительной смете и отнесением на запасной капитал»¹⁹⁷. Городская Дума «единогласно постановила» принять все предложения, почтила вставанием память писателя и решила вопрос о переименовании училища и улицы и ассигновании средств.

Наиболее полно 100-летний юбилей со дня рождения Гоголя освещался на страницах частной томской прессы: в газетах «Сибирская жизнь», «Сибирская правда», «Сибирские отголоски» и журнале «Молодая Сибирь».

Уже в январе 1909 г. ведущая томская газета «Сибирская жизнь», издаваемая в это время профессорами И. Малиновским и М. Соболевым (братья А.И. и П.И. Макушины отказались от ведения газеты после черносотенного погрома в Томске в 1905 г.), выражала беспокойство по поводу того, что в Томске никто не говорит о предстоящем 100-летнем юбилее Гоголя: «Нам кажется, что томская городская Дума, а также наши просветительные общества должны поспешить отозваться на призыв чествования знаменательной даты 19 марта и так или иначе присоединиться к этому празднику русской литературы»¹⁹⁸.

¹⁹⁷ Известия томского городского общественного управления. 1909. № 9—13.

¹⁹⁸ Сибирская жизнь. 1909. № 23.

С февраля в особую рубрику «К Гоголевским дням» (раздел «Телеграммы») стали выделяться новости о подготовке юбилея Гоголя. Здесь помещались небольшие, в несколько строк, сообщения из разных российских городов о том, как именно в них планируется отметить предстоящее столетие со дня рождения писателя. Например:

«Калуга. Ученая архивная комиссия постановила 20 марта почтить торжественным заседанием и отслужить панихиду в доме, где проживал Гоголь, приезжая гостем к бывшему губернатору Смирнову.

Царицын. Юбилей Гоголя решено ознаменовать выдачей учащимся произведений писателя и присвоением его имени училищу и библиотеке и постановкой на площади бронзового бюста.

Тирасполь. Город и земство решили в Гоголевские дни устроить лекции для народа и популярные чтения для учащихся и раздать последним избранные произведения писателя (и т.д.)»¹⁹⁹.

Одновременно в разделе «Томская хроника» публиковались материалы, свидетельствующие о подготовке в Томске к гоголевскому юбилею различных учебных заведений, обществ и других организаций. Так, Томский университет планировал «устроить торжественное празднование памяти Н.В. Гоголя, по случаю 100-летия со дня рождения великого писателя, 20 марта в зале общественного собрания по следующей программе: речь профессора Малиновского на тему «Русская общественная жизнь в сочинениях Гоголя», чтение отрывков из сочинений Гоголя, исполнение сцен из комедий Гоголя, пение хоровых номеров из оперы «Майская ночь»²⁰⁰. К юбилею готовились томские начальные, ремесленные и городские училища, железнодорожные школы. В большом зале общественного собрания устраивался Гоголевский вечер, организуемый Томским отделением музыкального общества, Томским драматическим обществом и Обществом содействия Томским общеобразовательным курсам.

¹⁹⁹ Сибирская жизнь. 1909. № 45.

²⁰⁰ Там же.

И вновь на спрос появилось предложение — рекламного характера: на первой полосе стало постоянно публиковаться следующее объявление:

«В типографии Сибирского Товарищества Печатного дела (Томск, Ямской переулоч, собственный дом) и в книжном магазине П.И. Макушина продаются по 4 руб. за 100 штук

ПОРТРЕТЫ ГОГОЛЯ

с факсимиле, отпечатанные в две краски, на плотной белой бумаге, размером 21х27 см,

для раздачи ученикам и ученицам школ, в памятный день 100-летия рождения его. Укупорка и пересылка за счет заказчика».

После проведения Гоголевских дней это объявление исчезло, сменившись другим — теперь в макушинском книжном магазине предлагалась брошюра профессора Малиновского «Общественное значение литературной деятельности Гоголя (Речь, произнесенная 20 марта 1909 года в торжественном заседании Томского университета)», по цене 20 коп. В этом небольшом сюжете наглядно проявилась связь бизнеса и просветительской деятельности, всегда отличавшая П.И. Макушина и неоднозначно воспринимаемая его современниками.

19—20 марта 1909 г., в «гоголевские дни», в «Сибирской жизни» появился целый ряд крупных публикаций, посвященных жизни и творчеству Н.В. Гоголя. Часть из них принадлежала профессору Малиновскому, одному из редакторов «Сибирской жизни»; стоит заметить, что основой их стали материалы, подготовленные еще в 1902 г. Авторы «с горьким чувством» констатировали: прошло семь лет, а отношение к Гоголю ненамного изменилось в русском обществе: «Юбилейные торжества омрачаются некоторыми прискорбными явлениями. Страсти, разгоревшиеся еще при жизни писателя по поводу его произведений, не успокоились; еще нет единодушного и согласного признания значения его литературной деятельности, еще происходит спор о его личных убеждениях и о взаимном отношении между его личными убеждениями и литературным творчеством. Мало того, всего несколько лет назад, когда исполнилось 50-летие со дня смерти великого писателя, были случаи затруднений и препятствий при устройстве торжественного

чествования памяти того, кто составляет истинную гордость русской литературы. Эти прискорбные обстоятельства настоящего приводят на память столь же прискорбные факты, имевшие место при жизни писателя»²⁰¹.

Основной упор в своих материалах профессор И.А. Малиновский делал на идее воскресения, которая, по его мнению, была близка Гоголю. Он останавливался на отдельных моментах его биографии, подчеркивая трудности жизненного пути Гоголя, и заканчивал материал размышлениями о задачах русского писателя: они «не ограничиваются, по мнению Гоголя, изображением отрицательных сторон жизни, вызывающих мысль о необходимости реформы; русский писатель должен изобразить также то высокое русской природы, которое может явиться результатом нравственного совершенствования, нравственного возрождения, которое в наши дни вдохновило другого великого писателя русской земли, Л.Н. Толстого, и нашло художественное воплощение в “Хозяине и работнике” и “Воскресении”. Гоголь верит в красоту человеческой души, он верит, что “воскресение” возможно для самого презреннейшего из людей»²⁰².

В «юбилейном» номере в разделе «Томская жизнь» под особой рубрикой «Празднование юбилея Н.В. Гоголя» был опубликован большой блок сообщений о том, как проходит юбилей Гоголя в Томске — в частности, сообщалось о решении переименовать Жандармскую улицу в Гоголевскую, а также присвоить имя Гоголя городскому женскому Юрточному училищу. Под рубрикой «Театр и музыка» печатался материал «Спектакль г. офицеров Томского гарнизона в память столетия со дня рождения Н.В. Гоголя»: здесь ставили «Женитьбу» Гоголя, и автор рецензии («Г.В.») охарактеризовал спектакль как вполне удавшийся.

Кроме того, г. Вяткин выступил как автор материала «Из Гоголя (штрихи и характеристики из сочинений Н.В. Гоголя, направленные на наших современников и знакомых)»; например:

«Пуришкевичу. “Меня сам Государственный Совет боится. Да что в самом деле? Я такой... Я не посмотрю ни на кого”. “Экое

²⁰¹ Сибирская жизнь. 1909. № 63.

²⁰² Там же.

противное создание. Бывают противные рожи, но ведь этакой, просто, не выдумаешь; не сочинить хуже этой рожи, ей-Богу, не сочинить”.

Составителям кабинета. “Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности у Балтазара Балтазаровича, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича...”

Суворину. “Если кто попадетя на зубок, — берегись: отца родного не пощадит для словца, и деньгу тоже любит.

Бальмонту. Все, что хотите. Требуйте, какие стихи вам? У меня их много” (и т.д.)»²⁰³.

После завершения «гоголевских дней» газета публиковала отчеты о том, как прошли юбилейные мероприятия в Томске (рубрика «Томская хроника») и в России (рубрика «Телеграммы»).

«Сибирская жизнь» в этот период самоопределилась в лагере кадетов, или «Партии народной свободы», — возможно, с этим была связана ее сдержанность в освещении гоголевского юбилея, некоторый «академический» тон, характерный для кадетской прессы периода реакции.

Совсем иначе освещались текущие события в черносотенной «Сибирской правде» (1908—1915), которая выходила под девизом «Россия для русских». «Сибирская правда» была органом Томского губернского отдела Союза русского народа («За веру, Царя и Отечество») — монархической организации, отличавшейся крайней нетерпимостью к революционным настроениям и в особенности к «жидам», в которых представители этой партии видели корень всех российских бед. В 1909 г. редактором этой газеты был иеромонах Игнатий — личность одиозная, при нем «Сибирская правда» выступала против «жидов» в особенно оскорбительном тоне (через полгода после основания газеты, в том же 1909 г., этот человек был убит, возможно, именно в связи с его политической деятельностью).

В Гоголе «Сибирскую правду» интересовали только две стороны — его «русскость» и религиозность. «Сибирская правда» делала акцент на том, что «с этим великим именем соединяется представ-

²⁰³ Сибирская жизнь. 1909. № 63.

ление о нашем национальном писателе. Малоросс по происхождению, Гоголь тем не менее был и до конца дней своих оставался по уму, душе и беззаветной любви ко всей единой, необъятной, великой России русским человеком и русским в лучшем смысле этого понятия». С этого главного тезиса начал автор «Сибирской правды» статью «Памяти Гоголя»²⁰⁴. Для газеты было важно, что Гоголь «глубоко любил Россию и еще больше верил в нее», «отдал России всецело, безраздельно всю свою душу, свое пламенное сердце», он «писатель-патриот». Гоголя ставила газета в пример «современным служителям слова», которые стыдятся «самого наименования “русский”».

Вторая сторона, которая особенно ценилась в Гоголе «Сибирской правдой», это его «глубокое религиозное чувство»: «Как наши древнерусские богатыри завершали служение сове на пользу и счастье родины принятием схимы, так и Гоголь в конце своей жизни мечтал о монашеском звании и, будучи всегда преданным сыном православной церкви, последние годы всецело посвятил духовным трудам и подвигам»²⁰⁵. В итоге автор пришел к следующему выводу: «Н.В. Гоголь олицетворяет собою величавый образ лучшего сына России, истинного христианина и патриота. Гоголь нам понятен и близок, он — родной нам. И вся православная Русь, все истинные сыны ее недаром так единодушно отозвались на призыв к чествованию исполнившегося 100-летнего юбилея со дня рождения этого великого русского человека и национального писателя»²⁰⁶.

Безапелляционное включение Гоголя в «список» истинных патриотов, однозначное толкование его религиозности как свидетельства близости к идеям «великодержавного шовинизма», исповедуемым черносотенцами, конечно, далеки от понимания сути сложной, противоречивой и далеко не однозначной личности писателя, не говоря уже о многомерности его творческого наследия. Но факт остается фактом — черносотенцы и томская «Сибирская правда» с величайшей охотой чествовали память Гоголя. Об их участии в чествовании свидетельствует, в частности, объявление в

²⁰⁴ Сибирская правда. 1909. № 17.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Там же.

газете о проведении гоголевских дней Томским отделением Союза русского народа:

«Во вторник, 17 марта, в помещении Томского губернского отдела Союза русского народа (бесплатная библиотека) состоится Чтение в память Н.В. Гоголя. Программа: 1) “Биография Гоголя” — иеромонах Игнатий; 2) “Религиозные и гражданские убеждения Гоголя” — А.П. Смердынский; 3) “Письма Гоголя о внутренней жизни и молитве” — священник Н. Заводовский <...>

В четверг, 19 марта, в 12 часов дня в помещении Союза (бесплатная библиотека), с благословения Его Высокопреосвященства, устраивается Утро в честь Гоголя для учащихся церковно-приходских школ г. Томска. Детям будут предложены чтения о Гоголе, световые картины и розданы назидательные брошюры и листки <...>»²⁰⁷.

Газета перепечатала информацию от Синода и Министерства народного просвещения, в которой говорилось о чествовании Гоголя и предлагалась программа торжеств²⁰⁸, а также опубликовала довольно объемный материал «Памяти Гоголя» (правда, со значительным отставанием от даты «гоголевских дней» — в № 17 от 9 мая 1909 г.).

В течение 1909 г. на страницах «Сибирской правды» появилось еще два материала, связанных с именем Гоголя: это стихотворение «Молитва Гоголя»²⁰⁹, представляющее собой воображаемое обращение писателя к «Матери Пресвятой», и заметка в рубрике «Местная хроника» под названием «Злая насмешка над памятью Гоголя»²¹⁰. В заметке автор перечислял, что предпринималось в России для увековечивания памяти Гоголя и как решили этот вопрос в Томске: «многие города и земства учредили стипендии в разных учебных заведениях, постановили построить школы, открыть библиотеки и т.п., а некоторые, более практичные, чтобы не отстать от других и имя великого Гоголя почтить без особенных денежных затрат, ограничились присвоением разным учрежде-

²⁰⁷ Сибирская правда. 1909. № 11.

²⁰⁸ Там же. № 12.

²⁰⁹ Там же. № 22.

²¹⁰ Там же. № 28.

ниям наименование — Гоголевскими; к числу последних принадлежит и наш Томск. Дума постановила Жандармскую улицу переименовать в Гоголевскую.

Конечно, удивительного тут ничего нет; так или иначе память Гоголя для потомства не умрет. Но каково праху этого великого человека, когда, после даже сравнительно небольшого ненастья, эта улица превращается в нечто невозможное для конного и пешего движения и из уст озлобленных обывателей несутся тысячи проклятий ни в чем не повинному Гоголю, кости которого в гробу, вероятно, бьются о крышку гроба и бока. Таким образом вместо увековечения памяти имени Гоголя Дума обрекла его на проклятия. Неужели наша Дума не могла придумать ничего лучшего? Тут выходит скорее насмешка»²¹¹. Эта заметка представляет интерес как «обывательская» оценка думской инициативы, и упрек в стремлении «дешево отделаться» от юбилея в адрес Думы здесь звучит совершенно справедливо.

Ежемесячный журнал «Сибирский наблюдатель» В.А. Долгокурова в 1905 г. поменял периодичность и стал выходить уже как еженедельный иллюстрированный журнал «Сибирские отголоски». Но на этом трансформации издания не закончились: в 1909 г. «Сибирские отголоски» выходили уже как «дешевая и потому общедоступная», политическая, общественная и литературная газета.

Столетний юбилей Гоголя стал поводом для публикации ряда статей, в которых основной акцент делался на величии писателя, его роли как основателя русского реализма. В первополосной статье В. Европейцева «По поводу празднования 100-летия со дня рождения Н.В. Гоголя» писатель характеризовался как «величайший», «отец русской прозы», который подарил земле русской «гениальные, бессмертные страницы “Ревизора”, “Мертвых душ”». Юбилей его, был уверен автор, «обещает быть на фоне нашей сенькой, будничной жизни ярким, редким, грандиозным торжеством и празднеством», к которому готовится «вся Россия, как чиновная и официальная, так и просто интеллигентная»²¹². Но, как и «Сибирская жизнь», газета «Сибирские отголоски» выражала

²¹¹ Сибирская правда. 1909. № 28.

²¹² Сибирские отголоски. 1909. № 48.

обеспокоенность тем, что «университетский Томск не обнаруживает пока никаких признаков жизни и деятельности» в отношении юбилея и этим «проявляет полный дифференцизм и холодное безучастие к столь крупному и выдающемуся событию русской жизни». Автор восклицал: «Неужели же и дальше дело будет идти также? Неужели, в самом деле, “гоголевские дни” так и пройдут у нас совершенно незамеченными и не будут ничем ознаменованы? Неужели город останется глух и равнодушен к памяти писателя, дивными творениями которого зачитываются даже иностранцы?». Наконец, становился понятен адресат этих воззваний — «отцы города»; именно к власти в первую очередь обращался публицист «Сибирских отголосков», и в этом отличие позиции газеты В.А. Долгорукова от «Сибирской жизни», которая в первую очередь вела диалог с обществом, с представителями сибирской интеллигенции.

В отличие от других томских газет «Сибирские отголоски» не выделяли новости о гоголевском юбилее в отдельную рубрику, хотя они регулярно публиковались на протяжении марта и апреля 1909 г. в разделе «Разные известия». В это же время в разделе «Томская хроника» появлялись новости о подготовке и праздновании «гоголевских дней» в Томске, причем «Сибирские отголоски» нередко сопровождали информационные сообщения собственными комментариями. К примеру, газета передавала новость о том, что «чествования предполагаются во всех среднеучебных заведениях г. Томска. Как мы слышали, в некоторых учебных заведениях предполагаются к постановке драматические произведения Н.В. Гоголя» — и добавляла: «Нас удивляет, почему для чествования не соединились все среднеучебные заведения; тогда, без сомнения, праздник был бы торжественнее»²¹³.

Номер от 20 марта 1909 г. (№ 63) «Сибирские отголоски» практически полностью посвятили Гоголю. Уже на первой полосе газета опубликовала портрет писателя, стихотворение А. Петрова «Памяти Н.В. Гоголя» и большую статью В. Европейцева «К юбилею Н.В. Гоголя». Публицист «Сибирских отголосков» называл Гоголя «первой величины звездочкой», которая не тускнеет и не меркнет, «творцом и родоначальником реализма», его преемниками явля-

²¹³ Сибирские отголоски. 1909. № 48.

ются Достоевский, Лев Толстой, Гончаров, Тургенев, Писемский. Произведения Гоголя, по утверждению Европейцева, «не утратили своей свежести и до сих пор. Они и сейчас еще имеют значение современности, почти злободневности для нас, для нашей жизни и действительности. Разве, в самом деле, умерли все эти Сквозняки-Дмухановские, Шпекины, Чичиковы, Хлестаковы, Собакевичи, Ноздревы и Маниловы?» В этом видел автор секрет бессмертия Гоголя: «Много, много еще пройдет времени, много промчится столетий, веков, прежде чем умрут детища Гоголя. А пока живут они, будет бессмертен и он сам»²¹⁴.

На второй и третьей полосах были размещены стихотворение «Н.В. Гоголю», подписанное буквой «Б», статья М. Коровина «Н.В. Гоголь в историческом прошлом и настоящем» и «Юбилейный акrostих» Иосифа Хейсина (первые буквы этого стихотворения образуют слова «Николай Гоголь»).

Газета публиковала отчеты о том, как прошли гоголевские вечера в Томске, в том числе материал «В память Н.В. Гоголя» о заседании Томской городской думы, на котором было решено переименовать Жандармскую улицу в Гоголевскую. И здесь обнаруживается любопытный нюанс, о котором упомянула только эта газета: оказывается, решение о переименовании не было принято единодушно, против него «восстал гласный Думы И.Д. Керженцев, который заявил, что в память Гоголя в Томске и так уже сделано, а именно, имеется Гоголевский дом». И хотя «это был единственный голос против всех, все остальные гласные высказались за переименование улицы», тем не менее материал свидетельствует о разных мнениях чиновников по поводу юбилейных мероприятий²¹⁵.

Юбилей был также темой полемического выступления газеты по поводу чествования Гоголя черносотенцами. В статье «О Гоголе и еще кое о чем» автор, подписавшийся «Евг. У.», обращался к прошедшим юбилеям 1908—1909 гг.: «справляли юбилей людей науки, композиторов, редактора газеты (Суворина), юбилей театра, предстоит, так сказать, юбилей военный (Полтавской битвы) и т.д. Среди этого наводнения юбилеев выделяются юбилеи корифеев русской литературы — юбилеи трех великих писателей, ко-

²¹⁴ Сибирские отголоски. 1909. № 63.

²¹⁵ Там же. № 64.

торыми жила русская литература». Это «чуткий и нежный, вечно юный поэт молодости Тургенев, суровый проповедник правды и добра Толстой, гениальный сатирик, писатель-гражданин Гоголь»; однако не все юбилеи были отмечены одинаково. Так, «юбилей Толстого, в силу противодействия реакции, не мог вылиться в те грандиозные формы, которые бы ему приличествовали, юбилей Тургенева был заслонен юбилеем Толстого, — автора “Записок охотника”, как будто, забыли», считал автор. И только 100-летний юбилей Гоголя «сделался всероссийским, всеобщим праздником»; «Гоголю повезло, никто не запрещал его чествовать, наоборот, везде являлись распоряжения о чествовании Гоголя». Автор подчеркивал, что писателя чествовал даже Союз русского народа, «который считает Гоголя своим, «истинно русским», и напоминал о том, что не так уж давно цензура преследовала Гоголя, его критиковали представители «торгового направления» в русской журналистики, и прежде всего Булгарин. В связи с этим публицист «Сибирских отголосков» спрашивал: «Не насмешкой ли над священным именем писателя звучит признание его вполне благонадежным и “истинно русским”, раздающееся теперь, спустя более полувека со дня его смерти, со страниц современных органов мракобесия» — ведь «их прабабушка “Северная пчела” таковым Гоголя не считала и безуданно повторяла, что Гоголь пустой и безнравственный писатель». В сноске к этому абзацу публицист написал: «Был ли Гоголь “истинно русским”, автор настоящих строк постарается выяснить в особой статье» (к сожалению, такую статью обнаружить в «Сибирских отголосках» не удалось).

Продолжая тему, автор материала переходил к вопросу о цензуре, с которой Гоголю так много пришлось воевать при жизни. Казалось бы, теперь другое дело: «всем учебным заведениям циркулярно предписано чем-либо ознаменовать юбилей Гоголя. Ученики ставят сцены из гоголевских “Ревизора”, “Женитьбы” и проч.». Но оказывается, что и в 1909 г. Гоголь не был «реабилитирован» до конца: «Начальство опять-таки ищет “неприличные” места у Гоголя и переделывает их. В одном среднеучебном заведении нашего города поставили сценку из “Женитьбы”, причем начальство так переделало слова Агафьи Тихоновны: “Ах, тетушка, как мне быть? Я чуть не в рубашке” — “Ах, тетушка, как мне быть? Я в грязной кофте”. «Бедный Гоголь! — восклицал публицист “Сибирских от-

голосков”. — И при жизни-то его переделывали и урезывали, и теперь, когда его немощное тело давным-давно истлело на кладбище Данилова монастыря, переделывают уже переделанное...»²¹⁶.

«Молодая Сибирь», «двухнедельный художественный журнал, посвященный литературе, общественной жизни, искусствам и науке», начал выходить в Томске в 1909 г., и уже первый его номер был запрещен цензурой (в дальнейшем журнал был разрешен, но подшивка за 1909 г. начинается сразу с № 2). Но, несмотря на все трудности, журнал стал заметным явлением в литературной жизни Сибири, собрав вокруг себя самых известных и талантливых сибирских поэтов, писателей и публицистов: здесь публикуется г. Гребенщиков, г. Вяткин, М. Боголепов, П. Казанский, П. Николаев, г. Потанин, А. Адрианов и многие другие.

Третий номер журнала открывался портретом Гоголя, напечатанным на отдельном листе, на мелованной бумаге. Юбилею писателя посвящалась и первая статья П. Бражникова «Душевная драма Гоголя». Публицист «Молодой Сибири» обращал внимание читателей на то, что «гений Гоголя необычайно сложен, в той же мере сложна и его душевная драма», и предупреждал о том, что его материал — это реферат, основанный на трудах Овсяннико-Куликовского, Венгерова, Пыпина, Котляровского, Кирпичникова и Мережковского. Бражников рассматривал «те элементы, которые создали ум гения, его природу и метод его творчества», останавливал внимание читателей на «ужасном финале безмерной драмы» Гоголя, когда он после смерти Пушкина остался «в страшной пустоте». Автор «Молодой Сибири» вслед за Гоголем призывал читателей: «будьте не мертвые, а живые души», и заканчивал материал словами Чернышевского²¹⁷.

Внимание нового томского журнала к юбилею Гоголя является свидетельством следования передовым традициям прогрессивной русской журналистики, стремления к освещению самых значимых событий в русской литературной и общественной жизни.

Таким образом, томская пресса достойно выступила с освещением гоголевских юбилеев, познакомив читателей губернского центра с основными событиями «гоголевских дней» и представив

²¹⁶ Сибирские отголоски. 1909. № 67.

²¹⁷ Молодая Сибирь. 1909. № 3.

собственную точку зрения на значение Гоголя для русского читателя в конце XIX — начале XX в. «Литературный юбилей» Гоголя отчетливо показал глубинное усвоение русской провинцией гоголевского творчества, постоянную рефлексию общества на темы, поднятые писателем в его произведениях. Рецепция Гоголя в сибирской периодике, как это видно по материалам томских газет и журналов, затрагивала все свои уровни — информационный, аналитический, художественный — и служила основой для формирования регионального самосознания в дореволюционный период.

«ОТРЕЗВЛЯЕТ ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И НЕ ДАЕТ ЕМУ ОКОНЧАТЕЛЬНО СБИТЬСЯ С ТОЛКУ»: М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Рецепция творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина особенно рельефно проявилась в газетах Томска, издаваемых П.И. Макушиным, — «Сибирской газете» и ее преемнице «Сибирской жизни».

Первая крупная частная газета Западной Сибири — томская «Сибирская газета» (1881- 1888) — отличалась особой чуткостью к культурной жизни России и Сибири, выделяясь на фоне всех сибирских изданий богатством своего беллетристического отдела. Первоначально это было связано с личными интересами издателя газеты П.И. Макушина — он был основателем первого в Сибири книжного магазина, целеустремленным просветителем сибиряков, и поэтому пропаганда и распространение книги отвечали его целям. Постепенное расширение состава редакции за счет участия в ней политических ссыльных, писателей и поэтов народнического направления — Ф.В. Волховского, Д.А. Клеменца, С.Л. Чудновского и других, а также привлечение в качестве авторов русских литераторов (К.М. Станюковича, В.Г. Короленко, Н.И. Наумова, С.С. Синегуба, Д.А. Мамина-Сибиряка и многих других) способствовало усилению «литературоцентричности» «Сибирской газеты».

В «Сибирской газете», имеющей отчетливо выраженный демократический характер, особым вниманием пользовались такие таланты, как Л.Н. Толстой, А.Н. Островский, Г.И. Успенский,

и особенно М.Е. Салтыков-Щедрин, для которого 1880-е годы были отмечены «замечательными художественными достижениями», «исключительной интенсивностью художественных поисков и заметными качественными изменениями в реалистической манере»²¹⁸.

Газета следила за жизнью великого современника и знакомила с ней читателей по публикациям в общероссийской прессе, помещая перепечатки в рубрике «Русские известия». В 1884 г. она опубликовала небольшое известие о том, что «*Neue Freie Presse*» узнает от своего корреспондента из С-Петербурга, что г. Щедрин (Салтыков) намеревается купить себе имение в Тверской губернии с целью там поселиться²¹⁹. Эта заметка размером в две газетные строки показывала пристальное внимание к жизни Щедрина со стороны не только русской, но и зарубежной прессы, а также бодрое состояние духа сатирика, строящего планы своей дальнейшей жизни.

Большое внимание газеты уделяли вопросу о состоянии здоровья болевшего в то время писателя, многие перепечатки корреспондировали материалам «Русских ведомостей». Ведущая столичная газета характеризовала состояние писателя как «тяжкое и мучительное», которое выражалось в «постоянно нервном расстройстве, не дающем больному минуты покоя», это «безусловно лишает его возможности работать, что, конечно, еще отягчает нравственное состояние его»²²⁰. «Русские ведомости» подчеркивали, что Салтыков-Щедрин находится под наблюдением «опытных врачей», «в числе их М.Е. пользуется советами известного С.П. Боткина, который с величайшим участием и вниманием относится к больному», и призывали читателей пожелать, «чтобы усилия врачей возможно скорее увенчались успехом. Восстановление здоровья М.Е. Салтыкова будет праздником для всех, кто умеет ценить его заслуги перед русским обществом»²²¹. В этом же году «Сибирская газета» перепечатала из «Русских ведомостей» новость о том, что «состояние здоровья М.Е. Салтыкова (Н. Ще-

²¹⁸ Каминский В.И. Пути развития реализма в русской литературе конца XIX века. Л.: Наука, 1979. С. 15.

²¹⁹ Сибирская газета. 1884. № 25.

²²⁰ Там же. 1885. № 46.

²²¹ Там же.

дрина) значительно улучшилось», и он уже «понемногу принимается за работу»²²².

К этой теме «Сибирская газета» вернулась еще раз в 1886 г. В № 36 в рубрике «Русские известия» одно из сообщений начиналось со следующего заявления: «В одном из последних номеров «Русских ведомостей» напечатан фельетон Щедрина (Мелочи жизни). Начало его рисует теперешнее печальное состояние нашего даровитого сатирика. Жизнь последнего настолько дорога всякому мыслящему русскому, что мы считаем себя обязанными воспроизвести это место целиком <...>»²²³. Текст этот был посвящен не столько характеристике щедринского «недуга», сколько «писательскому ремеслу», которое, по мнению сатирика, «только мука, но целый душевный ад»: «Капля по капле сочится писательская кровь, прежде нежели попадет под печатный станок. Чего со мною не делали! И вырезывали, и урезывали, и перетолковывали, и целиком запрещали, и писали циркуляры, что я вредный, вредный, вредный»²²⁴.

Имя знаменитого сатирика в «Сибирской газете» регулярно появлялось в литературно-критических обзорах, которые публиковались на протяжении практически всего времени издания газеты.

На первый взгляд отношение «Сибирской газеты» к Салтыкову-Щедрину было непростым. В обзорах 1881–1882 гг., принадлежащих перу Е.В. Корша, оно отличалось явно выраженной критической направленностью. Критика была обусловлена резким неприятием Салтыковым-Щедриным поведением русского либерализма, по словам сатирика, «применительно к подлости». Так, отец Е.В. Корша, В.Ф. Корш, был выведен Щедриним в виде фигуры либерального журналиста, редактора «Старейшей Всероссийской пенкоснимательницы» Менандра Прелестнова (в сатирическом цикле «Дневник провинциала в Петербурге», 1872 г.). С того времени прошло десять лет, но вряд ли Корши забыли об этом эпизоде.

Уже в первом литературно-критическом обзоре «Сибирской газеты» был опубликован критический отзыв о статье

²²² Сибирская газета. 1885. № 49.

²²³ Там же. № 36.

²²⁴ Там же.

Е.И. Утина «Сатира Щедрина», опубликованной в «Вестнике Европы» за январь 1881 г.²²⁵ Статья оценивалась как «самая неудачная из всего, что мы прочли в первой книжке “Вестника Европы”», поскольку это «вытянутое за уши огульное восхваление нашего известного сатирика, всегда, во всем и за все, и больше ничего. Ни малейшей критической жилки не проглядывает в этюде г. Утина; ставя г. Салтыкова выше всего и всех, наш критик забывает все прошлое русской литературы и обнаруживает полное непонимание таланта Щедрина и его значения»²²⁶. Е.В. Корш сразу обозначил свою решимость не ставить Салтыкова-Щедрина «выше всех и вся» и подвергнуть критическому рассмотрению. Так, в одном из последующих обозрений он писал о новой комедии Островского «Невольницы» и о продолжении этюдов Щедрина «За рубежом»: «Безусловно плохих вещей, конечно, не могут написать ни Щедрин, ни Островский; и в последних их произведениях есть очень удачные, меткие и типичные лица, характеры и мысли, но в общем они значительно уступают прежним творениям знаменитых авторов и потому читаются с меньшим интересом»²²⁷.

Однако при всем субъективизме по отношению к Щедрину обозреватель не мог отрицать, что это выдающееся явление в русской литературе. На страницах «Сибирской газеты» была дана высокая оценка творчеству Салтыкова-Щедрина: «Громадный, совершенно исключительный и своеобразный талант нашего неподражаемого сатирика не только не ослабевает, но с каждым новым его произведением становится все сильнее и сильнее. Такие публицистические вещи, как “За рубежом”, составляют литературную эпоху; как некогда Гоголь, в вечных художественных образах, создал лучшую историческую картину современного ему общества, так теперь Щедрин раскрывает нам текущую русскую жизнь, отрезвляет общественное сознание и не дает ему окончательно сбиться с толку»²²⁸.

На протяжении 1881 г. имя Щедрина еще дважды встречалось в обозрениях газеты: здесь сообщалось о публикации нового цикла

²²⁵ Сибирская газета. 1881. № 1.

²²⁶ Там же. № 1.

²²⁷ Там же. № 5.

²²⁸ Там же. № 23.

очерков Щедрина «Письма к тетеньке»²²⁹, а также выражалось сожаление о том, что «знаменитый сатирик, даже в немногих отрывках, не всегда удобен для провинциальной газеты»: «Выписки из его последних произведений зачастую невозможны, и мне, грустному сибирскому обозревателю русской журналистики, в большинстве случаев остается только слезно просить читателя “поверить на слово”, что тот или другой очерк Щедрина сильно, рельефно и неотразимо бичует главные слабые стороны нашей жизни и наводит мысль русского обывателя на надлежащий путь <...> Нельзя не удивляться той поразительной силе, с какой развертывается все шире и шире громадный талант великого художника и мыслителя нашего времени: с каждым новым его произведением вы все сильнее чувствуете, как много мог бы сказать этот, связанный, в сущности, по рукам и ногам, гениальный писатель»²³⁰. «Сибирскую газету» восхищала «та поразительная сила, с какой развертывается все шире и шире громадный талант великого художника и мыслителя нашего времени». Газета считала, что «не читать Щедрина — значит, не читать самого крупного выразителя русской политической мысли, самого горячего защитника и поборника лучших общественных стремлений и идеалов»²³¹.

С 1882 г. литературным обозревателем «Сибирской газеты» стал Ф.В. Волховский, сосланный в Сибирь революционер-народник, известный поэт. Боевой тон обозрений Волховского, стиль, близкий к щедринскому, соединение иронии, сатиры и философского размышления, образный язык — все это придавало литературным обзорениям «Сибирской жизни» характер программных статей по актуальнейшим вопросам русской литературной жизни. Самым значительным писателем 1880-х годов Волховский считал Салтыкова-Щедрина, о котором он писал: «Голос великого печальника умственных и человеческих интересов русской земли не умолк до сих пор, удары его мощного сатирического бича не ослабели, и по-прежнему сжимается сердце от боли, по-прежнему оживает наша мысль, по-прежнему неподражаемый юмор приводит нас в восторг при чтении свежих страниц М.Е. Салтыкова.

²²⁹ Сибирская газета. 1881. № 30.

²³⁰ Там же. 1881. № 33.

²³¹ Там же.

Этот, мастер воистину, великий — и по необыкновенной оригинальности, силе таланта, и по содержанию своих произведений, и по громадному влиянию на читающее общество, по значению, какое он в нем имел, имеет и будет иметь, — пишет до сих пор. Мало того: что особенно ценно в русском писателе, потому что так в нем редко, — с годами ни талант его не слабеет, ни круг идей не суживается; напротив, недавно написанные им сказки принадлежат к величайшим произведениям не только русской, но и всемирной литературы; а каждый, кто сравнит его “Губернские очерки” с произведениями среднего периода и эти последние с позднейшими, увидит, что, начав с фотографирования и “обличения” пошлости и других частных недостатков отдельных сфер русской жизни, он постепенно обнимал взглядом все более и более обширный круг явлений, все более и более обобщал выводы из своих наблюдений и все тверже, все определеннее выяснял себе и другим, что самая основа существующих отношений — экономических, гражданских и бытовых — должна быть радикально изменена; пока, наконец, в сказках, в роде “Пороков и Добродетелей”, не достиг такой высоты, широты и силы мысли, которые делают ее ценным достоянием не одной какой-либо литературы, но всего мира»²³². Волховский посвятил очеркам из цикла «Мелочи жизни», опубликованным в «Вестнике Европы» в 1886–1887 гг.²³³, отдельное обозрение с подзаголовком «Н. Щедрин об основе нашей жизни».

Кроме литературных обозрений в разных материалах «Сибирской газеты» — в публицистических статьях, корреспонденциях, фельетонах — постоянно встречались щедринские образы и крылатые фразы. Так, в статье «26 октября 1883 года в Иркутске» журналист М. Писарев, произнося речь о сибирской прессе, «удачно сравнил ее с тем щедринским пряником, который потерял всю свою сладость с тех пор, как было приказано вырезать на них слова “цензурою дозволено, цензор Худяков”»²³⁴; фельетонист видел сон про «дикую пляску сибирского кулака и решителя судеб Сибири, навозного Угрюм-Бурчеева»²³⁵ и т.д. Наиболее актуальными для Сибири оказались такие щедринские персонажи, как

²³² Сибирская газета. 1887. № 16.

²³³ Там же. № 17.

²³⁴ Сибирская газета. 1883. № 52.

²³⁵ Там же. 1885. № 29.

Тит Титыч, Чумазый, Разуваев, Колупаев, помпадур. Газета проводила параллели между «российскими Колупаевыми и Разуваевыми», общая характеристика которых «воспроизведена давно уже нашим талантливейшим сатириком Щедриным и знакома всякому, мало-мальски грамотному русскому человеку», и сибирскими «хищниками». Щедринская характеристика, по мнению «Сибирской газеты», подходила вполне и «облику сибирского Кондрата, снятого с натуры “добродушным Сибиряком”» (Н.М. Ядринцевым, под этим псевдонимом публиковавшим фельетоны в «Восточном обозрении») ²³⁶.

Сатирические приемы и образы Салтыкова-Щедрина постоянно использовались в фельетонном творчестве Ф.В. Волховского. Это было особенно заметно в сатирическом цикле «Летопись Мирного городка» ²³⁷. Фельетонист начинал повествование со вполне реальных фактов, случаев из жизни «Мирного городка». Но постепенно сквозь канву повествования прорастали контуры фантазмагоричного, абсурдного щедринского города Глупова в сибирском варианте. Мирный городок — это как бы еще один сибирский город, он вбирает в себя приметы всех сибирских городов. Контуры его размыты и изменчивы, он реален и одновременно иллюзорен. И это позволяло Волховскому вести своеобразную игру с читателем: он описывал жизнь Мирного городка «изнутри» (в цикле «Летопись Мирного городка») — и приводил в Мирный городок героев из параллельного фельетонного цикла «Сибирский музей» ²³⁸. Таким образом он убеждал читателя в реальности вымышленного Мирного городка, вводил Мирный городок как художественный образ в фельетонный мир, пользуясь разработанными методами сатиры Салтыкова-Щедрина.

Участовавший в «Сибирской газете» как фельетонист, К.М. Станюкович (он был сослан в Томск в 1885 г.) также поддержал традицию «переключки» издания с произведениями сатирика: один из фельетонов Станюковича из цикла «Сибирские картинки» получил подзаголовок, восходящий к Салтыкову-Щедрину, «Торжество “чумазого”». В нем шла речь о том, как фельетонист на

²³⁶ Сибирская газета. 1884. № 12.

²³⁷ Там же. 1883. № 44; 1884, № 16, 20, 23, 29, 42, 45.

²³⁸ Эти две линии сплетались в фельетонах «Сибирский музей» — 1884, № 28 и «Летопись Мирного городка» — 1884, № 42.

выборах столкнулся с многочисленными «образчиками всех видов сибирского “чумазого”, непреклонного, упорного, бравярующего закон и совесть и привыкшего деньгами замазывать всякие дыры, сквозь которые могли бы выйти на свет божий плохо заметенные следы <...>»²³⁹.

Одновременно с фельетонами Станюкович с № 36 1886 г. начал публиковать в «Сибирской газете» роман «Не столь отдаленные места». Главный герой этого произведения — один из «порядочных» молодых людей, Евгений Невежин. По замечанию исследователя М.В. Грицановой, «неволью возникает литературная параллель: Салтыков-Щедрин в одном из сатирических циклов дает характеристику т.н. “легковесных” — деятелей, которые, ни над чем не задумываясь, ни перед чем не останавливаясь, “шествуют в храм славы с единственной целью сневежничать в нем”»²⁴⁰. Но в романе есть и другой «герой» — сибирский губернский город, который у Станюковича получил название «Жиганск». Здесь писатель также ориентировался и на «Губернские очерки», и на «Историю одного города» Салтыкова-Щедрина, недаром тема Жиганска начиналась с описания его губернатора — Ржевского-Пряника.

Таким образом, Щедрин воспринимался «Сибирской газетой» как авторитетный единомышленник, с которого она брала пример, пользовалась его открытиями в «эзоповском языке». Надо сказать, что фельетонисты издания настолько поднаторели в обличении сибирских властей — не называя при этом ни одной фамилии, — что против газеты не могло быть заведено ни одно дело, тогда как изображенные в ней типы узнавала вся Сибирь.

После закрытия в 1888 г. «Сибирской газеты» ее преемницей в 1894 г. стала новая газета П.И. Макушина «Сибирская жизнь» (первоначально называлась «Томский справочный листок», «Томский листок»). В это время Салтыкова-Щедрина уже не было в живых: он скончался в 1889 г. и теперь воспринимался как настоящий классик. Ссылки на него продолжали встречаться в разнообразных материалах «Сибирской жизни», хотя и с меньшей частотой: активизация общественной жизни России и Сибири в конце XIX — на-

²³⁹ Сибирская газета. 1886. № 49.

²⁴⁰ Грицанова М.В. «Томская тема» в творчестве и судьбе К.М. Станюковича // Русские писатели в Томске. — Томск: Водолей. — 1996. С. 102.

чале XX в., отмена предварительной цензуры для провинциальных изданий в 1905 г. привели к более редкому применению эзоповского языка, снижению собственно «литературоцентричности».

Целый ряд материалов «Сибирской жизни» свидетельствовал о том, что произведения Салыткова-Щедрина продолжали оставаться для Сибири актуальными и злободневными. Так, в 1904 г. в «Сибирской жизни» в разделе фельетона был помещен материал Ipse под знаковым названием «Мелочи жизни», отсылающий читателя к сатирическому циклу Салыткова-Щедрина. Кроме того, текст начинался с эпитафии: «Литература наивно думает, что ничто человеческое ей не чуждо, что все явления вещественного и духовного мира обязательно подлежат ее исследованию — и вдруг врывается нечто непредвиденное и с злобной иронией шипит: я именно и есть тот самый “случай”... Обильна, ах, как обильна сделалась русская жизнь этими “случаями”...» (Щедрин. Т. VII. Стр. 279)²⁴¹, т.е. это была не просто «перекличка», а принципиальная опора на щедринский текст и его концепцию «мелочей жизни», которая помогла сибирскому автору осмыслить отражение «новых веяний» в провинциальном обывательском сознании.

В 1909 г. в № 11 в разделе «Маленький фельетон» (автор — «Жорж В.») был помещен материал под заголовком «Пушкину на памятник — 20 коп.». Автор напоминал читателям о «страничке из записной книжки одного купца», приведенной Салтыковым-Щедриным в одной из его «бессмертных сатирических очерков». Фельетонист публикует содержание этой «знаменитой странички»:

«За разбитые зеркала у “Яра” — 200 р. — к.

Приказчикам за кутеж — 300 р. — к.

Самой на платье — 600 р. — к.

Пушкину на памятник — — р. 20 к.», —

с комментарием:

«Очень, очень эффектно! Вот где она — широкая-то русская натура!»²⁴².

²⁴¹ Сибирская жизнь. 1904. № 189.

²⁴² Там же. 1909. № 11.

Однако, добавлял автор «Сибирской жизни», «хотя Салтыков-Щедрин давно уже умер, но герои его еще, конечно, живы и жить будут еще долго. Жив и внук того щедрого купчины, запись расходов которого так безжалостно обнажил покойный писатель». Он описывает случай, произошедший в «городе Громколаевске» (т.е. Николаевске, нынешнем Новосибирске) и связанный со сбором денег на постройку реального училища: подписной лист, заполненный купцами на званом вечере, наутро был переписан «щедрыми жертвователями» с указанием гораздо меньших сумм, чем накануне. Как считает фельетонист, «в общем получилось еще хуже, чем “Пушкину на памятник — 20 к.”». Более того, автор подчеркивал, что «прежний, щедринский купец был лучше и пожертвованного двугривенного на пятак не переделывал...»²⁴³.

В связи с 25-летием со дня смерти Салтыкова-Щедрина «Сибирская жизнь» в 1914 г. опубликовала материал Б. Сергеева «Великий сатирик». Эпиграфом к нему послужили слова Салтыкова-Щедрина из «Губернских очерков»: «Много есть путей служить общему делу, но смею думать, что обнаружение зла, лжи и порока также не бесполезно, тем более что предполагает полное сочувствие добру и истине»²⁴⁴. Автор материала характеризовал писателя как «одного из самых ярких носителей и стойких защитников русской общественной мысли» и напоминал читателям основные вехи биографии Щедрина. Это детство «в обстановке деревенской помещичьей усадьбы», учеба, служба в канцелярии военного министра, сотрудничество с «Отечественными записками», ссылка в Вятку, работа в «Современнике», служба начальником казенной палаты в Пензе, редактирование «Отечественных записок», смерть в 1889 г. Публицист особенно акцентировал внимание на том, как повлияло на мировоззрение сатирика его детство, проведенное «в обстановке крепостничества, среди уродливых проявлений помещичьего быта», замечая, что «негодование Салтыкова выражалось особенно резко и ярко» в тех случаях, «когда ему приходилось касаться вопросов, связанных с ликвидацией крепостного права». В тексте немало цитат из произведений Салтыкова-Щедрина: из «Пошехонской старины», «Сатир в прозе» и др.

²⁴³ Сибирская жизнь. 1909. № 11.

²⁴⁴ Там же. 1914. № 89.

Характеризуя писателя, автор отмечал такие черты его личности, как замкнутость: «по натуре и складу ума Салтыков не был и не мог быть человеком кружка, определенных идейных рамок»; беспощадность к проявлениям «лжи, пошлости, дикости и лицемерия, где бы они не встречались», стремление к реальному делу. Публицист «Сибирской жизни» подчеркивал также, что «в салтыковских произведениях находило себе место не только то, что являлось отражением “эпохи великих реформ”, было с нею непосредственно связано. Громадный ум сатирика, его богатый житейский опыт и знание русского быта делали для него доступными все закоулки русской жизни, — “Губернские очерки”, “Сатиры в прозе”, “История города Глупова”, “Господа ташкентцы”, “Господа Головлевы” тому пример, но любимой темой его произведений было то, что называется “внутренней политикой” — “мероприятия”, “пресечения”, “обуздание”»²⁴⁵. В материале была отмечена и чуткость Салтыкова-Щедрина к новым явлениям общественной жизни России: «Когда с наступлением дворянского оскудения на авансцену русской жизни стали выходить представители новой силы, силы нарождающегося капитала, появились Деруновы, Разуваевы и Колупаевы, люди “мертвой хватки”, их появление было отмечено Салтыковым возгласом на всю Россию: “Чумазный идет!”»²⁴⁶.

Но главное, что, по мнению автора материала, делает сатиру Салтыкова-Щедрина «особенно сильной и жизненной», — это то, что «при всей беспощадности обличений писателя в ней видна неподдельная любовь к тем “головотяпам”, “глуповцам”, о которых он говорит»²⁴⁷. Это особенно важно, считает Б. Сергеев, в «наше время усиленного расцвета “шапочного патриотизма”, когда, выражаясь словами сатирика, спешат “как-нибудь поближе приютиться около пирога, чтобы нечто урвать, утаить, ушить, укроить и вообще, по силу возможности, накласть в загорбок любезному отечеству”»: именно в это время «русскому читателю вспомнить о нем не лишне», т.е. публицист подчеркнул непреходящую актуальность Салтыкова-Щедрина, великий нравственный урок, который был дан его произведениями россиянам — современникам и потомкам.

²⁴⁵ Сибирская жизнь. 1914. № 89.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ Там же.

Таким образом, имя Салтыкова-Щедрина было хорошо знакомо сибирякам, и публицисты нередко использовали приемы и методы щедринской сатиры для обхода цензуры, для более глубокого и острого обсуждения местных проблем.

Наибольшее количество материала, связанного с именем и творчеством сатирика, обнаруживается на страницах первой частной газеты Томска — «Сибирской газеты». Это объясняется прежде всего тем, что в 1881—1888 гг., когда выходил этот орган периодики, Салтыков-Щедрин был жив и находился в зените своей славы, его авторитет и значение признавались критиками всех направлений, а читатели с нетерпением ждали новых произведений сатирика. «Сибирская газета» имела возможность оценивать щедринские очерки непосредственно после их выхода на страницах «Отечественных записок», обозначать их место в современной текущей литературе.

Сатира Щедрина была востребована в провинциальной периодике по многим причинам, главные из которых были связаны с необходимостью обхода местной цензуры. Благодаря использованию персонажей щедринских произведений, хорошо знакомых читателям, публицисты могли не углубляться в их характеристику, а сразу «погружать» их в условия сибирской действительности и показывать их живучесть либо наблюдать за эволюцией, совершавшейся при иных обстоятельствах. Появление щедринских «героев» в произведениях местных авторов придавало текстам аналитическую глубину, позволяя сопоставлять сибирскую и общерусскую действительность, видеть в частном общие тенденции.

Макушинские газеты дорожили в лице Салтыкова-Щедрина одним из самых ярких сатириков демократического лагеря. Они ценили его как представителя русской мыслящей интеллигенции, создателя эзопова языка для обхода цензуры, гениального писателя, запечатлевшего в своих произведениях типы русской политической и общественной жизни; проницательного исследователя повседневной драмы «мелочей жизни». Авторы томских макушинских газет осваивали художественный опыт писателя на путях создания региональной литературы, отмеченной яркой острой публицистичностью, направленной на воспитание эстетического, художественного и общественного сознания сибиряков.

«ДРАМА ВЕЛИКОЙ ДУШИ»: Л.Н. ТОЛСТОЙ

Известие о том, что великий русский писатель Л.Н. Толстой, чей юбилей Россия отметила в 1908 г., через два года тайно покинул свой дом в Ясной Поляне, а затем после скоротечной болезни умер в Астапове, в конце 1910 г. всколыхнуло всю Россию. Поклонники его таланта и его недруги размышляли о причинах поступка патриарха русской литературы, скорбели о его кончине, полемизировали в печати о значении Толстого для русского общества. Освещение «толстовских дней» в томской прессе 1910 г. — в газетах «Томские губернские ведомости», «Томские епархиальные ведомости», «Сибирская жизнь», «Сибирское слово», «Сибирская правда» — позволяет проследить рецепцию творчества Л.Н. Толстого на разных уровнях, оценить влияние толстовского гения на общественное сознание русской провинции.

Необходимо отметить, что имя Толстого встречалось в томской прессе достаточно регулярно и до известия о его уходе из Ясной Поляны, болезни и смерти. В основном это были перепечатки общероссийских газет («Русское слово», «Русские ведомости», «Новое время»), касающиеся всероссийского писательского съезда, встреч Толстого с английским и французским журналистами, с профессором пражского университета и членом австрийского парламента Масакара, с писателем Л. Андреевым²⁴⁸. Отслеживались и сообщения о «иоаннитках», стремящихся «разоблачить еретика Л.Н. Толстого», об избрании Сербской академией наук Толстого «почетным академиком по отделу общественных наук и изящной словесности», о елке у Толстого, о его отказе от Нобелевской премии²⁴⁹ и многое другое.

Кроме того, достаточно часто газеты публиковали материалы, касающиеся переписки Толстого с общественными деятелями (депутатом М. Чельшевым), с писателями (Л.Н. Андреевым), почитателями его таланта и необычными корреспондентами — например, «с одним молодым человеком, евреем, не принятым в университет», который просил совета Толстого по поводу перехода в православию²⁵⁰. В материале «Письма Л.Н. Толстого», опубликованном в

²⁴⁸ Сибирская жизнь. 1910. № 22, 37, 75, 79, 103, 106,

²⁴⁹ Там же. № 38, 41; Сибирские отголоски. 1910. № 9, 42.

²⁵⁰ Сибирские отголоски. 1910. № 6.

«Сибирской жизни»²⁵¹, приводилось содержание писем писателя к депутату Чельшеву (по публикации в «Русских ведомостях») и к профессору Императорского Томского университета И.А. Малиновскому (по публикации в «Речи»). «Сибирская жизнь» предварила текст письма Толстого к Малиновскому замечанием о том, что профессор послал Толстому свою книгу «Кровавая месть и смертная казнь», после чего получил письмо следующего содержания:

«Ясная Поляна, 25 сентября 1910 г. И.А. Малиновскому.

Иоанникий Алексеевич, от души благодарю вас за присылку вашей книги. Я еще не успел внимательно прочесть ее всю, но, уже пробежав ее, я порадовался, так как увидел все ее большое значение для освобождения нашего общества и народа от того ужасного гипноза... Книга ваша, как я уверен, благодаря импонирующему массам авторитету науки, главное же — тому чувству негодования против зла, которым она проникнута, будет одним из главных деятелей этого освобождения. Такие книги, как я вчера шутя сказал моему молодому другу, а вашему земляку и знакомому В. Булгакову, могут сделать то, что мне казалось невозможным — помирить меня даже с официальной наукой <...>»²⁵².

Необходимо отметить, что вопрос о смертной казни вызывал бурное обсуждение в обществе, и многие апеллировали к имени Толстого, который был непримиримым противником этого способа казни. Корреспондент Толстого, профессор Томского университета И.А. Малиновский, который был солидарен с писателем в его отношении к смертной казни, посвятил этой теме доклад «Смертная казнь в художественной литературе», который был прочитан 15 февраля 1910 г. в Томском университете, в местном юридическом обществе. Отчет об этом мероприятии, вызвавшем большой общественный резонанс и привлечшем многочисленных слушателей, появился в двух ежедневных газетах — в «Сибирской жизни» и «Сибирских отголосках», причем под одинаковыми названиями: «В юридическом обществе»²⁵³.

²⁵¹ Сибирская жизнь. 1910. № 237.

²⁵² Там же.

²⁵³ Сибирская жизнь. 1910. № 39; Сибирские отголоски. 1910. № 29.

Автор «Сибирской жизни», выступивший под псевдонимом «А. Б-ов», отметил, что в своей речи Малиновский подчеркнул: в русской литературе можно найти высказывания и за, и против смертной казни. Авторы последних — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев и Толстой, который «столкнулся с вопросом о смертной казни еще в 1866, когда добровольно защищал солдата, которому угрожал смертный приговор. Затем высказал свои взгляды по поводу дела 1 марта 1881 г. в «Воскресении» и в рассказе «Божеское и человеческое». Но главные протесты его против казни принадлежат XX в., когда появились его «Не убий никого», «Не могу молчать» и «Христианство и смертная казнь» (СЖ, № 39, 18 февраля 1910. С. 3).

Е. Молодой, журналист «Сибирских отголосков», приводил аргументацию докладчика более подробно, пересказывая письмо Толстого к Александру III, в котором он находил, что «борьба с революционерами путем их истребления нецелесообразна, так как сила революционеров не в численности их; бороться с ними надо духовно, выставив такой идеал, какой был бы выше их идеала и включал бы в себя идеал любви, прощения и воздаяния добром за зло»²⁵⁴.

Материалы томских журналистов показывают, что мнение Толстого, «живого классика», приводилось в качестве одного из основных аргументов против смертной казни.

Нельзя не отметить, что имя Толстого в этой общественной дискуссии встречалось и «с другой стороны» — с ним спорили представители «правых сил», и в частности томская черносотенная «Сибирская правда». В первом номере за 1910 г. здесь появилась перепечатка из газеты «Земщина» — «Обращение В. Шульгина к графу Л. Толстому», в котором «правый» депутат обвинял «старого графа» в том, что тот «в холе, в тепле, в довольстве, в безопасности» из Ясной Поляны «поучает»: «Не противьтесь злу, христиане», в то время как «кругом ад», «проклятая революция вытравила в сердцах человеческих все, что в них было человеческого», и «зверь» готов расправиться со всеми, в том числе и с графом, и его семьей. «Мы, властители, мы, законодатели, мы, судьи, мы начнем и свершим борьбу со зверем, и когда кончим свое

²⁵⁴ Сибирские отголоски. 1910. № 31.

черное и кровавое дело, пойдем отдавать ответ Господу Богу», пишет Шулгин, а «престарелый писатель» «пусть остается чистым, неокровавленным»²⁵⁵.

Особое значение для томского читателя имела информация, в которой прослеживался «томский след» в окружении Толстого. К таким относилось, например, сообщение, опубликованное в «Сибирской жизни» (раздел «Томская жизнь») о том, что «кончивший томскую гимназию В.Ф. Булгаков, сотрудник нашей газеты <...> в настоящее время состоит личным секретарем великого писателя»: «г. Булгаков был приглашен в “Ясную Поляну” в январе этого года, в качестве заместителя административно-высланного Н.Н. Гусева. Со второй половины января г. Булгаков живет там постоянно, непосредственно помогая Льву Николаевичу в его работах, а также подготавливая для печати свою книгу о Толстом — популяризацию его учений и взглядов. Недавно г. Булгаков устраивал народный спектакль в имении В.Г. Черткова “Телятники” (в 3 верстах от “Ясной Поляны”). Лев Николаевич этим спектаклем очень интересовался»²⁵⁶. Сообщение о бывшем жителе Томска — личном секретаре Л.Н. Толстого создавало у сибирского читателя чувство сопричастности к жизни великого писателя, пробуждало гордость за своего земляка.

Известие о бывшем личном секретаре Л.Н. Толстого Н.Н. Гусеве появилось также в рубрике «Русская жизнь»: сообщалось, что он прислал письмо из пермской губернии, «куда был выслан административным порядком». Гусев написал о новом обыске, очень взволновавшем его. Л.Н. Толстой также узнал «о новом со мной несчастьи» и прислал «письмо — очень трогательное». В газете был опубликован отрывок из письма Толстого, где он советует «в дурные минуты» думать «о том, что с вами случилось. Это тот материал, над которым вы призваны работать. Мне, по крайней мере, эта мысль и чувство, вызванное ею, всегда помогали очень. Прощайте, милый друг! Постараемся подняться на ту высоту, на которой безразлично видеться или не видеться до смерти и сейчас умереть, или через неизвестное число лет. Подняться и держаться на этой высоте мне легче с моей старостью. Вам с вашей молодостью

²⁵⁵ Сибирская правда. 1910. № 1.

²⁵⁶ Сибирская жизнь. 1910. № 103.

труднее. Но все-таки вы можете»²⁵⁷. Этот отрывок показывает, что в последние месяцы жизни Толстой много размышлял о смерти и, по сути, заранее простился со многими близкими ему людьми.

Толстой постоянно появлялся на страницах томских газет не только как общественный деятель, но и как писатель, мыслитель, философ. Так, в рубрике «Сибирской жизни» «В мире науки, литературы и искусства» произведения Толстого рекомендовались для детей²⁵⁸; кроме того, в этом же номере редакция поместила сообщение о том, что «графиня С.А. Толстая передала редакции журнала “Русская старина” заметку Льва Николаевича о самоубийстве» и кратко передала содержание этой заметки, в которой доказывается, что дело не в том, «имеет ли право человек лишать себя жизни» («Конечно, имеет»), — а в том, что «самоубийство неразумно и безнравственно»²⁵⁹. К этому вопросу редакция возвращается еще раз более подробно в материале «Л.Н. Толстой о самоубийстве»²⁶⁰ — здесь анализируется все тот же материал из «Русской старины», только более детально, что показывает, какое большое значение придавала редакция «Сибирской жизни» и поднятому вопросу, и мнению Толстого по этому поводу.

В обзоре событий в мире науки, литературы и искусства редакция «Сибирской жизни» также обращала внимание своих читателей на «интересный “Сборник литературного фонда”, изданный по случаю 50-летнего юбилея фонда», поскольку здесь «помещены произведения многих виднейших представителей современной русской литературы — художественной, публицистической и научной». И первым автором, о котором упоминала «Сибирская жизнь», был Л.Н. Толстой: в сборнике он «поместил “Единую заповедь” и рассказы “Песни в деревне” и “Разговор с прохожим”»²⁶¹.

Довольно часто имя Толстого встречалось на страницах «Сибирской жизни» в связи с деятельностью издательства «Посредник». В этом издательстве выходили статьи Толстого, которые рекомендовались «общественным организациям, преследующим просветительские цели», например, в борьбе с пьянством: «1) Для

²⁵⁷ Сибирская жизнь. 1910. № 121.

²⁵⁸ Там же. № 64.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Там же. № 70.

²⁶¹ Там же. № 73.

чего люди одурманиваются. Л.Н. Толстого. 2) Его же. Богу или мамоне». 3) Вино — яд и 4) Грех и безумие пьянства»²⁶²; среди «общедоступных изданий» также были «Изречения Магомета» Л.Н. Толстого и «Изречения китайского мудреца Лао-тзе»²⁶³. Один из материалов «Сибирской жизни» так и назывался: «Посредник»: он был посвящен 25-летию деятельности этого издательства, которое праздновалось 25 апреля. Газета отмечает, что «русскому обществу хорошо известно имя “Посредник”», и прежде всего потому, что оно «связано с другим именем, дорогим нам и всему культурному миру, — именем великого писателя Л.Н. Толстого, который является одним из вдохновителей этой фирмы». Заканчивая этот материал, автор «Сибирской жизни» приводит список «новых изданий “Посредника”, на днях присланных в редакцию»: список этот открывают произведения Толстого в разделе «общедоступные издания (ц. 1—4 к.)»: «1) Л.Н. Толстой “Зерно с куриное яйцо”; 2) Его же. Свечка; 3) Его же. Для совести (изречения мыслителей); 4) Под его же редакцией “Конфуций, его жизнь и учение”»²⁶⁴.

В «Сибирских отголосках» информации о художественных произведениях Толстого на порядок меньше, но и здесь можно найти такие материалы, как «Новое произведение Л.Н. Толстого»²⁶⁵ (о комедии «Долг платежом красен»).

Наконец, отрывки из произведений Толстого использовались в качестве эпиграфов к литературным произведениям, опубликованных в «Сибирской жизни»: так, к рассказу «На земле» его автор, г. Вяткин, предпослал следующие строки: «Счастье — это быть с природою, любить ее, говорить с нею. Л. Толстой»²⁶⁶.

Имя Л.Н. Толстого появлялось и на первых, рекламных полосах томских газет: так, в «Сибирской жизни» в январе—сентябре 1910 г. на страницах газеты публиковалась реклама граммофонных пластинок с голосом писателя «Живые слова Льва Николаевича Толстого»²⁶⁷, а «Сибирские отголоски» извещали своих читателей,

²⁶² Там же. № 70.

²⁶³ Там же. № 83.

²⁶⁴ Там же. № 90.

²⁶⁵ Там же. № 81.

²⁶⁶ Там же. № 180.

²⁶⁷ Там же. № 2.

что в «Железнодорожном собрании» «сегодня в пользу Общества учащихся идет “Власть тьмы”»²⁶⁸.

Резким диссонансом звучали в этом диалоге прессы и читателей о Толстом высказывания «Сибирской правды», которая не стеснялась в выражениях, когда дело доходило до религиозности Толстого. Ярким примером может служить небольшая статья Михаила Сырокомля-Сопоцько под названием «Как хоронить яснополянского шарлатана» (Доклад главной Палате народного союза во имя Михаила Архангела): автор напоминал, что «лет восемь назад Св. Синод распорядился по Империи, чтобы никто из православных иереев не дерзал, в случае смерти основателя богохульной толстовщины, хоронить его труп по православному обряду и с пением “со святыми упокой!” — что, конечно, было бы таким поруганием нашей веры, какое послужило бы к отменному удовольствию всем кощунникам». Но, добавлял автор, «граф Толстой — живуч: смерть, должно быть, по нынешним временам уклонилась в толстовщину и стала в тупик перед “бессмертным”, “славным”, “великим”... разбойником пера»²⁶⁹.

Призывая всех священников к соблюдению установленного правила, он восклицал: «Не забывайте: граф Толстой предан анафеме, отлучен от Церкви, обречен на вечную гибель, ибо вне Церкви, а особенно при хулении Ее, спасение невозможно. Довольно было ему ругаться над Невестой Христовой Церковью при жизни: не дадим ему, подлomu, поругаться над нею и после смерти!»²⁷⁰. Агрессивный тон, исступленная нетерпимость были характерны и для других высказываний авторов «Сибирской правды» (и не только по отношению к Толстому).

Необходимо отметить, что в мае в «Сибирской правде» появилась публикация «Нашим анонимам», которая дает основание считать, что один из читателей газеты выступил в защиту Толстого, подписавшись «Крестьянин». Газета же считала, что, «заступаясь за известного развратителя нравственности и кощунника графа Л. Толстого — наш аноним этим самым доказал, кто он таков в исполнении религиозных обрядностей»²⁷¹.

²⁶⁸ Сибирские отголоски. 1910. № 57.

²⁶⁹ Сибирская правда. 1910. № 15.

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ Сибирская правда. 1910. № 18.

«Сибирская правда» была вполне солидарна с «Земщиной» в том, что «Толстой является символом отрицания всего, чем живо Русское государство», и также недоумевала относительно того, «уместны ли вокруг его имени бесконечная шумиха и беспрестанные напоминания о нем»²⁷², однако не без удовольствия ссылалась на его авторитет в случае, например, употребления слово «жид»: оно встречается в произведениях Толстого, и, судя по переписке, писатель считал это слово «определением национальности, как, например, француз и т.д.»²⁷³.

В «Томских епархиальных ведомостях» о писателе нет никаких сведений (что неудивительно), а вот в «Томских губернских ведомостях» имя Толстого можно было постоянно встретить на первой полосе газеты: в «Официальном отделе», в «Циркулярах Главного управления по делам печати» — в той его части, где речь шла об аресте и уничтожении книг и брошюр. В 1910 г. репрессиям подверглись следующие издания писателя:

Л.Н. Толстой «Конец века». О предстоящем Перевороте (Статья написана в декабре 1905 года). Книгоиздательство «Обновление», 1906. Типо-литография С.М. Муллер (Васильевский остров, 9 линия, 18)²⁷⁴.

Л.Н. Толстой «Где выход» (О положении рабочего народа). № 18. Ц. 2 к. Книгоиздательство «Обновление». 1906. Тип. не обозначена²⁷⁵.

Л.Н. Толстой I. «Патриотизм и правительство». II. Лабозти. О добровольном рабстве. Книгоиздательство «Обновление». № 4. 1906. Типо-литография С.М. Муллер (Васильевский остров, 9 линия, 18)²⁷⁶.

Л.Н. Толстой «Единое на потребу». О государственной власти. «11. Книгоиздательство «Обновление». Ц. 8 к. Типография Т-ва «Дело». Фонтанка, 96; Гр. Л.Н. Толстой «Единое на потребу и другие произведения». Москва. Т-во типо-литография Вл. Чичерина²⁷⁷.

²⁷² Сибирская правда. 1910. № 35.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ Томские губернские ведомости. 1910 № 32.

²⁷⁵ Там же. № 48.

²⁷⁶ Там же. № 32, 56.

²⁷⁷ Там же. № 59.

Л.Н. Толстой «Экзекуция. Стыдно». Книгоиздательство «К свету». Ростов-на-Дону. Типография «Донская речь»²⁷⁸ и ряд других.

И только один раз Толстой был упомянут в «Томских губернских ведомостях» в 1910 г. в отделе неофициальном — в связи с антиалкогольным съездом, которому в газете была посвящена статья «Против зеленого змия»²⁷⁹. Автор указывает, что «думский депутат от Самары, Челышев, с благословения л. Толстого, предлагал, в целях борьбы с народным пьянством, печатать на ярлыках водочной посуды:

— Водка — яд»²⁸⁰.

Это средство газета называла «наивным», считая, что от водки «не ярлыками надо отпугивать», а уничтожить «этот самый яд», делать его недоступным для народа.

Таким образом, и до сенсационного известия об уходе Толстого имя его не сходило со страниц частной периодической печати не только общероссийской, но и местной, поскольку читатели живо интересовались жизнью и мнениями «живого классика». Что касается печати официальной, то информация, представленная здесь, демонстрировала неустанную борьбу правительства с произведениями Толстого путем ареста и уничтожения изданий.

Информационная картина дня постепенно стала меняться после получения известий об исчезновении Толстого. Первое сообщение достигло Томска в момент подготовки новых номеров от 31 октября — и в «Сибирской жизни», и в «Сибирских отголосках» это известие помещено только на четвертой полосе, после всех материалов. В «Сибирской жизни» это «Вечерняя телеграмма о Л.Н. Толстом (От С.-Петербургского телеграфного агентства)», в которой подробно описывается происшедшее: «Москва, 30 октября. В 4 ч. утра «Русские ведомости» получили из Тулы телеграмму, что Лев Николаевич Толстой 28 октября велел заложить лошадей и вместе с доктором Маковецким уехал в Щекино, откуда по железной дороге отправился на юг. В оставленной на имя жены записке Толстой пишет, что его тяготит обстановка

²⁷⁸ Томские губернские ведомости. 1910. № 62.

²⁷⁹ Там же. № 14.

²⁸⁰ Там же.

жизни и что он чувствует потребность в уединении. Просит не делать попыток отыскивать его. Трогательно прощается со своим семейством и говорит, что, как истый христианин, он должен жить в мире, и ни в каком случае не вернется. Место пребывания Толстого неизвестно»²⁸¹.

В «Сибирских отголосках» же появилась одна строчка в рубрике «Известия за день»: «Таинственный отъезд Л.Н. Толстого. В газете “Русские ведомости“ сообщают из Тулы о таинственном исчезновении Л.Н. Толстого»²⁸².

«Сибирская жизнь» практически сразу же отреагировала на это известие попыткой осмыслить происходящее: уже в следующем номере появился материал, подписанный «В.Н.Л.», «Драма великой души (к исчезновению Л.Н. Толстого)», в котором автор размышлял о противоречии между тем, к чему призывал писатель, и реальным положением дел, которое, возможно, и привело к тому, что «драма великой души достигла последнего акта»²⁸³. Однако затем на первое место вышла задача информирования читателей о ходе событий: каждый номер открывался традиционным разделом «Телеграммы», в котором первым делом теперь ставились сообщения о Толстом, сначала под рубрикой «Вести о Л.Н. Толстом»²⁸⁴. Причем в № 244 первыми шли телеграммы о писателе из Калуги и только потом — телеграммы под рубрикой «Возвращение Государя из-за границы» (эта ситуация заставляет вспомнить хрестоматийный вопрос А.С. Суворина из его дневника: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее?»...).

С 5 ноября 1910 г. рубрика была изменена на «Болезнь Л.Н. Толстого»²⁸⁵, а 7 ноября практически целая полоса вышла под «шапкой» «Лев Николаевич Толстой»: здесь был опубликован целый блок материалов, посвященный теме отъезда Толстого, его путешествии, реакции на это событие со стороны близких и родных, знакомых и т.д. Первый материал — письмо А.К. Чертковой профессору Томского технологического института В.Н. Джонс, которое было предоставлено «в распоряжение редакции «Сибирской

²⁸¹ Сибирская жизнь. 1910. № 242.

²⁸² Сибирские отголоски. 1910. № 73.

²⁸³ Сибирская жизнь. 1910. № 243.

²⁸⁴ Там же. № 243—245.

²⁸⁵ Там же. № 246, 247.

жизни»; это письмо одновременно дополняло известные сведения подробностями о том, что происходило после ухода Толстого, и показало читателям «прямую связь» Томска и Ясной Поляны.

Затем был помещен «Телеграфный бюллетень о здоровье Л.Н. Толстого», а после него — «Печать о Толстом», своеобразный «дайджест», который предварялся следующим высказыванием «Сибирской жизни»: «Отъезд великого старца из Ясной Поляны отразился в русском обществе величайшим движением, и полученная вчера столичная почта горячо, нервно и с воодушевлением обсуждает этот неожиданный шаг, больше лишь с фактической стороны. Мы не ошибемся, если скажем, что ни одно событие со времени 1905—6 годов не потрясло, не ошеломляло так русское общество, как то, о котором теперь идет речь»²⁸⁶. Завершали подборку материалов «Письмо Л.Н. Толстого» и «Отъезд Л.Н. Толстого» (восстановленная хроника происходящих событий из «Русских ведомостей»).

Газета «Сибирские отголоски» со 2 ноября стала выходить под названием «Сибирское слово» и с новой нумерацией номеров. В первых номерах «Сибирского слова»²⁸⁷ информация о Л.Н. Толстом публиковалась только в разделе «Известия за день», это короткие телеграфные сообщения, иногда под рубрикой «К отъезду Л.Н. Толстого»²⁸⁸. И так же, как в «Сибирской жизни», 7 ноября здесь была помещена подборка материалов под общим заголовком «Лев Николаевич Толстой (из газет)». В нее вошли такие материалы, как «Отъезд Л.Н. Толстого», «Граф Л.Н. Толстой в Оптиной пустыне», «Одно из последних писем Л.Н. Толстого» (опубликованное в том же виде и в «Сибирской жизни»), «Болезнь Л.Н. Толстого» (с подзаголовками «Консилиум», «Телеграмма митрополита Антония», «Дополнительный бюллетень»). Из этих материалов особенно любопытным является напечатанный отрывок из беседы Л.Н. Толстого с писателем К.Н. Леонтьевым, состоявшейся во время посещения Толстым Оптиной пустыни. «Леонтьев во время разговора “вспылил”»:

— Как это возможно, чтобы здесь в пустыне быть, где такой старец, как о. Амвросий, и говорить о своем Евангелии? Это можно разве в какой-нибудь глуши, в Томске, что ли!

²⁸⁶ Сибирская жизнь. 1910 № 248.

²⁸⁷ Сибирское слово. 1910. № 1—6.

²⁸⁸ Там же. № 1—3.

Толстого эти слова обидели.

— Что же? — резко ответил он ему, — у тебя много знакомых, пиши в Петербург, может быть, сошлют меня в Томск»²⁸⁹.

В этом диалоге обращает на себя внимание (кроме противостояния «официального» публициста, защитника реакции Леонтьева и «великого старца») также два момента. Во-первых, Томск, несмотря на работу в нем трех высших учебных заведений и «приближение» Сибири к Европейской России благодаря Транссибу, в сознании россиян по-прежнему оставался классической, хрестоматийной «глушью», куда можно разве что сослать. И второе — благодаря этому он ощущался территорией свободы, где можно основать новую веру, свое Евангелие.

Известие о смерти Л.Н. Толстого было получено в Томске 7 ноября. Местные газеты к этому времени уже вышли и не смогли написать о кончине великого писателя. Из-за производственного графика газета «Сибирская жизнь» не вышла и 8 ноября 1910 г., зато шанс оперативно откликнуться на печальное событие получило «Сибирское слово».

Первая полоса газеты в этот день выглядела необычно: она была поделена горизонтальной линией на две части. Вверху остались традиционные рекламные материалы, а нижняя часть была «отбита» словами «Лев Николаевич Толстой» в черной траурной рамке. В центре этой нижней части был помещен портрет Л.Н. Толстого. Вокруг него расположились материалы: «Телеграммы»: «Кончина Льва Николаевича Толстого», затем жирным шрифтом было набрано: «Толстой скончался в 6 час. 5 минут утра 7 ноября», после чего шли телеграммы о распоряжениях к похоронам, об экстренных выпусках газет и о других событиях, связанных с кончиной писателя. В центре полосы было помещено короткое авторское выступление под заголовком «Обнажите головы...» — эмоциональное обращение публициста к читателям, в котором рефреном повторялось: «Плачь, сердце», «Рыдай, безутешное!»:

*«Перед печальной вестью обнажите головы...
Умер Лев Николаевич Толстой.
Плачь, сердце!»*

²⁸⁹ Сибирское слово. 1910. № 6.

Порвалась божественная нить, связывающая людскую пыль в единое существо человека...

Рыдай, безутешное!..

*Умер великий печальник земли <...>*²⁹⁰.

Следующий материал «К смерти поборника правды» начинался воспоминанием о праздновании 28 августа 1908 г. 80-летия Толстого, которое превратилось «в целое политическое событие, в целую литературную эпоху, осветившую в широком объеме большую жизнь большого человека». Но теперь «литературное торжество превратилось в мировую скорбь»; автор характеризует Толстого как «одного из тех величайших людей, имя которого связано с историей мысли всех культурных народов, независимо от их национального развития, принципов жизни и миропонимания». Он сравнивает Толстого с Гюго, так как это личности, «бессмертие и слава которых связаны с величайшей популярностью среди самых глубоких народных низов, куда только может проникнуть свет печатного слова»²⁹¹.

Наконец, на первой же полосе был помещен материал «К биографии Л.Н. Толстого», который напоминал читателям вехи жизненного и творческого пути писателя.

Разговор о Толстом продолжался и на второй полосе газеты; здесь были использованы материалы столичной прессы — телеграммы о том, как была воспринята весть о смерти Толстого в России и за границей, письмо в редакцию «Русских ведомостей» В. Черткова, мнение П. Кропоткина о Толстом (из «Утра России»), заявление А.Л. Толстого «Новому времени», а также стихотворение «На смерть Толстого» Д. Гроздова.

В рубрике «Томская жизнь» можно было найти краткое описание того, как реагировали томичи на печальное известие 7 и 8 ноября:

«Соединенное заседание Императорского Русского технического общества и союза сибирских инженеров для заслушания доклада о перспективах хлебного экспорта из Сибири ввиду национального горя почтило память Л.Н. Толстого вставанием и по-

²⁹⁰ Сибирское слово. 1910. № 7.

²⁹¹ Там же. № 7.

становило закрыть заседание в знак траура. Собрание отложено на вторник в 7 час. вечера в горной аудитории.

Общественное собрание постановило не допускать в течение трех дней никаких увеселений и зрелищ в помещении собрания.

Детский вечер, назначенный в воскресенье, по случаю кончины Л.Н. Толстого не состоялся.

В технологическом институте происходила сходка по академическим вопросам. По получении известий о кончине Толстого академическую сходку постановили закрыть, память почтили вставанием и пропели вечную память. Семье Толстого решено послать телеграмму о соболезновании в знак траура и постановили в течение трех дней не производить никаких учебных занятий. Это постановление развешано по стенам коридора института.

На улицах: После выхода телеграмм, известивших о смерти Л.Н. Толстого, на улицах замечался особый подъем и оживление. Телеграммы раскупались нарасхват. Особенно интересно отметить, как к киоскам и продавцам газет подходили группы мужичков и спрашивали «что-нибудь поподробнее о смерти Л.Н. Толстого». Вечером на улицах, особенно около «иллюзионов», наблюдались усиленные наряды полиции.

В учебных заведениях.

Технологический институт. В понедельник, 8 ноября, занятий в институте нет. Комиссией студентов, выбранной на сходке, послана 7 ноября следующая телеграмма:

«Остапово. Владимиру Григорьевичу Черткову.

Глубокой болью в сердцах томских студентов-технологов отозвалась страшная весть о кончине учителя правды, царя духа, великого писателя земли русской!

Вечная память, вечная любовь Великому из Великих — Льву Толстому!».

Лекции профессорами не читаются. Возбужденные студенты группами собираются в вестибюле института, собираясь направиться к университету, чтобы совместно почтить память Л.Н. Толстого.

В университете. С утра в понедельник происходила сходка студентов-универсантов по поводу смерти Л.Н. Толстого. Студенты-технологи и посторонняя публика в университет не допускаются. Занятий не производится. Около института и университета дефилируют конные стражники. Настроение повышенное.

Высшие женские курсы. На высших женских курсах абсолютная пустота. Курсистки отправились для почтения памяти Л.Н. Толстого совместно с другими высшими учебными заведениями. Занятий нет.

Получены сведения о временном прекращении занятий в зубо-лечебной школе и других учебных заведениях.

Шествие. Вышедшие со сходки студенты университета были встречены огромным числом студентов-технологов, собравшихся к этому времени у здания университета. Перед портретом Л.Н. Толстого, украшенного живыми цветами, была пропета «Вечная память». Потом шествие направилось по Почтамтской улице к зданию института, где еще присоединилось много студентов. После исполнения «Вечной памяти» студенты громадной толпой направилась в город, но у входа в университетский двор были встречены полицмейстером с нарядом полиции, преградившим путь. После этого было решено разойтись»²⁹².

Обращает на себя внимание оперативность журналистов, которые дали материалы в номер буквально «с колес»; об этом говорит и местоположение этого материала — в заключение номера, когда набирались последние строки, и количество ошибок. Необходимо отметить также, что горе буквально объединило студентов Томска — они на протяжении первых дней все время стремились встретиться, чтобы вместе пережить горе, почтить память великого писателя.

Наконец, 9 ноября вышла и «Сибирская жизнь»²⁹³. Практически весь разворот газеты — 2-я и 3-я полосы — был посвящен «Памяти Л.Н. Толстого»; по краю страниц шла черная траурная рамка. Здесь были воссозданы события 7 ноября (подборка телеграмм Санкт-Петербургского телеграфного агентства), затем были опубликованы материалы двух томских профессоров: «Умер Толстой» И. Малиновского и «Памяти великого учителя» В. Джонса.

Малиновский делился с читателями своими чувствами, признаваясь: «Нет слов, достаточно сильных для выражения всей тяжести утраты, всей остроты боли по поводу ее. Но нельзя молчать. Нельзя не поделиться мыслями и чувствами, волнующими каждо-

²⁹² Сибирское слово. 1910. № 7.

²⁹³ Сибирская жизнь. 1910. № 249.

го члена великой семьи современного культурного человечества». Малиновский также подчеркивал всемирное значение творчества Толстого, его общечеловеческую значимость, называя «нашей совестью, совестью современного культурного человека». Со смертью писателя «навсегда замолк голос, будивший нашу совесть», он «навсегда ушел туда, откуда нет возврата, тот, каждому слову которого внимал весь мир»²⁹⁴.

В свою очередь профессор Джонс подчеркивает, что «каждый из нас испытал на себе то или иное влияние Льва Николаевича Толстого, одни как мыслителя, другие как моралиста и все как величайшего художника. Одни благоговели перед ним, другие соглашались, третьи спорили, четвертые яростно нападали на него, но лишь немногие клеветали на Льва Николаевича, считая его лицемером»²⁹⁵.

Свое выступление Джонс заканчивал словами: «пусть эти нескладные строки будут каплей благодарности того, кто так долго пользовался общением и духовной поддержкой отошедшего от нас гения, слова которого: “Берите как можно менее, давайте как можно больше, не забывая при этом любви” озарили жизнь»²⁹⁶.

Следующим материалом был поставлен биографический очерк «Жизнь и учение Л.Н. Толстого», подписанный «П. Юж-ин», затем аналитическая статья Ф. Борисенко «Величайший художник». Все это авторские материалы местных публицистов — в отличие от «Сибирских отголосков», где в основном использовались репечатки из столичных изданий. Но и здесь есть материалы из других газет, в первую очередь это письма — «Письмо Л.Н. Толстого» (из «Русского слова») и «Письмо Черткова» («из «Русских ведомостей»), а также подборка известий из-за границы: «Впечатления в Европе». Завершают комплекс материалов разделы «В томском студенчестве» (обзор событий в Томске 7 и 8 ноября) и «Вечерние телеграммы».

Таким образом, «Сибирская жизнь» в освещении событий, связанных с кончиной Л.Н. Толстого, сделала упор на аналитику, на авторские материалы сотрудников газеты, пользующихся извест-

²⁹⁴ Сибирская жизнь. 1910. № 249.

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ Там же.

ностью и уважением в томском обществе (профессоров Малиновского и Джонса), которые к тому же были лично знакомы или состояли в переписке с Л.Н. Толстым.

Необходимо отметить, что тема, которую можно условно назвать «Толстовские дни в России и в Томске», становится в «Сибирской жизни» ведущей практически до конца 1910 г. Сначала в номерах Толстому посвящаются целые полосы, здесь размещаются броские «шапки» «Похороны Л.Н. Толстого», «О Л.Н. Толстом», «Толстовские дни в Томске», которые позволяли читателям быстро найти интересующие их материалы. Затем Толстому посвящаются отдельные материалы, но появляются они из номера в номер достаточно регулярно. Той же политики придерживалось и «Сибирское слово»: материалы о Толстом здесь выделяются на полосах более крупными заголовками, нередко в рамках.

Также обе ежедневные томские газеты посвятили толстовской теме отдельные приложения: приложение к № 7 (9 ноября 1910) «Сибирского слова» и иллюстрированное приложение к № 251 (11 ноября 1910) «Сибирской жизни».

В приложении к «Сибирскому слову» были помещены материалы «Трагедия великой души» Вяч. Севастьянова, «Шамардинский монастырь» (перепечатка из столичной газеты), «Великий скиталец» (письмо из Петербурга, подписанное «Л. Чужой») и «Одно из последних писем Толстого». В них «красной нитью» проходит мысль о трагическом разладе убеждений Толстого и его образа жизни, о его стремлении к другой жизни, которую не разделяло его окружение.

Иллюстрированное приложение к «Сибирской жизни» включало три материала: «Страшно жить...» (подписано «Ф. Б-о»), «Л.Н. Толстой по воспоминаниям одного из знавших его» (Беседа с В.Н. Джонс) (автор — Вс. Крутовский) и «Толстой и японцы» (подписан «И.П.»).

Первый из них начинался с цитаты из журнала «Образование», который два года назад писал: «Есть великая и трогательная радость в сознании того, что здесь, в нашей безмерно огромной, но бедной, великой, но обиженной радостями стране — вместе с нами живет и мыслит этот великий дух, больше трех четвертей века бьется это чудесное сердце, откликающееся на всякое биение жизни... С Толстым радостно, без Толстого страшно жить...». И вот —

«момент наступил.. Великий дух уже не мыслит вместе с нами», и автор подтверждает — действительно, «без него страшно жить», потому что «нет более среди нас крупнейшего авторитета в самых мучительных вопросах, волнующих человеческую душу, не изречет он более своего приговора, доставлявшего неизмеримо высшее удовлетворение, чем все человеческие суды, взятые вместе».

Если первый материал носил характер размышления над феноменом буквально всемирного горя по кончине Толстого, то второй — это воспоминание о хорошо знакомом и дорогом человеке, каким предстает перед читателем великий писатель через призму восприятия его профессором Томского технологического института В.Н. Джонсом. Здесь рассказывалось о том, как В.Н. Джонс, тогда еще студент петербургского технологического института, в 1888 г. познакомился с Толстым в Ясной Поляне. Автор материала — Вс. Крутовский — приводил детали первой встречи Джонса с Толстым, говорил о «потрясающем» впечатлении, которое произвел Толстой, о «простоте и чарующей искренности» писателя. С того времени Джонс встречался с Толстым ежегодно, причем знакомство продолжилось и после перевода уже профессора Джонса в Томск в 1900 г. Автор материала описывал разные ситуации, в которых Толстой предстает как глубокий мыслитель и тонко чувствующий человек, передавал его мнение о событиях 1905 г., о народном образовании и т.д.

Наконец, материал «Толстой и японцы» был посвящен восприятию Толстого на Востоке японцами, которые «открыли» для себя писателя после Русско-японской войны, предпочтя его «модному» в то время молодому Горькому. Этот материал подчеркивает общечеловеческое значение таланта писателя, ведь в его произведениях речь идет «о царстве Божиим, о братстве людей и народов».

Многие материалы «Сибирской жизни» показывали, что публицистов потрясли последние слова Толстого о «миллионах несчастных, рассеянных по свету»; в освещении сюжета «Толстой и японцы» это слова называются «пророчеством».

Обращает на себя внимание подбор иллюстраций в приложении: здесь, кроме портрета Л.Н. Толстого, дается вид его рукописи (с много раз перечеркнутыми строчками, как бы показывающими, как писатель размышлял над каждым словом, искал то, которое бы точнее выразило его мысль), изображение дома, в котором родил-

ся Толстой, несколько копий с картин Репина — «Толстой за работой в Яснополянском кабинете», «Толстой косит», и фотография «Толстой в Ясной Поляне и дерево бедных». Изобразительный ряд подчеркивал основную мысль текстовых публикаций — его серьезность, увлеченность делом, близость к народу.

Из последующих номеров «Сибирской жизни» и «Сибирских отголосков» восстанавливается картина того, как Россия откликнулась на кончину великого писателя. «Сибирская жизнь» поместила информацию о почтении памяти Л.Н. Толстого Государственным Советом 10 ноября 1910 г., при этом в репортажном стиле подчеркивалось: «Ложа для публики переполнена. Правые скамьи пустуют». После того как председатель предлагает «почтить вставанием память великого писателя земли русской графа Льва Николаевича Толстого», «все встают, за исключением двух-трех человек крайней правой. Некоторые крестятся»²⁹⁷. О реакции Государственной Думы специально для «Сибирской жизни» писал член Гос. Думы П. Герасимов²⁹⁸, подчеркивая, что представители всех партий — за исключением буквально нескольких людей — понимали историческое значение момента, ведь «этого требовала честь, достоинство России, значение высшего государственного учреждения, звание народных представителей...».

В то же время «Сибирское слово» сочло необходимым опубликовать телеграмму о заседании Государственной Думы 8 ноября 1910 г., на котором было принято решение «в знак нашей глубокой печали прервать наши занятия на сегодняшний день», и дать подробную стенограмму речи противника чествования памяти Толстого Замысловского. Это давало читателям возможность узнать аргументацию «правых» — почему они возражали против почтения памяти великого русского писателя? Замысловский, например, считал, что «смерть мыслителей, художников, артистов и ученых, независимо от их значения и талантливости, не должна прерывать занятий Думы», поскольку заседания ее «необходимы стране» и «страной оплачиваются». Кроме того, он был против чествования памяти Толстого из-за его «отрицания» «Церкви, государства, семьи и собственности» и отлучения

²⁹⁷ Сибирская жизнь. 1910. № 252.

²⁹⁸ Там же. 1910. № 256, 259.

от Церкви: «чествование его здесь было бы вызовом, бросаемым Церкви»²⁹⁹.

Обе газеты писали о том, как в университетах России проходили студенческие сходки, как студенты пели «Вечную память» Толстому и выходили на улицы — и всюду вмешивалась полиция, которая разгоняла студентов и «восстанавливала порядок». Телеграммы передавали известия о том, как в городах России и за границей чтили память Толстого вставанием, отменяли спектакли и другие увеселительные мероприятия, принимали постановления об учреждениях библиотек его имени, помещали портреты в школах, учреждали новые училища. Из сообщений из-за рубежа становилось понятно, что во многих странах весть о смерти Толстого широко обсуждалась, здесь предлагалось создать «комитет для всемирного чествования памяти Толстого», выкупить Ясную Поляну и создать там музей и т.д. О масштабе происходящего давала представление информация о том, что «через Тулу, Засеку, Щекино и Ясенки за 7—10 ноября прошло около 25 тысяч телеграмм, так или иначе стоящих в связи со смертью Л.Н. Толстого»³⁰⁰.

Однако на страницах газет находилось место и известиям о том, что Синод запретил в средних духовных школах собраний, посвященных памяти Толстого; о том, что «по распоряжению администрации в Ялте сняты с окон книжных магазинов портрет и томы сочинений Толстого»³⁰¹, а Союз русского народа послал в Думу телеграмму, в которой обвиняет в «кощунстве и богохульстве» Гучкова, «сказавшего в Думе по поводу смерти Льва Толстого: “Господь Милосердный да откроет перед ним Царство Небесное”»³⁰². Это расслоение общества было очень характерным явлением после революции 1905—1907 гг., и оно ярко проявилось в эти «толстовские дни» в ноябре-декабре 1910 г.

Особый интерес в обществе вызывала позиция Св. Синода по отношению к кончине Толстого. И в «Сибирской жизни», и в «Сибирском слове» в номерах от 12 ноября вышли публикации, основанные на материале «Русского слова»: «Толстой и Св. Синод»³⁰³

²⁹⁹ Сибирское слово. 1910. № 8.

³⁰⁰ Сибирская жизнь. 1910. № 259.

³⁰¹ Там же. № 257.

³⁰² Там же.

³⁰³ Там же. № 252.

и «Синод и болезнь Л.Н. Толстого»³⁰⁴. Эти материалы практически не отличаются друг от друга; они повествуют о запросе П.А. Столыпина о том, «как полагает высшая церковная власть реагировать в случае роковой развязки, и какие имеются в духовном ведомстве сведения относительно посещения Толстым Оптиной пустыни», и об экстренном заседании Св. Синода. Однако если в «Сибирской жизни» материал заканчивается тем, что в результате заседания была отослана телеграмма Толстому за подписью митрополита Антония, то «Сибирское слово» добавляет: «Как нам сообщают, в высших кругах вопросу о болезни Л.Н. Толстого придавали весьма важное значение. В случае печального исхода болезни Л.Н. Толстого в высших кругах опасались того неловкого положения, в котором может очутиться Церковь ввиду отлучения Толстого и невозможности его похоронить по христианскому обряду»³⁰⁵. Таким образом публицисты, прямо этого не проговаривая, все-таки указывали на то, что Церковь в итоге оказалась в неловком положении, очевидном для всего русского (а не только высшего) общества.

К этому вопросу газеты возвращались неоднократно: в материале «Вопрос о графе Толстом в Св. Синоде»³⁰⁶, «По поводу кончины Л.Н. Толстого»³⁰⁷, «Св. Синод и Л.Н. Толстой»³⁰⁸ и др.

В этом смысле особое значение представлял сюжет с панихидами, служение которых по Л.Н. Толстому было официально запрещено. «Сибирская жизнь» приводила сведения из столичных газет о том, что «во время богослужений в столичных церквях обращало на себя особенное внимание громадное количество подававшихся записок о поминовении «раба Божия Льва», или «болярина Льва», или «Льва Николаевича», причем записки в редакции «Льва Николаевича не принимались во внимание». Однако некоторым почитателям Л.Н. Толстого удалось уговорить одного из священников, который 7 ноября отслужил панихиду по Льву Николаевичу Толстому. 8 ноября была отслужена торжественная панихида в Армяно-григорианской церкви на Невском проспекте, на которой

³⁰⁴ Сибирское слово. 1910. № 10.

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Сибирская жизнь. 1910. № 253.

³⁰⁷ Там же. № 255.

³⁰⁸ Сибирское слово. 1910. № 12.

присутствовало «все армянское общество, много учащейся молодежи, некоторые литераторы и представители профессуры», а после нее «двухтысячная толпа устроила шествие по Невскому», пока не была разогнана полицией³⁰⁹.

Таким образом, служение панихиды становилось не просто вопросом церковного обряда, но поступком гражданского и даже политического значения. Неудивительно, что служители церквей — особенно провинциальных — старались даже перестраховаться в этом отношении, о чем свидетельствовал анекдотичный случай под названием «Подозрительный Лев» («Сибирское слово», рубрика «По России»): «Небольшой, но чрезвычайно характерный эпизод произошел в Казани. В одну из местных церквей приходит скромный сапожник, крещеный татарин Х-в и подает в алтарь для поминовения записочку с именами усопших. Тут и Иван и Марья, и Данило, и Маланья. Но тут же и... Лев. В алтаре переполох.

— Лев... Лев... А позови-ка этого сапожника сюда.

Церковный сторож бежит за Х-вым и приводит его в алтарь.

— Ты за какого это Льва поминовение подаешь? Сапожник в некотором недоумении. — Да за знакомого одного покойника. Больно человек хороший был; дай ему Бог царство небесное. — Так... А звать-то его, небось, Николаевич? — Нет... Владимирович покойник был... Как отец его Владимир был, так он... — Нет, брат, не пройдет твое дело. Не будем поминать. Всех остальных помянем, а Льва этого самого... ты вот что: ступай-ка сначала в Крестовую церковь... если там помянут, тогда и мы помянем. А пока... иди с миром!»³¹⁰.

С другой стороны, по газетным сведениям, «народ ожидал от Синода снятия отлучения. Когда же стало известно, что отлучение не снято, народ тем не менее молится за Толстого и тайно служит по нем панихиду». Кроме того, оказалось, что «вначале крестьяне обвинили близких Толстого за то, что они не допустили его приблизиться к Церкви; тогда последние разъяснили, что Толстой сам не выражал желания примириться, так как он с Церковью никогда не ссорился»³¹¹. Эта тягостная для православного населения си-

³⁰⁹ Сибирская жизнь. 1910. № 255.

³¹⁰ Сибирское слово. 1910. № 48.

³¹¹ Сибирская жизнь. 1910. № 257.

туация в итоге привела к возникновению легенды о том, что «Лев Николаевич не умер, а только заснул сном великого праведника»: «Распространению этой легенды много способствовало выражение лица покойного, спокойное, озаренное лучезарным сиянием, и характерная складка у рта» (эти сведения «Сибирская жизнь» позаимствовала у газеты «Биржевые ведомости», которая в этот период становится одним из основных источников информации наряду с «Русскими ведомостями», «Русским словом» и «Речью»)³¹².

В газетах в этот период по публикациям в «Русском слове» и другим источникам воссоздавались последние дни Толстого, описывалось поведение семьи — жены, детей, сообщались сведения о «первом хождении Л. Толстого по монастырям» в начале 1880-х годов, приводились подробности его встречи с епископом Парфением³¹³. Из столичных газет перепечатывались отзывы о смерти Толстого известных писателей, общественных деятелей: так, из «Речи» было взято короткое выступление Короленко под названием «Умер», в материале «Отзывы о Л.Н. Толстом» приводились слова А.Ф. Кони, зарубежных общественных деятелей³¹⁴.

Также были опубликованы объемные материалы, посвященные похоронам Толстого³¹⁵ и ряд других.

Большое значение для томского читателя имели материалы «собственных корреспондентов», оказавшихся в это время в Европейской России.

В «Сибирском слове» в номере от 17 ноября 1910 г. был опубликован материал «Ясная Поляна, 9 ноября» с пометкой «от собственного корреспондента». Его автором был Михаил Котляров, житель Томска, которому удалось побывать на похоронах Толстого в Ясной Поляне. Журналист предупреждал своих читателей: «Когда появится эта статья, все, вероятно, по телеграммам агентств, а некоторые из текста московских газет узнают о подробностях похорон великого уважаемого старика <...> Мне хочется изложить здесь те мысли маленького человека и те переживания, которые имели место в моей, повторяю, маленькой душе перед гробом большого Льва». Он описывает ожидание поезда с гробом на стан-

³¹² Сибирская жизнь. 1910. № 257.

³¹³ Там же. № 253—254.

³¹⁴ Там же. № 255, 257.

³¹⁵ Сибирская жизнь. 1910. № 256, 258; Сибирское слово. 1910. № 14.

ции, подмечая такие детали, как «медленный осенний рассвет» и «широкие, желтеющие умирающей травой, долины и луга», «красные дубленые полушубки ясполянских крестьян и детей», наконец — «простой коричневый гроб»; затем идет рассказ о дороге до дома в Ясной Полине, и — кульминационный момент корреспонденции — автор материала заходит в комнату с гробом писателя: «На фоне черной подушки так просто, трогательно и скорбно и вместе — величественно покоится белое, с заострившимся носом лицо покойного, великого в простоте своей»³¹⁶.

После описания процедуры похорон автор акцентировал внимание читателя на отдельном эпизоде: «А в сторонке от других, уже в темноте осенней одинокой ночи, стоит крестьянин старичок и, отвернувшись от людей, безутешно рыдает, стараясь заглушить невольные скорбные звуки своего плача о мертвом добром и простом старом графе»³¹⁷. В этом последнем абзаце концентрируется основная мысль М. Котлярова о всеобщем, национальном трауре в связи со смертью Толстого, который разделяется не только представителями интеллигенции, образованной публики, но и простым народом.

Буквально следом до Томска дошел репортаж сотрудника «Сибирской жизни» г. Вяткина, который был опубликован в «Сибирской жизни» под названием «Толстовские дни в Москве»³¹⁸. Автор живо и подробно описывал поведение людей на московских улицах, собрание в университете, сцены на вокзале и свою неудачную попытку добраться до Ясной Поляны, особое экстренное заседание общества любителей российской словесности и завершает свой материал следующими словами: «Я передал в этой статье лишь наиболее ценные и содержательные моменты «толстовских дней» в Москве. Я был тронут тем, что видел и слышал всю эту любовь и скорбь сердца России, и, переполненный впечатлениями, спешу поделиться ими с вами, читатель»³¹⁹. Таким образом, читатель «Сибирской жизни» мог глазами Вяткина увидеть происходящее в Москве, убедиться в том, что чувства сибиряков, их горе и скорбь

³¹⁶ Сибирское слово. 1910. № 14.

³¹⁷ Там же.

³¹⁸ Сибирская жизнь. 1910. № 256.

³¹⁹ Там же.

по Толстому разделяли и столичные жители, которые так же плакали и не находили слов, как и все остальные.

Еще одна особенность подачи материала в это время — «тематические подборки» телеграмм, корреспонденций под общими названиями «Толстовские дни в Петербурге», «Толстовские дни в Москве», «Толстовские дни в России и за границей», «Отклики на смерть Л.Н. Толстого»³²⁰ и др., что позволяло создать общую информационную картину происходящих событий. В «Сибирском слове» эта информация группировалась под общей «шапкой» «Лев Николаевич Толстой» на протяжении пяти номеров³²¹, затем сведения о «толстовских днях» выделялись общим заголовком над двумя-тремя материалами (например, «Вести о Толстом», «Л.Н. Толстой и Сибирь», «Л.Н. Толстой и его дети» и т.д.).

«Сибирская жизнь», отличавшаяся своим просветительским характером и особым вниманием к книге и книжному делу вообще, нашла также место для перепечатки материала из газеты «Речь» под названием «Замечательное совпадение». Оно заключалось в том, что в «Круге чтения» — «любимейшей книге Л.Н. Толстого», в которой были помещены «им же самим избранные, собранные и расположенные на каждый день мысли многих писателей об истине, жизни и поведении» (при этом из телеграфных сообщений уже было известно, что «и на смертном одре, лишь только силы возвращались к умирающему, он тотчас просил присутствующих у постели его почитать ему «Круг чтения»), — на 7 ноября, «именно на этот день собраны мысли писателей о смерти»³²².

Печальные события послужили косвенной рекламой произведениям Толстого, что также было замечено «Сибирской жизнью»; 24 ноября она писала: «В магазине Макушина за последнее время усиленно продаются произведения Л.Н. Толстого, его брошюры; особенно в ходу “Круг чтения — изречения на каждый день”, собранные Львом Николаевичем»³²³. В этом же номере, в рубрике «Новости искусства и литературы», была приведена статистика, свидетельствующая о «колоссальном успехе сочинений Л.Н. Толстого»: произведения его (данные по 1900 г.) распространялись от

³²⁰ Сибирская жизнь. 1910. № 258, 259, 261.

³²¹ Сибирское слово. 1910. № 6—10.

³²² Сибирская жизнь. 1910. № 256.

³²³ Там же. № 262.

800 т. экз. («Новая азбука») до 250 т. («Кавказский пленник», «Хозяин и работник»), 140 т. экз. («Власть тьмы») и т.д.³²⁴

«Сибирская жизнь» обращала внимание читателей и на новые книги, поступившие в редакцию, среди которых были толстовские произведения — «Верьте себе» (5 к.), «Круг чтения, все выпуски в одном томе, в переплете» (3 р. 85 к.) и «Избранные Львом Толстым изречения Лао-тзе»³²⁵. Газета также отслеживала информацию о неизданных сочинениях Толстого³²⁶, а затем о новом издании сочинений Толстого, инициированном Литературным фондом³²⁷; это внимание к толстовской книге стало отличительной особенностью газеты в общем информационном поле, которое формировалось в Томске в конце 1910 г.

Из авторских материалов томских газет в этот период следует отметить публикации: «Л.Н. Толстой, как религиозный мыслитель» («И.К-а») ³²⁸, «Мысли вслух» (Г. Вяткин) ³²⁹, в которых местные авторы размышляли о позиции Толстого в отношении православия, о месте Толстого в русской литературе.

В «Сибирской жизни» и в «Сибирском слове» публиковались также поэтические выступления местных поэтов: «Мировой траур (Памяти Л.Н. Толстого)» (П. Шебеков) ³³⁰, «Толстому» (Н. Феоктистов) ³³¹, «На смерть Толстого» (Д. Гроздов) ³³², «На смерть Л.Н. Толстого» (рабочий М. Портнов) ³³³, «Памяти великого апостола любви и совести Льва Толстого (К 40 дню кончины)» (Н.В. Фотиева) ³³⁴.

В этих произведениях акцентировалась тема печали по ушедшему, Толстой характеризовался как «мудрец великий мира», «апостол равенства и братства, титан незыблемых идей», человек

³²⁴ Сибирская жизнь. 1910. № 262.

³²⁵ Там же. № 258.

³²⁶ Там же. № 262.

³²⁷ Там же. № 267.

³²⁸ Сибирское слово. 1910. № 7.

³²⁹ Сибирская жизнь. 1910. № 280.

³³⁰ Там же. № 253.

³³¹ Там же. № 287.

³³² Сибирское слово. 1910. № 7.

³³³ Там же. № 12.

³³⁴ Там же. № 39.

«с душою, полною великих откровений» и т.д. Стихотворения служили эмоциональными акцентами газетных полос, апеллировали к чувствам читателей, заставляя их сопереживать, эмоционально откликаться на печальное событие.

Совершенно новым явлением в «толстовские дни» стало увлечение кинематографическими картинками, посвященными событиям в Ясной Поляне и в Астапове. В «Сибирской жизни» на первой полосе с 18 ноября появилась реклама театра «Фурор», который приглашал зрителей на картину «Похороны Л.Н. Толстого», причем так описывал «отдельные моменты картины»:

«1. Ясная Поляна накануне похорон Льва Николаевича. 2. Любимый конь Льва Николаевича. 3. Любимые места Льва Николаевича. 4. Группа крестьян и студентов отправляется рыть могилу. 5. Готовая могила. 6. Портрет Льва Николаевича. 7. Прибытие тела в Ясную Поляну. 8. Перенесение тела к дому Льва Николаевича. 9. Около дома Льва Николаевича. 10. Вынос тела из дома. Коленопреклоненная толпа. 11. Перенесение тела к могиле. 12. Предание тела земле».

Вторым фильмом был «События в Астапове. Уход Льва Николаевича из Ясной Поляны».

«Сибирская жизнь» отмечала в томской хронике, что «кинематографы, демонстрирующие картины “Похороны Льва Толстого” и “События в Астапове”, переполнены настолько, что приходится ждать очереди несколько отделений»³³⁵. Информация из газеты «Речь» подтвердила, что это явление общероссийского масштаба:

«Московские театры почти пустыют. Удрученная смертью Л.Н. Толстого публика в театры не ходит. Зато переполнены все кинематографы. Толпы людей ждут очереди. Приходят смотреть картины последних дней пребывания Л.Н. Толстого в Астапове и картину похорон. Публика благоговейно смотрит картины. Когда на экране появляются другие картины, не имеющие отношения к Толстому, публика протестует»³³⁶.

³³⁵ Сибирская жизнь. 1910. № 260.

³³⁶ Там же. № 261.

В материале «Синематограф», анализируя репертуар местных кинотеатров, автор («И.П.») отмечал, что «в течение недели в “Фуроре” демонстрировались “Похороны Л.Н. Толстого”, на которых “притихшая публика, с обнаженными головами, с особым вниманием старалась навсегда запечатлеть даже мельчайшие подробности этой трогательной картины”»³³⁷.

В «Сибирском слове» также помещалась реклама фильмов о Толстом, но других кинотеатров — «Заря» и «Метеор». В «Заре» с 16 ноября дирекция обещала посетителям «сенсационную новинку» «Яснополянская трагедия»: «События в Остапове (отныне исторической местности)» и «Уход Льва Николаевича Толстого из Ясной Поляны»³³⁸. В свою очередь, «Метеор» сообщал, что 11, 12 и 13 декабря здесь будет демонстрироваться «следующая художественно-выполненная программа»:

«Власть тьмы, или “Козоток увяз — всей птичке пропасть”, драма Л.Н. Толстого, исполнена артистами Императорских театров.

80-летний юбилей Л.Н. Толстого (Толстой в кругу своей семьи).

*Остаповские события и похороны Л.Н. Толстого. Последняя картина, длиной 600 метров, приобретена у величайшей кинематографической фабрики Бр. Пате»*³³⁹.

Таким образом, в начале XX в. новый канал информации уже пользовался огромной популярностью среди населения, причем спросом пользовались не только художественные, но и художественно-документальные ленты, о чем свидетельствуют публикации в томских изданиях.

Кроме общероссийского уровня, в газетах также была подробно представлена хроника «Толстовских дней в Томске»: после описания первых дней после получения известия о смерти Толстого в разделе «Томская жизнь» публиковались информационные сообщения и отчеты о лекциях, посвященных Толстому, о музыкальном вечере, который был проведен 18 ноября, о народном спектакле «Власть тьмы» и народных чтениях (состоялись 21 ноября),

³³⁷ Сибирская жизнь. 1910. № 266.

³³⁸ Сибирское слово. 1910. № 14.

³³⁹ Там же. № 34.

о членском вечере, на котором обществом народных развлечений была поставлена также «Власть тьмы» (22 ноября), а 26 ноября в общественном собрании «соединенными просветительскими, учебными и художественными обществами» был устроен публичный вечер, посвященный памяти Л.Н. Толстого. 28 ноября правлением общества приказчиков для членов этого общества было устроено бесплатное литературное утро памяти Л.Н. Толстого, высоко оцененное «Сибирской жизнью». Были проявлены и другие общественные инициативы: например, при городском доме трудолюбия было решено учредить читальню имени Л.Н. Толстого, а в самом конце 1910 г. в архиерейском доме выступил профессор богословия Томского университета И.Я. Галахов с лекцией «Религиозное мировоззрение Л.Н. Толстого». Об этих событиях на страницах газет публиковались анонсы, своими впечатлениями делились участники разнообразных мероприятий.

Обе газеты достаточно много писали о лекциях В.А. Поссе, которые стали настоящим культурным событием для многих жителей Сибири (они были прочитаны в Омске, в Ново-Николаевске, Томске). Кроме сообщений о предстоящих лекциях, и «Сибирская жизнь», и «Сибирское слово» одновременно дали подробный отчет о лекции «Любовь в учении, в художественных произведениях и в жизни Л.Н. Толстого» (состоялась в Томске 5 декабря 1910 г.)³⁴⁰. Здесь можно отметить более развернутый и объемный материал «Сибирского слова» по сравнению с «Сибирской жизнью»; общим же стала констатация огромного общественного интереса к лекциям, на которых присутствовало большое количество публики.

И еще один уровень, присутствующий в газетах, — общесибирский: в рубрике «По Сибири» в газете публиковались корреспонденции и перепечатки из других сибирских газет, из которых читатель также мог узнать о том, как почтили память Л.Н. Толстого в соседних городах и поселках — и чем были осложнены эти чествования. Так, красноярский корреспондент жаловался, что «мы только удивляемся, читая газеты, как ярко и сильно Россия реагирует на смерть своего писателя и мыслителя. Здесь, в Красноярске, лига образования и общество попечения о начальном образовании послали телеграммы Черткову, и только. Кое-где на за-

³⁴⁰ Сибирская жизнь. 1910. № 273; Сибирское слово. 1910. № 31, 33.

седаниях почтили память вставанием»³⁴¹. В Туринске же, несмотря на то что «кончина Л.Н. Толстого произвела здесь ошеломляющее впечатление», но «реагировать на смерть великого мастера слова и великого протестанта против современных жизненных условий никто из обывателей не решился, — каждый “про себя”, келейно соболезновал», и только местные политические ссыльные послали телеграмму Черткову³⁴².

Зато в Омске, по сообщению «Сибирской жизни», редактор юмористического журнала «Сибирская строка» С.К. Воронков был арестован и подвергнут судебному преследованию за то, что поместил в своем журнале «рисунки к студенческим беспорядкам последних дней и рассказ Л.Н. Толстого “Два закона”»³⁴³.

Довольны тем, как почтили память Толстого, оказались жители Бийска: здесь, по сообщениям корреспондентов, «Дума постановила: учредить две стипендии его имени — одну в мужской, другую в женской гимназиях; переименовать Торговую улицу в улицу Л.Н. Толстого и назвать его именем одно из строящихся городских начальных училищ»³⁴⁴, и Новониколаевска, где «глубокое впечатление» произвело на присутствующих чествование Льва Николаевича, прошедшее в зале городской управы и в общественном собрании³⁴⁵. Корреспонденции из других сибирских городов подтверждали, что во всех, даже самых отдаленных уголках весть о смерти Льва Толстого разбудила общественную жизнь и заставила переживать — пусть даже «келейно» — читателей его произведений.

Восемнадцатого ноября в газете «Сибирское слово» был опубликован материал «Две смерти» — перепечатка из «Русских ведомостей», автор которого сравнивал похороны Пушкина в 1830-х годах, когда напуганное начальство приказало «без особых встреч и оказания каких-либо почестей» предать земле тело «опального мертвеца», и похороны Толстого в 1910 г. И оказалось, что, несмотря на внешние громадные перемены — «пало крепостное право», «выросли города в необъятные многоэтажные громады», «распро-

³⁴¹ Сибирская жизнь. 1910. № 266.

³⁴² Там же. № 267.

³⁴³ Там же.

³⁴⁴ Там же. № 280.

³⁴⁵ Там же. № 283.

стрилась грамотность даже по захудалым деревням», — в отношении «великих» российское начальство все так же стремится запретить чествование, «усеяв конными и пешими стражниками» все дороги и отдав распоряжение «об ограниченной отправке из Москвы дополнительных поездов»³⁴⁶. Характерно само сопоставление двух имен — Пушкина и Толстого, тем самым автор подчеркивает преимущество идей писателей, их равнозначность — в том числе и по тому страху, который они внушали российскому правительству. Несмотря на то что это не собственный авторский материал «Сибирского слова», имеет значение сам факт перепечатки именно этого материала, выбранного из общего массива информации: по-видимому, редакция вполне разделяла пафос публициста «Русских ведомостей» в отношении реакции правительства на смерть Толстого.

В рубрике «Русская жизнь» «Сибирского слова» публиковались также такие материалы, как «Рекорд распорядительности» — сообщение из «Голоса Москвы» о запрете воронежского полицмейстера исполнить на концерте «Крейцерову сонату» Бетховена как «безнравственного произведения»³⁴⁷; «Газетный голод» — по сообщениям ряда российских газет, во время печальных событий, связанных со смертью Л. Толстого, в это время наблюдался настоящий «газетный голод», газет не хватало даже «под носом у Москвы», в Туле, и в России «газетная бедность — прямо ужасающая»³⁴⁸; «Оригинальная агитация» — о том, как во время собрания городских уполномоченных города Богородска (Моск. губ.) присутствующий о. Голубев сорвал чествование памяти Толстого под предлогом того, что писатель «шел против фабрикантов и вообще людей богатых»³⁴⁹ и ряд других материалов.

Наконец, в середине декабря 1910 г. «Сибирское слово» откликнулось на такое явление в российском обществе, как рекламная спекуляция на именах великих писателей, авторским фельетоном «Ради великого имени» (подписано псевдонимом «Пересмешник»)³⁵⁰. В эпиграф его были вынесены слова: «Выпу-

³⁴⁶ Сибирское слово. 1910. № 15.

³⁴⁷ Там же. № 25.

³⁴⁸ Сибирское слово. 1910. № 18.

³⁴⁹ Там же. № 32.

³⁵⁰ Там же. № 38.

щены в продажу папиросы, посвященные памяти Л.Н. Толстого. Из газетных объявлений». Эта ситуация обыгрывалась в тексте как ряд диалогов автора с его приятелями, которые требовали «почтить память великого писателя земли русской» покупкой папирос имени Л.Н. Толстого, затем — коньяком, «недавно выпущенным в продажу в память нашего бесценного и дорогого писателя», пойти в цирк на бои, посвященные Толстому, купить револьвер и кинжал памяти писателя и т.д. В конце концов логика происходящего абсурда привела фельетониста к мысли ограбить прохожего «ради великого имени». Необходимо заметить, что современному читателю трудно понять, действительно ли существовали в 1910 г. кинжалы и револьверы имени Толстого или это комический прием, так как в тексте встречаются и реальные приметы бытового абсурда предреволюционной России — например, выпуск «похождения сыщиков» «небезызвестным издательством “Ясная Поляна”»³⁵¹.

В «толстовские дни» 1910 г., по замечанию «Сибирской жизни», только «Русское знамя» оставалось «непреклонным»: газета писала о том, что «своим же поруганием Христова учения и царской власти Толстой уронил себя и как сын православной церкви, и как сын России, и как писатель. Жиды, безбожники, иноверцы и иноземцы за это именно и чествуют его. Но непристойно подражать им всему государству» («Дубровинские понятия о непристойности...» — прокомментировала это высказывание «Сибирская жизнь»)³⁵². С «Русским знаменем» была солидарна «Земщина», и томская «Сибирская правда». В этой газете в ноябре-декабре 1910 г. было помещено несколько материалов, связанных со смертью Л.Н. Толстого. Поскольку «Сибирская правда» была изданием еженедельным, здесь в основном помещались не оперативные отклики на события, а их оценка.

Первый блок материалов был опубликован в номере от 20 ноября 1910 г. Позиция газеты здесь четко обозначилась в «письме в редакцию газеты “Сибирская правда” под названием “По поводу смерти Л.Н. Толстого” (подписано “Христианин”)³⁵³.

³⁵¹ Сибирское слово. 1910. № 38.

³⁵² Сибирская жизнь. 1910. № 257.

³⁵³ Сибирская правда. 1910. № 47.

Во-первых, это обвинение «левой печати» в том, что она «раздула до невероятных пределов смерть графа Л.Н. Толстого, т.е. возвела его естественную смерть до национального горя (?!)». Во-вторых, стремление умалить значение писателя под видом «объективного взгляда». Так, «Христианин» писал: «Что он, Толстой, был незаурядный талант — это бесспорно, но все же ничего нового не создал, ни в области философии, ни в религии, в которой заявил себя не только со стороны пошлого циника, но и невежественного профана»³⁵⁴. В-третьих, основной претензией к Толстому было, конечно, его отношение к Церкви. Он прославился, по мнению автора «Сибирской правды», «своим атеизмом, как модным в современной жидовско-освободительной печати», «всю свою жизнь и энергию направил к унижению не только православной церкви, но всех других христианских церквей».

Практически во всех материалах «Сибирской правды» шла полемика с местными томскими изданиями. В настоящем материале автор откликнулся на заметку «Обнажите головы...», помещенную в «местном уличном листке» «Сибирское слово», № 7. По этому поводу он разразился целым пассажем: «Конечно, хулиганье, а не порядочные люди, иначе позволительно спросить кликуш этой печати: обнажили ли ваши головы, когда умер молитвенник земли русской глубоко почитаемый протоиерей о. Иоанн Кронштадтский?» («когда на полях Маньчжурии истерзанный русский двухглавый орел истекал кровью», «когда гибли в Цусимском проливе русские броненосцы» и т.д.). В заключение этого материала автор прямо перешел к оскорблениям: «Ваш плач о смерти Толстого понятен: вы лишились в нем популярного безбожника, всю жизнь почти боровшегося с церковью Христовой. На земле он получил возмездие, зарытый вопреки вековых народных ритуалов всех стран, не чуждых даже его ценителям-жидам, как четвероногая тварь, и на небе, конечно, воздастся ему по заслугам»³⁵⁵.

Тон, заданный этим материалом, практически не менялся на протяжении всего времени «толстовских дней» 1910 г. Но поскольку смерть Толстого стала значимым событием русской общественной жизни, газета не могла его «замолчать», и в этом же

³⁵⁴ Сибирская правда. 1910. № 47.

³⁵⁵ Там же.

номере были помещены еще два материала: «сценка с натуры» «Толстой умер» Вс. Дементьева и анонимное выступление «Два момента в жизни Льва Николаевича Толстого».

Первый представляет собой описание того дня, когда в Томске было получено известие о смерти Толстого. Он был написан человеком, который не разделял чувства скорби по писателю и находил в происходящем даже какие-то комические моменты: «В воскресенье (7 ноября) вечером томичи узнали о смерти Л.Н. Толстого. Весть эта, как громом, ошеломила местных жидовствующих студентов, которые тотчас же избрали из себя особую “делегацию” и двинулись по улицам Томска закрывать кинематографы и другие увеселительные зрелища. Не знаю, чем бы вся эта комедия окончилась, если бы не подоспели чины полиции, при виде которых “товарищи” стремительно принуждены были перебежать от одного кинематографа к другому»³⁵⁶.

Основную часть материала занял рассказ о том, как студенты пытались отменить спектакль в обществе народных развлечений, но им это не удалось. Вс. Дементьев, как и многие «правые», также предпочитал не упоминать о литературных заслугах Толстого, считая, что «наконец умер не какой-либо государственный деятель или сановник, а умер выживший из ума 82-летний богоотступник», и не одобряя действий студентов.

Довольно странное впечатление производит материал «Два момента в жизни Льва Николаевича Толстого», поскольку здесь доказывалось, что в жизни Толстого огромную роль сыграло посланное дважды (в 1903 г. и 25 сентября 1910 г.) автором его письмо, где он наставлял писателя на путь истинный. Автор утверждал: «спустя несколько дней после его получения, Лев Николаевич удаляется от семьи, чтобы остаток дней провести в одиночестве вдали от окружающих его комедиантов», «он несомненно искал человека, который, как автор письма, сказал бы ему слово правды и утешения». В тексте курсивом выделена главная мысль: «Два эти момента двукратной посылки письма к Льву Николаевичу и связанные с этими моментами просветления в душе Льва Николаевича несколько известно единственные за этот период времени с 1903 года показывают, что Лев Николаевич был христиани-

³⁵⁶ Сибирская правда. 1910. № 47.

ном <...>³⁵⁷, только «окружающая его среда», по мнению автора, повинна в том, что не произошло воссоединения с Церковью.

Также здесь писатель характеризовался как «великий художник и доброй души человек» — «таким его понимал, таким его и рисовал себе всякий русский не идолопоклонник», который «болел сердцем за Льва Николаевича и надеялся, что в последние минуты жизни Лев Николаевич стряхнет с себя напускное неверие и примирится с собой, людьми и Богом», т.е. в тексте довольно легко прочитывается сожаление о том, что Толстой не такой «сусальный», каким он представляется автору.

В «Сибирской правде» было опубликовано также стихотворное произведение: «К памяти Л.Н. Толстого» с подзаголовком «Открытое письмо автору романа “Воскресение”» Н. Костенского³⁵⁸. В конце стихотворения были проставлены дата и место его написания — «октябрь 1899, г. Стародуб». Содержание его — полемика с Толстым по поводу описания суда над Катюшей Масловой в «Воскресении», автор доказывал, что в суде все происходит по-другому, и в целом «подделка здесь видна — видна натяжка, граф».

Через неделю «Сибирская правда» поместила материал «По поводу толстовских дней в Томске» (подписан «Мирянин»), в котором автор подчеркивал: «По случаю смерти Л.Н. Толстого Томск пережил знаменательные дни. В самом деле: шествие студентов с портретом писателя, трехдневное неученье, заседание городской Думы, университетского совета, телеграммы вдове от различных томских обществ, учреждений и т.д., вот чем Томск проявил свое отношение к событию»³⁵⁹. Однако автор не был согласен с определением, которое дают писателю томские газеты: «Толстой — совесть мира», и аргументирует свою точку зрения так: «Что такое это “совесть мира”? Как мог быть Толстой совестью мира, когда не только жители Патагонии, но и яснополянские крестьяне едва ли знали, чего требует эта “Совесть”? Ведь учение о непротивлении, о Боге, Христе, критика догматики и пр. — это такие вещи, которые доступны лишь горсти образованных людей, да и у них вызывает глубокие разногласия»³⁶⁰.

³⁵⁷ Сибирская правда. 1910. № 47.

³⁵⁸ Там же. № 47, 50.

³⁵⁹ Там же. № 48.

³⁶⁰ Там же.

И вновь здесь повторялась мысль о том, что «скончавшийся писатель при всей гениальности своей не дал ни цельного мирозерцания, ни цельного идеала жизни и тем более он не осуществил его»³⁶¹. При этом обращает на себя внимание относительно спокойный тон этого выступления, резко отличающийся от многих материалов «Сибирской правды».

Теме разделения России на два лагеря, которые четко обозначились в «толстовские дни», был посвящен материал «Красноотенное беснование»³⁶². Оценка прошедших событий здесь дана в определенной стилистике: «С одной стороны, гвалт и свист и критики и оглушительные вопли — это в лагере красных предателей родины нашей, оглушавшей воем своим русскую землю по случаю смерти врага Церкви, Государства и общества — Льва Толстого». Либеральная печать охарактеризована как «краснопогромные листки жидов и шаббесгоев», где «враги Христа и Церкви требовали, чтобы Церковь молилась за того, кто хулил и порицал ее, эту Церковь жида и русские вырожденки осмеливались ругать за то, что она отлучила от себя того, кто вздумал хулить ее грязью клеветы, поношений и кощунства»³⁶³ и т.д.

Этой «вакханалии» противопоставлялась «национальная, коренная, подлинная, русская Россия», настоящая «черная сотня», которая «с презрением и отвращением» наблюдала происходящее. Ее-то автор и призывал готовить «наши грозные боевые силы», «не выдавать Россию, Царя и Церковь». Таким образом, «толстовские дни» в тексте стали «лакмусовой бумажкой», которая позволяла отличить «красную сотню» от «черной сотни», а Толстой однозначно оценивался только в негативном свете.

Однако в этом же номере, в материале «По поводу трагедии в Остаповском домике» (подписан «Ив. Крестич») была представлена точка зрения на «две жизни Толстого»: первая — «жизнь даровитейшего писателя и мыслителя, вознесла его на пьедестал величия, почета и всемирной известности, он стал популярным не только в своем отечестве, но и во всем мире; его имя произносят не только ученые и литераторы, но и простые, в серых зипунах, граж-

³⁶¹ Сибирская правда. 1910. № 48.

³⁶² Там же. № 49.

³⁶³ Там же.

дане». Вторая же жизнь Толстого характеризовалась Ив. Крестичем как «жизнь запродавшего душу еретика, безбожного хулителя Церкви и ее представителей», которая «низвергла в глазах всего истинно верующего человечества в самую зловонную грязь, в тину позора, унижения и беславия»³⁶⁴.

После этого, «анализируя всю так хорошо начавшуюся и так позорно кончившуюся жизнь Л.Н. Толстого», автор признавался, что ему «вчуже становится до боли обидно за покойного маститого старца». И он задается вопросом: «кто довел до всего этого гиганта-мыслителя? Кто был помехою ему покаяться перед смертью и вернуться в лоно Церкви?» Ответ для автора «Сибирской правды» был очевиден: это «иудейские клеветы, жадно охранявшие свою добычу», и главным образом — «гг. Чертковы и К^о». Толстой здесь также представал как человек, который поддался чужому влиянию, в глубине души же он вернулся к Церкви, в его сердце «пробудился» «духовный голос»³⁶⁵. Основная мысль автора — это сожаление о том, что Толстой не примирился с Церковью.

Эту же позицию заняла в конце 1910 г. газета «Томские епархиальные ведомости», которая откликнулась на смерть Л.Н. Толстого единственной публикацией «Мысли православного по поводу смерти Л.Н. Толстого» (подписано: «Православный»)³⁶⁶. Автор характеризовал произошедшее как «ужасную трагедию», которая заключалась, по его мнению, прежде всего в том, что граф Толстой «умер... но не почил, как почивают праведники о Господе». «Православный» описывал картину борьбы души и духа Толстого, как она представлялась ему: «Предчувствие смерти пробудило в душе графа ужасное бореие духа. Душа по природе христианка, душа, некогда крестившаяся по Христа и облекшаяся в Него, рвалась к Христу, как дитя к любящей матери, а мятежный дух, охваченный гордостью и самомнением, оковал ее как цепями». И «бегство» Толстого, по мнению автора, было именно из-за того, что он был «не в силах вынести этого бореия духа». В итоге же он умер, «не имея мира в самом себе, — умер, порвав общение с св. Церковью,

³⁶⁴ Сибирская правда. 1910. № 49.

³⁶⁵ Там же.

³⁶⁶ Томские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. II. Отдел общецерковный. 1910. № 22.

порвав духовное и даже плотское общение с своими предками — чадами церкви Христовой»³⁶⁷.

Автор пришел к выводу, что смерть Толстого потому вызвала не чувство печали, как обычно бывает у близких умершему людей, а чувство жалости и сострадания», которое «испытывают не одни его поклонники, но и многие из тех, которые были глубоко оскорблены его богохульными писаниями в самых святейших его чувствах». В целом же смерть Толстого, по мнению «Православного», — это «назидательный урок для тех, которые не дорожат верою — этим драгоценнейшим даром Божиим»³⁶⁸.

Обращает на себя внимание, что эта публикация была дана в газете как частное мнение, но не официальная позиция Церкви.

Официальная же газета Томской губернии — «Томские губернские ведомости» в этом вопросе проявила максимум изобретательности. Она не могла обойти молчанием факт смерти великого писателя, но любые выступления могли бы быть по-разному интерпретированы ее читателями, в то время как даже в официальных кругах о кончине Толстого не было единого мнения. И газета вышла из положения следующим образом: она начала публиковать материал «Граф Лев Николаевич Толстой» — перепечатанный из официальной газеты российского государства «Правительственный вестник», № 242³⁶⁹.

В этом материале после краткого информационного сообщения: «На станции Астапово 7 ноября, в 6 часов 5 минут утра скончался великий русский писатель Лев Толстой», — была дана биография писателя, с преимущественным вниманием к его литературному творчеству. Автор материала дошел до написания «Войны и мира» и «Анны Карениной» и по поводу последнего произведения высказал такую точку зрения: «Этим произведением, занимающим также одно из первых мест не только в нашей родной литературе, но и в литературе мировой <...> вообще заканчивается период художественного творчества Л.Н. Толстого, вступившего затем на иной путь, убивший в нем великого художника и в результате приведший его к скорбной трагедии на станции Аста-

³⁶⁷ Томские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. II. Отдел общецерковный. 1910. № 22.

³⁶⁸ Там же.

³⁶⁹ Томские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1910. № 85—86.

пово». Автор добавлял, что сам Толстой считал этот период как раз временем «духовного рождения». На этом статья оборвалась, и, несмотря на фразу «окончание следует», больше не возобновилась. В итоге «Томские губернские ведомости», с одной стороны, признали литературные заслуги Толстого, с другой же — сумели обойти «скользкие места» биографии писателя, при этом выразив только официальную точку зрения и ни слова не добавив от себя.

Таким образом, «толстовская тема» в томской периодической печати на протяжении 1910 г. была представлена несколькими блоками, следующими друг за другом и связанными с происходящими событиями. Первый блок — с января до ухода Толстого из Ясной Поляны в конце октября 1910 г.: в это время имя Толстого упоминается в связи с его литературным творчеством, отслеживаются его высказывания по поводу животрепещущих проблем русской жизни, и особенно о смертной казни; много места на страницах томских газет занимают письма Толстого, описания его встреч с разными людьми. Мнение Толстого нередко используется как главный аргумент в доказательстве правоты авторов.

С октября по 7 ноября газеты отслеживали известия о передвижениях Толстого — главным образом на основании телеграмм и известий из столичных газет; есть попытки местных авторов осмыслить причины ухода Толстого из Ясной Поляны.

С того времени, когда в Томске было получено известие о смерти Толстого (вечером 7 ноября), и до конца ноября «толстовская тема» стала главной в информационной картине дня. В газетах этой теме посвящались целые полосы, выходили иллюстрированные приложения. Для того чтобы провинциальный читатель был в курсе событий, газеты перепечатывали большое количество материалов из столичной прессы, таким образом давая своим читателям возможность в одном издании получить всю интересующую его информацию. Кроме того, постоянно отслеживалась реакция томского общества на это известие, и по возможности были задействованы местные авторы — в осмыслении значения Толстого в общественной жизни и в литературе, а также как «собственные корреспонденты» — участники столичных событий.

В конце ноября в редакции начали поступать сообщения из разных городов Сибири, и на страницах газет выстраивается картина сибирского отклика на это событие: в одних городах местное обще-

ство находит возможность организовать для чествования писателя, в других же зачатки общественной жизни еще очень слабы, и только отдельные люди «келейно» чтят память Л.Н. Толстого.

В декабре стало заметно количественное снижение материалов о Толстом и изменение их общего содержания — теперь это дополнение уже имеющейся информации и попытки осмысления произошедшего. Издания начинают анализировать поведение людей во время «толстовских дней», что приводит к появлению фельетонов, перепечаткам из российских газет отдельных материалов, показывающих неоднозначность восприятия «толстовской темы» разными людьми (в основном властями и представителями Церкви).

«Толстовская тема» позволяет оценить и вклад томской прессы в освещение события общероссийского масштаба. Две ежедневные газеты Томска — «Сибирская и жизнь» и «Сибирское слово» — были главными «поставщиками» интересующей информации, и между ними был замечен момент конкуренции: какая газета раньше выйдет, кто раньше напишет о Толстом, найдет эксклюзивную информацию. В этом отношении необходимо заметить, что традиционно исследователи обращаются к «Сибирской жизни» как основному источнику информации о жизни Томска и Сибири конца XIX — начала XX в. Однако изучение «Сибирского слова» показывает, что это издание также очень удачно использовало все возможности для освещения событий, связанных со смертью Л.Н. Толстого в 1910 г., не уступая «Сибирской жизни» ни в оперативности, ни в широте охвата событий, а в ряду случаев даже превосходя ее.

Если в подходе «Сибирской жизни» был замечен некоторый «академический подход», обусловленный сотрудничеством в ней профессоров Императорского Томского университета и Томского технологического института — стремление к объективности, разнообразию информации, просветительский подход, — то газета «Сибирское слово», безусловно, издавалась в социал-демократическом духе, отсюда ее публицистичность, упор на демократического читателя, внимание к восприятию Толстого в рабочей среде и среди студенчества.

Важным моментом является присутствие на томском рынке прессы газеты совершенно иного порядка — черносотенной «Сибирской правды», которая позволяет оценить отношение «правой

прессе» к Толстому. Агрессия, нетерпимость и прямые оскорбления в адрес писателя, стремление «разделить» Толстого на «великого писателя» и «кощунника» — таковы характерные черты «Сибирской правды» и всей черносотенной прессы этого периода.

Наконец, публикации в официальных органах периодики — «Томских губернских ведомостях» и «Томских епархиальных ведомостях» — показывают, что на уровне высшей светской и церковной власти в России также существовало представление о «двух Толстых», и если Толстого-писателя правительство признавало, то его «вторую ипостась» как мыслителя и общественного деятеля либо игнорировало, либо однозначно осуждало.

Для сибирского читателя публикация материалов о Толстом имела огромное значение. С одной стороны, благодаря томской периодике осуществлялась своеобразная «пропаганда» толстовского творчества — о ее эффективности можно судить, например, по ситуации с заметно возросшей популярностью книги «Круг чтения», которую Толстой читал перед смертью. С другой — Толстой становился фактором общественной жизни, объединяющим началом в жизни томского образованного общества, и прежде всего студенчества — не зря они так стремились встретиться после известия о смерти Толстого, чтобы пережить вместе этот самый тяжелый момент.

Нельзя не отметить и воспитательное значение материалов о Толстом: его размышления о жизни и о смерти, о народе, о семье, о любви будили мысль читателя, заставляли сопоставлять собственные представления с мыслями великого писателя.

В целом томская периодическая печать в 1910 г. представила разные точки зрения русского общества в связи со смертью Л.Н. Толстого, но в большей части способствовала формированию представления о нем как о великом русском писателе, мыслителе, философе, общественном деятеле.

«БЫЛ СЫНОМ СВОЕГО ВЕКА»: А.П. ЧЕХОВ

Одним из самых любимых писателей для сибиряков в начале XX в. был, несомненно, А.П. Чехов. Его ощущали «своим», поскольку Чехов проехал насквозь всю Сибирь во время своего зна-

менитого путешествия на Сахалин. Смерть А.П. Чехова в 1904 г. обсуждалась практически всеми сибирскими изданиями, и это несмотря на то, что главной темой 1904 г. во всей русской и сибирской прессе являлась, естественно, русско-японская война. Она буквально вытеснила все остальные вопросы, и поэтому о многих событиях, особенно литературной жизни (смерть Михайловского, юбилей Грибоедова, творчество Горького и др.), пресса вынуждена была говорить очень лаконично.

В начале 1904 г. имя Чехова трижды появлялось на страницах «Сибирского вестника» — в январе, апреле и мае. Первый материал «Заметки читателя» (автор Д. Ивин) был опубликован под рубрикой «Фельетон “Сибирского вестника”»: здесь анализировался рассказ А.П. Чехова «Невеста», опубликованный в «Журнале для всех» в декабрьском номере 1903 г.³⁷⁰

Материал Д. Ивина начинался с описания «фабулы рассказа Чехова», что было особенно важно для провинциального читателя, не имевшего возможности самостоятельно познакомиться с текстом рассказа: «Надя Шумина считается невестой Андрея Андрейча. “Свадьба была назначена на седьмое июля”, но Надя, отчасти под влиянием ее родственника Саши, отчасти благодаря какому-то внутреннему перелому, совершившемуся в душе Нади независимо от Саши, — бросает жениха и родительский дом и уезжает в Петербург на курсы». Д. Ивин замечает, что «более избитую, шаблонную “выдумку” трудно себе представить», и десятки рассказов на эту тему уже написаны, и «все они бледны, скучны и ничтожны». Однако благодаря «колоссальному и своеобразному таланту Чехова», рассказ «Невеста» наполняется «сложным и глубоким содержанием»³⁷¹. Это определение — «колоссальный» — повторяется в материале несколько раз, свидетельствуя о глубоком почтении, которое питал автор материала к замечательному русскому писателю.

Особенностью публикации «Сибирского вестника» является не только пересказ, но и обильное цитирование чеховского произведения, способствующее знакомству сибирского читателя с оригинальным текстом рассказа «Невеста». При этом Ивин обращал

³⁷⁰ Сибирский вестник. 1904. № 18.

³⁷¹ Там же.

внимание на такой «характерный чеховский прием», как «трактование окружающей среды с точки зрения выступающего (на данный момент рассказа) на первый план героя», дает следующую характеристику чеховского метода: «Чехов пишет свои картины красками чувствований, хотений, красками настроений, вызванных не рассуждениями, а обстановкой, средой, совокупностью данных условий, — настроений бессознательных, но глубоких и сильных»³⁷².

Публицист «Сибирского вестника» особо подчеркивал момент собственно процесса душевного перелома, происходящего в душе Нади: он «нарисован тончайшими штрихами безотчетной грусти, необъяснимых желаний, непонятной для самого субъекта неудовлетворенности». В этом способе изображения «заключается одна из самых важных особенностей колоссального таланта Чехова», отмечал Д. Ивин.

После подробной и детальной характеристики Саши и Нади, с приведением цитат, Ивин пришел к выводу о том, что «Чехов в своих рассказах дает картину страшной сложности, загадочной запутанности, душевной тесноты жизни. Его любимые героини тоскуют о “новой, ясной и просторной” жизни, они мечтают о ней, но никто из них не знает, как ее сотворить, как добиться ее, и не мог бы доказать, что она неизбежно наступит... И это глубоко трагично»³⁷³.

Материал автора «Сибирского вестника» достаточно объемный, он занимал весь «подвал» второй полосы газеты. Это дает основание говорить об особом внимании «Сибирского вестника» к творчеству Чехова, о том, что газета считала необходимым предоставить сибирскому читателю информацию о новых произведениях автора и проанализировать их, выделить основные методы и особенности таланта писателя.

Второй материал был посвящен Чехову-драматургу: в нем речь шла о постановке пьесы «Дядя Ваня» (рубрика «Театр и музыка»)³⁷⁴. Информационным поводом для этого материала явилось следующее событие: «29 марта в бесплатной библиотеке кружком любителей представлена была известная пьеса Ант. Пав. Чехова “Дядя Ваня”». Однако театральный рецензент «Си-

³⁷² Сибирский вестник. 1904. № 18.

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ Там же. № 70.

бирского вестника» отмечал: «Общее впечатление от спектакля не из приятных», и разбирал игру актеров, характеризуя качество исполнения к терминам «крайне деланно», «довольно верно, но бледно», «совсем обесцветила чудную роль Сони» и т.д. В итоге он пришел к выводу о том, что «пьеса не провалилась благодаря лишь г. Осипову, с успехом воссоздавшему яркий образ “бедного-бедного Дяди Вани”...»³⁷⁵.

Отдельно рецензент оценивал обстановку, которая «была на этот раз не только безукоризненной, но и очень удачной: и птицы в саду пели, и сверчок за печкой трещал, и дождь шумел...». Но зато «антракты длились по 30—40 минут», и это также испортило впечатление от постановки. Последняя фраза материала: «Публики было много», — показывает интерес провинциального зрителя к чеховским пьесам, пусть даже и в любительском исполнении.

В третий раз имя Чехова появилось в перепечатке из газеты «Русь» (рубрика «Среди газет и журналов»)³⁷⁶. В материале приводилось содержание «интересной беседы» сотрудника столичной газеты с директором московского Художественного театра Вл.И. Немировичем-Данченко: здесь была дана информация о новой пьесе Горького «Дачники», о новинках театра, запланированных на новый сезон, и т.д.; также журналист задал вопрос:

«— Вероятно, и А.П. Чехов готовит нам пьесу?

— Нет, на будущий сезон мы не рассчитываем. А.П., действительно, задумал новую пьесу, кой-что набросал, но может пройти еще 2—3 года, пока он ее закончит»³⁷⁷.

Таким образом несомненно, что «Сибирский вестник» постоянно «держал в поле зрения» Чехова и с большим вниманием относился к его творчеству.

Из-за Русско-японской войны телеграммы появлялись на страницах сибирских газет с опозданием на 1—3 дня (ввиду цензурного досмотра), поэтому телеграмма от 3 июля, в которой сообщалось о смерти Чехова, была опубликована только в № 143

³⁷⁵ Сибирский вестник. 1904. № 70.

³⁷⁶ Там же. № 94.

³⁷⁷ Там же.

от 4 июля 1910 г. В подборке телеграмм первыми шли новости о военных событиях, правительственные новости, а на второй полосе в черной траурной рамке была выделена информация: «Петербург. В ночь на 2 июля в три часа скончался от паралича сердца на руках жены известный писатель Антон Чехов в Германии — в Баденвейлере»³⁷⁸.

В следующем номере было опубликовано краткое сообщение от 4 июля из Ялты: «Сегодня в деревне Верхней Алтке в приходе Чехова отслужена панихида о безвременно скончавшемся писателе», а также обширный некролог «А.П. Чехов» (без подписи)³⁷⁹.

В этом важном материале одного из сотрудников «Сибирского вестника» была предпринята попытка осмысления особенностей творчества Чехова, и она проведена на достаточно высоком уровне. Начинался некролог с сообщения о том, что «наша литература понесла еще одну тяжелую утрату»: в возрасте 44 лет, «когда обыкновенно духовные силы человека бывают еще в полном развитии и расцвете», скончался Антон Павлович Чехов. После этого автор перешел к характеристике «дарования писателя». Он называл его «редким», «чутким и сильным, увлекавшим и властно покорявшим себе читателя», хотя и «не разносторонним». Это дарование позволяло Чехову «с удивительной изобразительной силой и отчетливостью воспроизвести самые разнообразные явления окружающей действительности», «приковывать к ним внимание читателя, заставляя его мучительно переживать рисуемую художником чужую жизнь, чужие страдания и муки»³⁸⁰.

Из особенностей творческой манеры Чехова журналист в первую очередь указал на выбор материала для его произведений: это «не исключительные положения, уже в силу своей исключительности редкие и потому обращающие на себя общее внимание, а самые обыденные, серенькие явления жизни, мимо которых ежедневно проходишь, не замечая их, не задерживаясь на них вниманием». Чехов же «умел показать их с такой стороны, в таком освещении, что читатель не только начинал пристально вглядываться в них, но и терял свое спокойное отношение, мучительно терзаемый

³⁷⁸ Сибирский вестник. 1904. № 143.

³⁷⁹ Там же. № 144.

³⁸⁰ Там же.

зрелищем беспросветной простоты жизни, тупости и жестокости ненужных мелочей, опутывающих жизнь человека, низводя его самого на степень полускотского существования». Именно «мелочи жизни» «нашли в Чехове своего художника, равного которому в новейшей русской литературе нет»³⁸¹.

В некрологе несколько раз повторялась мысль о том, что произведения Чехова — это «картины», написанные «с исключительной силой и жизненной правдой», но эти картины не освещаются «ни единым лучом звезды», «ни в одной своей части» не оживлены «порывом, подвигом», не согреты «хотя бы слабым проявлением деятельной любви, борьбы и страсти». Чеховские «картины» поражают, с одной стороны, своей реальностью и правдивостью, а с другой — «своей мертвенностью, отсутствием живых красок», в них «нет места проявлению жизни во всем ее разнообразии, могуществе и красоте». В этом-то, по мнению автора некролога, «и сила и слабость Чехова», это причина, «почему он, при всей огромности художественного дарования, при всей теплой симпатии, которую он вызывал к себе в широких слоях русского общества, никогда не был тем, что у нас принято называть “властителем дум”». Положение Чехова в современной литературе характеризовалось так: «Чехова читали, любили и... только. За ним не шли потому, что идти некуда было; им не воспламенялись сердца юношей-читателей, потому что он сам лишен был пламени жизни; его имя не заставляло ничье сердце трепетать надеждой на грядущее царство правды и любви, потому что он не имел ее сам...»³⁸².

Пытаясь найти ответ на вопрос — «в чем разгадка» чеховской «безысходной тоски и печали», журналист пришел к выводу: «Чехов, к несчастью русской литературы, *был сыном своего века* [курсив «Сибирского вестника»], — он “плоть от плоти его и кость от кости его”... В этом и только в этом все объяснение мучительной загадки чеховского дарования»³⁸³.

Автор материала объяснял особенность чеховского творчества с социологической точки зрения: он был «создан безвременьем 80-х годов», на нем отразилось «тлетворное, губящее все живое

³⁸¹ Сибирский вестник. 1904. № 144.

³⁸² Там же.

³⁸³ Там же.

дыхание безвременья, каким были 80-е годы», это безвременье заразило Чехова «своим безверием и пассивностью». Положительный же момент, по мнению журналиста, заключался в том, что в настоящее время «лучи солнца все ярче и ярче освещают картину жизни во всем ее многообразии», а самое главное — «меняется и читатель и черпает в чеховском изображении действительности уже не тоску и безысходную печаль, а элементы для активного отношения к окружающему, пробивающиеся лучи солнца уже обрисовывают для него точки опоры. Теперь чтение Чехова вызывает уже на активную работу и мысль и чувство»³⁸⁴.

Наконец, автор некролога передавал некоторые биографические сведения о рождении Чехова, о его образовании и подчеркивал, что в литературе «ему принадлежит одно из первых мест»³⁸⁵.

В следующем номере «Сибирский вестник» обратился к своим читателям в рубрике «Местная хроника» (материал «Памяти А.П. Чехова»³⁸⁶) с пожеланием «видеть у томской интеллигенции более реальное выражение сочувствия» утрате. Так, по мнению газеты, местное Драматическое общество могло бы поставить в память Чехова спектакль: «Как было бы теперь у места познакомить томскую публику с “Вишневым садом” — этой лебединой песнью безвременно погибшего таланта!». А Томское общество попечения о начальном образовании могло бы, в свою очередь, «устроить народное литературно-вокальное Чеховское утро: прочесть биографию писателя, некоторые из его рассказов и т.д. Сбор со спектакля и утра мог бы быть переслан в распоряжение Литературного фонда»³⁸⁷. Заметно, что газета не была довольна реакцией томской интеллигенции, ее бездействием «в эти дни, когда вся интеллигентная Россия переживает тяжелое чувство незаменяемой утраты, навеянное неожиданным известием о смерти А.П. Чехова»³⁸⁸.

В этом же номере был опубликован материал М. Боголепова «Мысли вслух. На свежей могиле». Боголепов, профессор Императорского Томского университета, в начале публикации говорил о том, что талант Чехова признан как в России, так и за границей,

³⁸⁴ Сибирский вестник. 1904. № 144.

³⁸⁵ Там же.

³⁸⁶ Там же. № 145.

³⁸⁷ Там же.

³⁸⁸ Там же.

«его знала и любила большая, читающая публика», «его талант был общепризнанным явлением в современной литературе», а «в лучших иностранных журналах часто можно было встретить переводы его рассказов». При этом он делал акцент на том, что «Чехова не только знали, читали, но и любили», «в отдельных лицах умерший писатель вызывал преклонение перед своею светлою личностью»³⁸⁹.

Общая характеристика чеховскому творчеству давалась следующая:

«Оригинальное и сильное дарование скончавшегося писателя было направлено на освещение русских будничных дней. Русские будни отразились в чеховских томиках не только как в верном зеркале, но и в правильном освещении». Боголепов подчеркивает, что все произведения Чехова написаны с таким «удивительно выдержанным “настроением”, выдержанным “тоном”, что недавний его рассказ “Невеста”, написанный красками немного более светлыми, чем те, которые имелись на обычной чеховской палитре, вызвал в журналистах сильное движение»³⁹⁰.

То есть можно сделать вывод, что рецензия на этот рассказ в «Сибирском вестнике» появилась отнюдь не случайно, газета отреагировала на изменение чеховского «тона» одновременно со всей русской печатью, журналисты которой «заговорили было о перемене чеховского мировоззрения». Однако, по мнению автора «Сибирского вестника», объяснение этой перемене в том, что «на самом деле писатель затронул такую сферу явлений, которую до сих пор он обходил в своей работе...». Отдельную характеристику Боголепов давал «русской будничной жизни», которая и была «царством чеховского творчества». В этой жизни «рисуете человек, как он есть, в ней нет героев, кричащих фраз, напряженных чувств и страстей. Царство Чехова — это всероссийская обломовщина в последней фазе своего развития»³⁹¹.

Автор «Сибирского вестника» задавался вопросом: «Кто же толпится на талантливых страницах чеховских произведений, кого

³⁸⁹ Сибирский вестник. 1904. № 145.

³⁹⁰ Там же.

³⁹¹ Там же.

встречает на них читатель?» — и отвечал на него: «Толпа и только она одна, и только внимательное наблюдение показывает, что в этой толпе плечо и плечо стоят обыкновенные люди». Заслуга Чехова в том, что его «сильный талант» «осветил эту толпу, показал, что она состоит не из глупых голов, а из исковерканных, поломанных жизней», «при свете этого таланта мы все увидели, что под черепом каждого обыкновенного человека, человека толпы, рождаются тревожные мысли, в груди каждого бьется сердце, способное к самым разнообразным ощущениям и чувствам»³⁹².

Героям Чехова — «то есть действующим лицам его рассказов и пьес», — «не хорошо, не по себе, все недовольны тем, что они есть». И Боголепов вспоминал Горького, его знаменитое «Человек!.. Это звучит гордо...», говоря о тех людях, которым «обладание необходимыми зоологическими признаками еще не дает права всем попасть в разряд человеков»³⁹³. Однако Чехов не решал вопросы — «отчего же тоска гложет сердце обыкновенного человека, отчего все чувствуют не в своей тарелке, какие силы могут поставить недовольных на их место». По мнению Боголепова, Чехов эти вопросы только поставил, а вот решить их «должны все те, кто думает, в ком они зародились при чтении Чехова». В этом и есть «крупнейшая заслуга скончавшегося писателя»: что он «будил эти вопросы в сознании тех, кто вырабатывал себе определенный взгляд на жизнь»³⁹⁴.

В своем материале Боголепов спорил с теми, кто видел в Чехове только «автора занимательных рассказов», ведь «думать так, значит, ничего не видеть, не понимать», но таких, по мнению профессора, теперь, «после замечательных чеховских пьес», осталось немного.

Наконец, Боголепов отметил, что «последние цветы» творчества Чехова «говорили о том, что содержание таланта не оскудевает, а углубляется. Вот почему глубокою грустью окутается сердце всех почитателей Чехова, вот почему эта новая литературная потеря будет встречена в обществе, как тяжелая и невознаграждаемая...» Самое же печальное, по мысли Боголепова, это то, что «Чехов

³⁹² Сибирский вестник. 1904. № 145.

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Там же.

умер, а русские будни остались такими же серыми и невзрачными, и не увидел их умный, вдумчивый писатель покропленными водою живою...»³⁹⁵.

М. Боголепову принадлежит также еще один материал под рубрикой «Мысли вслух», в котором он вновь размышлял о смерти Чехова — на этот раз в связи с освещением этого печального события органами печати. С одной стороны, «русская печать отнеслась к печальному событию — смерти А.П. Чехова — так, как заслуживал этого громадный талант почившего: газеты всех направлений, всех оттенков, официалы, официозы, частная печать и даже рептилии — все отозвались скорбными речами на тяжелую потерю, понесенную русской изящной литературой». Правда, Богомолов отмечал, что «Гражданин» (консервативный журнал, издаваемый князем Мещерским) «ограничился перепечаткой сообщения о смерти Чехова из “Правительственного вестника”», а «Московские ведомости» «сначала поговорили о смерти Чехова как автора только юмористических рассказов, бойко расходившихся в железнодорожных киосках г. Грингмута, а затем все-таки признали в Чехове и автора “Дяди Вани” и “Чайки”...»³⁹⁶.

С другой стороны, Боголепов обращал внимание читателя на то, что «появилось много воспоминаний о Чехове», «рядом с именем известного писателя встали совсем неизвестные иксы и игреки»: и тут, «на этой почве», «вышло немало курьезов». Боголепов обращался к одесским газетам «Одесские новости» и «Южное обозрение», в которых свои воспоминания опубликовали «некто г. Сиг» и одесский журналист г. Лоэнгрин. В этих воспоминаниях были приведены совершенно разные отзывы Чехова об одесской печати, что, по мнению Боголепова, напоминает «давно знакомый диалог»:

— «Ну что, брат Пушкин?

— Ничего, брат Хлестаков!»

Это, считал Боголепов, «грустно и обидно», и единственное, что утешает, так это то, что эти моменты — «небольшие исключения»: «многочисленные статьи московской прессы, посвященные памяти А.П. Чехова, написаны с таким теплым чувством, с такою

³⁹⁵ Сибирский вестник. 1904. № 145.

³⁹⁶ Там же. № 157.

любовью, какая редко выпадает на долю русского писателя». Однако если брать петербургскую прессу, то здесь — за исключением публикации г. Абадонны в «Руси» — «сухие реляции или списки литературного “формуляра”...»³⁹⁷.

Наблюдение за российской печатью привело Боголепова к грустной мысли о том, что «скоро-скоро после прилива наступит отлив чувства и... начнется та сумеречная жизнь, талантливим изобразителем которой был почивший писатель». Боголепов замечал: «У нас удивительно скоро всякое чувство покрывается плесенью. Не успеют износить сапог, в которых шли за гробом дорогого покойника, как почти полное забвение охватывает то сердце, которое, казалось, разрывалось от печали и скорби...». Боголепов вспоминал, что так было с Глебом Успенским, а если брать Сибирь — здесь после смерти Н.М. Ядринцева отношение к нему «так холодно, что можно подумать о сибирском обществе, что оно забыло своего замечательного патриота...»³⁹⁸.

Автор «Мыслей вслух» все-таки надеялся, что «может быть, будущий читатель будет лучше чтить память Чехова, Успенского и других знаменитых сынов великой родины», но пока — «народ безмолвствует...»³⁹⁹.

Многочисленные материалы — перепечатки из русской периодики — постоянно публиковались в «Сибирском вестнике» в основном в двух рубриках: «Русская жизнь» и «Среди газет и журналов». Так, из «Нового времени» сибирские читатели узнавали, что «известие о смерти в Германии Антона Чехова произвело в Ялте удручающее впечатление», поскольку он «поправлялся, чувствовал себя прекрасно, собирался возвратиться на ялтинскую дачу в начале осени и мечтал о новых работах»⁴⁰⁰. А по сообщению «Русских ведомостей» оказывалось, что «по желанию Ольги Леонардовны Чеховой, тело А.П. Чехова будет предано земле в Москве, на кладбище Ново-Девичьего монастыря», рядом с могилой поэта А.Н. Плещеева; в редакцию же «Русской мысли» приходят многочисленные телеграммы «с выражени-

³⁹⁷ Сибирский вестник. 1904. № 157.

³⁹⁸ Там же.

³⁹⁹ Там же.

⁴⁰⁰ Там же. № 152.

ем соболезнования по поводу безвременной кончины любимого писателя»⁴⁰¹; и т.д.

После сообщений о том, сколько телеграмм и венков со всех концов России посылается в редакцию «Русской мысли», печальным анекдотом выглядел материал «Сибирского вестника» под названием «Казус», опубликованный в рубрике «Местная хроника»: «На недавнем спектакле в здании Бесплатной библиотеки публика смотрела “Дядю Ваню” и решила послать О.Л. Чеховой сочувственную телеграмму. Текст телеграммы <...> вызвал расходы в 8 рублей. Сочувственно же настроенная публика пожертвовала на отправку телеграммы всего только 36 коп.». С горькой иронией газета добавляет: «Немного для толпы поклонников Чехова, среди которой были лица, всегда имеющие лишний двугривенный...». В итоге «сочувственный адрес публики» и соболезнование редакции журнала «Русская мысль» послал Совет общества попечения о начальном образовании Томска⁴⁰². Полный текст «извещения» в редакцию «Русской мысли» был приведен в следующем номере «Сибирского вестника»⁴⁰³, после него была дана информация о том, что новый сезон Томского драматического общества начнется с постановки 22 августа «Вишневого сада» Чехова.

О похоронах писателя сибирский читатель получил возможность узнать «из первых рук» благодаря автору «впечатлений» «Похороны Чехова» (подписан «А. В-ский»)⁴⁰⁴. Этот материал был датирован 9 июля 1904 г., он написан в репортажном стиле и благодаря этому «переносил» читателя на место события, давал возможность почувствовать атмосферу происходившего. Автор воссоздавал окружающую обстановку лаконичными фразами:

«Утро холодного, серого, осеннего дня.

Кажется, сама природа застыла в немой тоске и с неба тихо падают бледные капли несдерживаемых слез.

По Каланчевской и Домниковской улицам вереницей тянутся толпы пешеходов к Николаевскому вокзалу <...> Сколько молодых, симпатичных лиц! И у всех застыло выражение неподдельной печали»

⁴⁰¹ Сибирский вестник. 1904. № 152.

⁴⁰² Там же. № 154.

⁴⁰³ Там же. № 155.

⁴⁰⁴ Там же. № 158.

ли, тихой грусти. <...> Чу! свистя и гроыхая медленно катится поезд. Вся толпа заволновалась и хлынула ему навстречу»⁴⁰⁵.

Автор перечислял людей, которые встретили гроб писателя первыми, — В.А. Гольцев, Вас.Ив. Немирович-Данченко и вдова А.П. Чехова; описывал, как «печальная процессия двинулась под звуки церковного пения через живой, ароматный ковер цветов, разбрасываемых публикой». Подробный и детальный отчет о движении траурной процессии по городу до кладбища заканчивался рассказом об ощущениях автора:

*«Я вышел в поле.
Далеко на горизонте сверкнула ясная и грустная улыбка заката.
И солнце и дождь: и горе и смех...
Как в творчестве Чехова...
А от кладбища снова пахнуло холодом и сыростью.
Казалось, снова мирно навеки засыпались потревоженные старые спящие тени, приняв к себе нового гостя.
На землю ползли хмурые сумерки»⁴⁰⁶.*

Для жителя отдаленной российской провинции этот материал «собственного корреспондента» был особенно важен, поскольку добавлял личные впечатления к уже известным фактам о похоронах Чехова, «приближал» сибиряка к Европейской России.

В этом же номере, в рубрике «Среди газет и журналов», приводились сведения о панихидах на могиле Чехова, взятые из российских газет: о речах В.А. Гольцева, В.М. Михеева, Н.Н. Баженова, стихотворениях М.Н. Свободина. И этот материал также заканчивается на минорной ноте: «Скоро человеческие речи замолкли, и под шепчущей таинственно липой могила Чехова осталась одна...»⁴⁰⁷. Поскольку источник этого материала не указан, как обычно, можно предположить, что текст был составлен на основе нескольких газетных публикаций о похоронах Чехова.

Можно выделить несколько основных информационных блоков, которые были связаны со смертью Чехова: они были пред-

⁴⁰⁵ Сибирский вестник. 1904. № 158.

⁴⁰⁶ Там же.

⁴⁰⁷ Там же.

ставлены на страницах русской периодики и частично отразились в перепечатках «Сибирского вестника». Во-первых, это обсуждение продажи Чеховым прав на издание своих произведений А.Ф. Марксу; сообщения об этом сюжете можно было прочитать в № 153, 155, 165 «Сибирского вестника» за 1904 г., и в ряде других. Не комментируя чужие материалы, тем не менее газета давала своему читателю представление о позиции русских журналистов и издателей, самого А.Ф. Маркса.

Вторым развернутым сюжетом была тема «А.П. Чехов и А.С. Суворин»: «Сибирский вестник» перепечатывал отрывки из воспоминаний Суворина о писателе, размышления об их отношениях⁴⁰⁸. А во время похорон Чехова Дорошевич напомнил читателям о том, как Буренин в «Новом времени» оценивал Чехова как писателя «среднего», «второстепенного беллетриста», драматурга «слабого, но почти курьезного, в достаточной мере пустого, вялого, однообразного». Сравнивая эту позицию и слова «Нового времени» после смерти Чехова, Дорошевич упрекает издание в неискренности и безнравственности⁴⁰⁹. Также «Сибирский вестник» обратил внимание на воспоминания г. Федорова, отрывки из которых он перепечатывает на своих страницах — о взаимоотношениях Чехова и Суворина, Чехова и Буренина⁴¹⁰.

Третьим блоком является восприятие Чехова за границей. Газета публиковала перепечатки, в которых говорилось о популярности писателя в Германии, у латышей, в Англии⁴¹¹. К этому блоку примыкает также переводной материал Георга Брандеса «Антон Чехов» (перевод с немецкого) (источник обозначен как «К.О.», по-видимому, это «Киевские отклики»). Автор здесь размышлял о том, как Чехов изображает русского мужика, русский высший свет, русских женщин. В заключение он делал ряд парадоксальных выводов: «любовь для чеховских женщин это — подчинение»; «дружба мужчин заключается в том, чтобы, собравшись, хватить друг друга и ругать отсутствующих», «счастье дается только тупицам». Но при этом, как ни удивительно это для иностранца, Чехов «все же верит в прогресс»⁴¹².

⁴⁰⁸ Сибирский вестник. 1904. № 154, 158.

⁴⁰⁹ Там же. № 158.

⁴¹⁰ Там же. № 164.

⁴¹¹ Там же. № 161, № 177, 180.

⁴¹² Там же. № 185.

Кроме упомянутых тематических блоков, на страницах «Сибирского вестника» появлялись и другие материалы из российской периодики, посвященные Чехову: это «Автобиография Чехова» (СВ, 1904, № 155, 18 июля), сообщения о стремлении Гольцева основать чеховский музей и о чеховском наследстве, воспоминания Короленко о Чехове, материал о завещании Чехова⁴¹³ и др.

Материалы не только столичной, но и русской провинциальной прессы перепечатывались в «Сибирском вестнике». Так, газета познакомила своих читателей с историей, рассказанной «Киевскими откликами», о том, как в Житомире известие о смерти Чехова пришло в тот момент, когда в одной из гимназий был запланирован вечер. И тогда «в головах юношей родилась гениальная идея — пристегнуть к благотворительно-увеселительной затее имя безвременно сошедшего в могилу писателя». И «когда вся Россия с болью в сердце переживала эту неожиданную огромную утрату, в Житомире чествовали память писателя непринужденными танцами»⁴¹⁴.

Из собственных материалов «Сибирского вестника» можно также отметить, во-первых, «библиографическую заметку» «В.А. Гольцев. Дети и природа в рассказах А.П. Чехова и В.Г. Короленко. М., 1904. 23 стр. Ц. 6 коп.» (подписана инициалами «М.Б.», автор ее скорее всего М. Боголепов). Автор достаточно высоко оценивал эту книжку, отмечая, что «У Чехова детский мир обрисован живо и талантливо. Сам Чехов прекрасно помнил свои детские годы»⁴¹⁵.

Во-вторых, в рубрике «Фельетон “Сибирского вестника”» был опубликован объемный труд Дмитрия Вольфсона “А.П. Чехов и школы Сахалина”⁴¹⁶. Автор отмечал, что А.П. Чехов, этот “поэт русской тоски и печали”, не мог, конечно, пройти мимо школьного вопроса и не задеть его, когда в 1890 г. он всесторонне на месте исследовал о. Сахалин». Вольфсон приводил цитаты из чеховского произведения о положении сахалинских школ, об учителях из ссыльных, о грамотности среди русских и инородцев и в итоге пришел к выводу: «А.П. Чехов действительно оказал огромную услугу,

⁴¹³ Сибирский вестник. 1904. № 155, 161, 176, 177, 257.

⁴¹⁴ Там же. № 162.

⁴¹⁵ Там же. № 160.

⁴¹⁶ Там же. № 163.

нарисовав правдивую картину положения народного образования на Сахалине... Он не мог не скорбеть о том, что он видел на этой отдаленной окраине, не могут не скорбеть и те, кому дороги интересы страны и народа». Однако автор приводил факты, свидетельствующие о том, что «гуманная идея» об образовании ссыльных, которая уже применяется в ряде российских тюрем, «осталась не примененной для сахалинцев»⁴¹⁷.

На местном уровне память Чехова была отмечена несколькими мероприятиями. 5 сентября в Томске предполагалось устроить литературный чеховский вечер, по постановлению дирекции драматического общества. Были запланированы: «Очерк о Чехове» Р. Сементковского, «Памяти Чехова» — стихотворение Мих. Свободина, три рассказа Чехова, «Свадьба» (одноактная комедия Чехова) и «апофеоз»; по сведениям газеты, «чтецами имеют выступить А.А. Скороходов, П.К. Богданович и К.Г. Волков»⁴¹⁸; отчета об этом событии на страницах «Сибирского вестника» не было. Зато в ноябре здесь появилось сообщение о том, что в Томск прибыла «группа драматических артистов под управлением А.А. Прозорова», состоящая из 26 человек, и они планируют в числе прочих поставить «Вишневый сад» Чехова (рубрика «Местная хроника»: «К открытию театрального сезона»)⁴¹⁹.

После постановки г. Вяткин поместил подробный анализ спектакля в рубрике «Театр и музыка» под заголовком «Театр Королева. «Вишневый сад». Вяткин начал рецензию с характеристики самой пьесы:

«Чехов не утратил своего обаяния и в лебединой песне своей — «Вишневом саде». Это прекрасная, вдохновенная, трогательная элегия угасающей жизни... Бессильные безвольные люди не нашли себе дела на земле, они только говорили, смеялись и плакали и... не заметили, как прошла жизнь, как приблизилось к ним что-то страшное и неотвратимое... Продан вишневый сад, трещат под топором Лопахина роскошные вишневые деревья... горько плачет владелица их Раневская, умирает, забытый в заколоченном доме

⁴¹⁷ Сибирский вестник. 1904. № 163.

⁴¹⁸ Там же. № 191.

⁴¹⁹ Там же. № 237.

старый, дряхлый Фирс... Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный...»⁴²⁰.

Но Вяткин подчеркивал, что «Чехов своим чутким сердцем не мог не уловить первого робкого дуновения новой жизни, лучшей, чистой»: «Устами студента Трофимова и Ани он зовет из старого гнезда на вольный свет, зовет обойти то мелкое и призрачное, что мешает нам быть свободным и счастливым». В итоге «Вишневый сад», по мнению Вяткина, «создает настроение грусти, но эта грусть светла и прекрасна и неотразима, и сердце само раскрывается для нее... Хочется плакать и радоваться: плакать за скорбное прошлое и радоваться за светлое будущее...»⁴²¹.

Переходя к анализу игры актеров, Вяткин замечал, что «Вишневый сад», «как и другие *пьесы настроения* [курсив «Сибирского вестника»], только тогда и может всецело захватить зрителя, когда исполнители сумеют создать это настроение, когда они сами вполне поймут его и им проникнутся...». Но это-то как раз и не произошло: «Вишневый сад» был исполнен в Томске, по мнению рецензента, «сухо, натянуто». Вяткин критически оценивал игру практически всех актеров, особенно он был недоволен игрой актрисы в роли Раневской: «внешние данные артистки и ее читка, мимика — все было грубоватым, не выдержанным, не законченным»; остальные женские персонажи играли «бесцветно», мужские — «довольно сносно», и только исполнители ролей Гаева и Лопахина удостоились отзыва «очень недурно». Кроме того, по отзыву Вяткина, «обстановка не удовлетворяла очень многому: не дали никакой иллюзии вишневые деревья, неумело были произведены световые эффекты в I и II действиях, не было “замирающего печального звука лопнувшей струны” во II и IV актах... не было, словом, очень многого и, пожалуй, важного». Однако Вяткин отмечал, что «пьеса привлекла публику», «театр был полон». Некоторую надежду внушало ему также то, что этот спектакль будет повторен в Томске⁴²².

⁴²⁰ Сибирский вестник. 1904. № 266.

⁴²¹ Там же.

⁴²² Там же.

Любопытно, что с оценкой этого спектакля в газете выступил также Р.Л. Вейсман в материале «Настроение дня»⁴²³ — это свидетельствует о значительном общественном резонансе, который произвел спектакль в Томске, о том, что газета считала важным обсуждение «лебединой песни» Чехова на своих страницах разными авторами.

Вейсман с сожалением подтверждал, что «гг. артисты не были на высоте комментирования Чехова», и восклицал: «Как жаль!». Он передавал свои размышления во время спектакля: «Когда публика недоумевала: и это писал Чехов? — я подумал: и *так* [курсив «Сибирского вестника»] у нас играют Чехова? Где же замысел? спрашивали мои соседи. И я подумал: чем виноват автор, что исполнитель не оттенил его замысла?». Ведь, по мнению Вейсмана, в этой пьесе «чеховские нотки звучат, пожалуй, бодрее, ярче, чем в его прежних пьесах», «Аня и студент Трофимов здесь уже — носители будущего и весьма близкого для них, такого радостного для нас и, быть может, уже настоящего»⁴²⁴.

Вейсман делился своими мыслями и ощущениями: «Мне показалось, что “Вишневый сад” — это пьеса далекого прошлого», это пьеса о «поколении восьмидесятников», которое «прозябало и держало с собою револьвер, так себе, для красного словца». Заслуга Чехова, по мнению публициста «Сибирского вестника», в том, что благодаря ему «люди оглядывались вокруг, смотрели также и на себя в зеркало и увидели, как они неумыты, измяты и пошлы»⁴²⁵.

Вторая постановка «Вишневого сада» оценивается вновь Вяткиным (подписавшим свой материал «Г. В-ин»), и он вынужден признать, что «и на этот раз пришлось только руками развести от удивления: ремарки Чехова, в большинстве случаев ценные и необходимые, выбрасывались из пьесы десятками», хотя «игра артистов была на этот раз отчасти лучше»⁴²⁶. Таким образом, безусловно положительным моментом была сама постановка новой пьесы, «Вишневого сада» в Томске — но качество этой постановки, по свидетельству современников, оставляло желать лучшего.

⁴²³ Сибирский вестник. 1904. № 267.

⁴²⁴ Там же.

⁴²⁵ Там же.

⁴²⁶ Там же. № 270.

Осмысление чеховского творчества происходило и в форме литературного обозрения, и здесь очень характерным является материал «Заметки читателя» Ивина (опубликован в рубрике «Фельетон “Сибирского вестника”») ⁴²⁷. В подзаголовке материала было указано, какие издания попали в орбиту обозревателя: это «Правда», «Русское богатство» и «Русская мысль» за июль 1904 г.

Обозреватель сообщал читателям, что он «завален литературным добром», «каждые несколько дней появляются новые книжки того или иного журнала, а каждая книжка дает десятки листов печатной бумаги», но автор все равно «остается недоволен и неудовлетворен». Дело в том, что критик имел «два основных требования к так называемой “изящной словесности”»: к *форме и содержанию* [курсив «Сибирского вестника»] художественного произведения». В качестве примера требования к форме Ивин приводил «сравнение Гаршина с Чеховым»: «У обоих художников есть картина самоубийства (“Володя” Чехова и “Ночь” Гаршина), или вернее картина душевных переживаний перед самоубийством. А между тем разность художественной ценности этих двух произведений огромна». И эта разница, по мнению Ивина, в том, что «Гаршин рассуждает, Чехов рисует»: «Герой Гаршина высказывает свои мысли о жизни, о ее цели и смысле и приходит, быть может, к математически верному заключению о самоубийстве. И рассказ производит впечатление лишь постольку, поскольку мысли публицистически сильно высказаны и поскольку вы их признаете логичными». Однако «личности героя не видно, его душевный мир, самый интересный и важный в сущности, не затронут в рассказе» ⁴²⁸.

Если же брать Чехова, то его самоубийца «написан красками», «Володя не рассуждает, он переживает душой, и переживания эти захватывают и заражают читателя <...> когда вы читаете чеховский рассказ, вы видите перед собой, как переплетаются эти ничтожные мелочи и опутывают железной сетью почти детскую душу Володи и побеждают ее; вы видите, как эти переплетающиеся мелочи отражаются на самочувствии, на душе героя, и вы сами заражаетесь его же настроением...» И происходит это потому, что

⁴²⁷ Сибирский вестник. 1904. № 193.

⁴²⁸ Там же.

Чехов пишет «свои картины не безжизненными рассуждениями, а живыми красками душевных переживаний»⁴²⁹.

Однако, когда критик затрагивал вопрос о содержании произведения, здесь Чехов подвергался осуждению — особенно «аморальные рассказы начинавшего Чехова»: они, по мнению Ивина, «не могут быть признаны истинно художественными произведениями». Хотя критик подчеркивал — Чехов «переходил из области несложного и понятного в область сложного и почти загадочного, пока не дошел до профессора из “Скучной истории”, до “Случая из практики”, до “Оврага”, до Рагина и Громова, до Ивана Лошадина (“По делам службы”) и неизвестного человека»⁴³⁰. Таким образом, обозреватель «Сибирского вестника» обращал внимание читателя на эволюцию чеховского творчества, делал попытку сравнительного анализа современных писателей, исходя из определенных критериев.

Интересным штрихом для характеристики рецепции Чехова для Сибири является также публикация в рубрике «Фельетон “Сибирского вестника”» под названием «Доктор медицины Пошлепкин» с подзаголовком: «Из типов “Палаты № 6”» (автор — «Рефлектор»): персонажи чеховского произведения воспринимаются как типы, существующие и в отдаленной сибирской провинции.

Значимым для Томска событием культурной жизни стала общественная дискуссия, вызванная докладом профессора Малиновского «о правовых вопросах в сочинениях Ант. Чехова». Во-первых, внимание томского общества привлекла новизна подхода к анализу чеховских произведений с необычной точки зрения, юридической; во-вторых, в дискуссии приняли участие видные общественные деятели, профессор Императорского университета И.А. Малиновский, практикующие юристы Р.Л. Вейсман и М.Р. Бейлин, которые были к тому же очень известными томскими публицистами и др., и это также придало дополнительный авторитет высказываемым мнениям.

Доклад Малиновского (его первая часть) был прочитан на заседании Томского юридического общества 9 октября 1904 г., от-

⁴²⁹ Сибирский вестник. 1904. № 193.

⁴³⁰ Там же.

чет об этом заседании был опубликован в «Сибирском вестнике» в № 221 от 12 октября 1904 г. (материал «В Томском юридическом обществе», подписан «Юрист»).

Газета писала, что Малиновский, «исходя из мысли о тесной связи между художественною литературою и юридическою, попытался в своем докладе указать те правовые идеалы, которые имеются в сочинениях скончавшегося Чехова». По мнению докладчика, в произведениях писателя отразилась борьба двух девизов: «опека, возможно широкая опека над личностью» — это девиз крепостнической России, и «возможно полное освобождение личности из-под такой опеки, т.е. гражданская свобода» — это девиз «России раскрепощенной». Из сочинений Чехова также можно почерпнуть «правовые идеалы», такие как «уважайте закон» и «уважайте личность»⁴³¹.

После докладчика слово взял присяжный поверенный Р.Л. Вейсман, который сообщил, что он с Малиновским «не согласен по существу». По мнению Вейсмана, «Чехов не дает правовых идеалов, а является лишь писателем правовых настроений», и «если бы Чехов мог услышать ваш доклад, то он, без сомнения, отказался бы, может быть, и от завидной, но все же совершенно не подходящей для него роли прокурора: его задача — задача бытописателя, а не обвинителя». Вейсман привел ряд других возражений по высказанным в докладе профессора идеям, но все-таки в итоге он «приветствовал профессора Малиновского, решившегося первым спуститься с Олимпийских высот и выступить с таким докладом на общеинтересную тему»⁴³².

В прениях также принял участие г. Муншак, который был разочарован докладом: он ожидал услышать «нечто вроде того, что сказал в Санкт-Петербургском юридическом обществе Кони о Достоевском, как криминалисте», или «вроде того, что описано Л.Н. Толстым в его романе “Воскресение”». Но в итоге Муншак не услышал ни того, ни другого: «Ведь Чехов не юрист, ему до правовых вопросов не было никакого дела». Не согласен был слушатель и с тем, что «русское общество требует истины “непрерывно под соусом, в позолоченном или подслащенном виде”»⁴³³.

⁴³¹ Сибирский вестник. 1904. № 221.

⁴³² Там же.

⁴³³ Там же.

Наконец, выступил помощник присяжного поверенного М.Р. Бейлин, который, напротив, высоко оценил доклад: его ценность «заключается именно в том, что в высшей степени удачным подбором отрывков из сочинений писателя, ничего с юриспруденцией общего не имеющего, автор сумел нарисовать картину правовой жизни России, в высшей степени интересную и поучительную для юриста». И он приходит к заключению, что «с какой бы точки зрения мы ни смотрели на доклад, вывод из него ясен: личная свобода дана, нужна теперь свобода общественная»⁴³⁴.

Этот материал оканчивался обещанием продолжения, и оно действительно было опубликовано, но между двумя частями материала «Сибирский вестник» опубликовал материал «Настроение дня» Р.Л. Вейсмана⁴³⁵. Публицист констатировал: «Итак, А.П. Чехов дошел и до нас»; «врач по образованию, писатель по призванию — попал на кафедру среди юристов». Вейсман считал, что эта ситуация парадоксальна: «кто мог думать, что А. Чехонте в “Осколках” в начале 80-х годов будут комментировать впоследствии ученые, ища в его произведениях отклики на правовые запросы? Кто мог думать, что милые шутки, острые словечки и смешные ситуации разовьются и вырастут в произведения, отражающие вздохи лучших людей эпохи». Но, признавал публицист, именно так и случилось, «Чехов стал властителем если не дум, то чувств, и до сих пор мы не можем, вспомнив его, не вздохнуть, спрашивая себя: “полно, да умерло ли настроение Чехова, окрылилась ли интеллигенция наша? Стала ли она “человеком”, носителем этого гордого, а не пришибленного имени?”»⁴³⁶.

Вейсман напоминал о том, что он возражал И.А. Малиновскому «по вопросу о том, какие правовые идеи приносят с собою персонажи Чехова», считая, что «Чехов меньше всего объект для таких розысков», поскольку «эпоха, среди которой он жил, характеризуется именно своею беспринципностью». Чехову удалось отразить «сплетение бессильного и медленного погружения в тину жизни и вздохов», над которым «доминировала пошлость этих натур, сознававших свою волевою неспособность подняться к об-

⁴³⁴ Сибирский вестник. 1904. № 221.

⁴³⁵ Там же. № 223.

⁴³⁶ Там же.

щественности, постоять за нее грудью». Размышляя об особенностях чеховских героев, Вейсман в итоге пришел к выводу, что «не правовых идеалов искал Чехов в современном ему поколении — их не было, а тоску по ним», и, «открыв ее, он дал этим самым надежду»⁴³⁷.

Продолжение материала «В Томском юридическом обществе» (подписано «Юрист») было напечатано в № 237, 2 ноября 1904 г. На этом втором заседании, по сообщению автора, Малиновский прочитал вторую часть своего доклада на тему «Вопросы права в произведениях А.П. Чехова»; эта часть была посвящена «уважению человеческой личности в изображенном Чехове русском обществе». Однако докладчик свидетельствовал, что этого-то уважения как раз в ней и не было, «прежде всего по отношению к так называемым “лишенным прав”, хотя и они, несмотря на потерю своих прав, продолжают оставаться людьми, человеческими личностями и в качестве таковых, без сомнения, должны быть уважаемы». В этом отношении Малиновский особо выделил «Остров Сахалин», где попираются права не только заключенных, но и солдат, и детей, и женщин. Но и другие произведения Чехова могут послужить примерами выдвинутого тезиса: «унижаемые сильнейшими издеваются и оскорбляют постоянно ниже себя стоящих, слабейших; так, например, ремесленники попирают личность своих учеников, задавая им постоянные выволочки и поддавая их на каждом шагу, при всяком удобном и неудобном случае колотушками и подзатыльниками: в этом отношении особенно выделяется, хотя и небольшой, но сильный по своему содержанию рассказ “Ванька”, в котором в высшей степени выпуклыми и рельефными красками описана злосчастная судьба одного из многих таких учеников»⁴³⁸.

Малиновский указывал: «У нас нет уважения личности, так как у нас нет юридического равенства, а там, где нет юридического равенства, там нет и не может быть свободы — и это совершенно верно: у нас нет свободы личности, нет свободы труда, нет свободы передвижения, нет свободы собраний, нет свободы слова». Но при этом, подчеркивал профессор, «несмотря на повсюдное попрание человеческой личности, личность эта не теряет, да и не мо-

⁴³⁷ Сибирский вестник. 1904. № 223.

⁴³⁸ Там же. № 237.

жет окончательно потерять образа и подобия Божия. А раз так, то можно еще верить человеку, можно еще положиться на него. К такой именно вере в человека, в торжество правды, справедливости и призывает покойный писатель». И Малиновский формулировал еще один «правовой идеал, который нам рисует в своих произведениях Чехов и к осуществлению которого он зовет и русское общество и его законодателя»: «уважайте человеческую личность и сделайте ее свободной!»⁴³⁹.

Обсуждая доклад, один из слушателей указал, что публике хотелось бы еще услышать от докладчика ответы на вопросы «почему создалось такое, а не другое положение?», «где и в чем кроются причины такого мрачного, такого невыносимо-тяжелого положения?». Отвечая ему, Малиновский акцентировал внимание на том, что в своем докладе он как раз и указал эти причины, которые «часто кроются в привычках, нравах и обычаях крепостной России, частично поддерживаются современным законодательством»; слушатель же продолжал настаивать на своем понимании описанной ситуации⁴⁴⁰.

После обсуждения резюмируя доклад и прения, выступил профессор Н. Розин. По его мнению, «И.А. Малиновский совсем не задавался вопросами теории права: он хотел лишь изобразить, но пользуясь в качестве материала сочинениями А.П. Чехова, правовое положение русского народа», и если этот доклад «хоть кого-нибудь убедил, что эти условия очень плохие, если он хоть в ком-нибудь заронил стремление к перемене этих условий на более лучшие, то цель Иоанникия Алексеевича достигнута». Автор материала особенно подчеркнул, что на этот раз «публика переполняла актовый зал университета», и она отозвалась на предложение профессора Розина поблагодарить Малиновского за его доклады «единодушными, шумными аплодисментами»⁴⁴¹.

Оценивая в целом материалы «Сибирского вестника», посвященные чеховской теме, можно отметить несколько существенных моментов. Во-первых, это значительное количество собственных, авторских материалов газеты, посвященных Чехову — его лично-

⁴³⁹ Сибирский вестник. 1904. № 237.

⁴⁴⁰ Там же.

⁴⁴¹ Там же.

сти, его творчеству, осмыслению значения его в русской литературе. Во-вторых, это разнообразие приемов в освещении чеховской темы: это и информирование читателя о происходящем с помощью перепечаток из столичной и провинциальной российской прессы, и материалы местных публицистов, в том числе репортаж о похоронах Чехова, а также доклад Малиновского о вопросах права в произведениях Чехова и общественная дискуссия в связи с этим докладом. Наконец, «Сибирский вестник» отслеживал томские мероприятия, посвященные Чехову, начиная с составления сочувственных телеграмм до замысла Чеховского вечера и постановки на томской сцене «Вишневого сада». Но вообще следует признать, что «Сибирский вестник» достаточно долго не обращал никакого внимания на «Вишневый сад» и почти не упоминал о нем в материалах, посвященных Чехову.

В отличие от «Сибирского вестника» «Сибирская жизнь» с самого начала 1904 г. обратила внимание на новую пьесу Чехова «Вишневый сад». Эта тема появилась на страницах газеты уже в конце января 1904 г.: под рубрикой «Маленький фельетон» здесь был опубликован материал «Вишневый сад», посвященный постановке пьесы в художественном театре. «Сибирская жизнь» подчеркивала, что «исполнение и постановка образцовые», и цитировала отзыв В. Дорошевича из «Русского слова»: «“Вишневый сад” полон щемящей душу грусти. Это комедия по названию, драма по содержанию. Это — поэма»⁴⁴².

Через несколько номеров «Сибирская жизнь», указывая на «материальный успех московских театров», сообщала, что «художественный театр, открывшись в конце сентября, взял за четыре месяца и семь дней около 200 тысяч рублей валового сбора — на круг 1600 рублей за спектакль, при этом “Юлий Цезарь” за 63 представления и “Вишневый сад” за 16 представлений одни дали около 120 тысяч валового сбора»⁴⁴³.

Также «Сибирская жизнь» поместила отзыв о «Вишневом саду» А.С. Суворина в «Новом времени»: он высказал мнение, что «это яркая картина русской жизни, распушенности, халатности, ничегонеделания, благородных разговоров, именно благород-

⁴⁴² Сибирская жизнь. 1904. № 23.

⁴⁴³ Там же. № 38.

ных монологов»; приведя мнение Суворина, газета заключает, что эта «характеристика нашего времени вполне правдива» (рубрика «О чем говорят и пишут»)⁴⁴⁴.

И еще раз в рубрике «О чем говорят и пишут» был опубликован отзыв о «Вишневом саде» — на этот раз из газеты «Русское слово», и не о постановке, а о собственно пьесе, напечатанной «в вышедшем на днях втором сборнике “Знание”»:

«Новое произведение А.П. Чехова написано так, как у нас умеет писать один лишь Чехов. Взято маленькое полотно, в несколько вершков величины, на нем схвачен крохотный уголок жизни, рассказан как будто чей-то случайный эпизод, но в эту четырехвершковую картинку вложено столько жизненной правды, столько разумения жизни и столько любви к жизни, веря в жизнь, что вершковое полотно перед вдумчивым читателем расширяется и захватывает широкий горизонт, надолго приковывает к себе вашу мысль»⁴⁴⁵.

Имя Чехова до печального известия о его кончине также встречалось в журнальных обзорах «Сибирской жизни». Так, в обзоре январских номеров журналов «Мир Божий», «Образование», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство» автор «Сибирской жизни» обращал внимание на статью Ляцкого «А.П. Чехов и его рассказы» (опубликовано в «Вестнике Европы»). Обозреватель констатировал: «г. Ляцкий очень не хвалит Чехова за его галерею интеллигентов: все интеллигенты у Чехова являются неврастениками. Они не живут, а только ноют в своем бессилии справиться с жизнью и просят не на арену жизненной борьбы, а в больницу»⁴⁴⁶. Можно упомянуть и «красивое сопоставление» поэта Генриха Гейне с Чеховым «по поводу одновременного выпуска обоих писателей в свет журналов “Нива”» — это перепечатка из фельетона газеты «Русь» в «Сибирской жизни»⁴⁴⁷.

Некролог Чехова был опубликован в «Сибирской жизни» 6 июля 1904 г., он появился одновременно с некрологом писателя в «Сибирском вестнике», но это совершенно другой текст, принад-

⁴⁴⁴ Сибирская жизнь. 1904. № 100.

⁴⁴⁵ Там же. № 135.

⁴⁴⁶ Там же. № 49.

⁴⁴⁷ Там же. № 31.

лежащий одному из авторов «Сибирской жизни». Этот материал гораздо более эмоционален, чем в «Сибирском вестнике»; в первых строках автор «Сибирской жизни» восклицал:

«Последние телеграммы принесли тяжелое и скорбное известие: Чехов умер! Еще одна невознагражденная потеря для русской литературы и для всего читающего мира! Чехов умер всего 44 лет, — в самом расцвете своего необыкновенного, оригинального и огромного дарования!»⁴⁴⁸.

Переходя к характеристике творчества Чехова, автор материала высказывал такую точку зрения: «Чехов среди современных литературных деятелей стоит совершенно особняком. Ни к какой плеяде писателей, ни к какой “школе” русских художников слова его не причислишь, и с другой стороны, в русской литературе у Чехова нет подражателей. Он — единственный в своем роде». Чехов, по мнению «Сибирской жизни», принадлежит к таким талантам, «для которых каждый год жизни есть год развития. Такие таланты только растут, увеличиваются в своих размерах, в продуктивности своего творчества. Их произведения становятся из года в год все значительнее, и их благотворное влияние на читающий мир — все могущественнее»⁴⁴⁹.

Газета отмечала, что писатель «из творца маленьких юмористических рассказцев» постепенно вырос в «творца крупных бессмертных художественных произведений»; свои произведения он писал «кровью своего сердца, соком своих нервов». И материал заключался следующей мыслью: «Да, крупный, но и незабвенный талант, сошел в преждевременную могилу! В 1904 г. это уже вторая — тяжкая потеря для России, в начале года умер Михайловский, теперь Чехов. Тяжкий год!»⁴⁵⁰.

В этом же номере, в «Томской хронике», газета поместила сообщение под названием «Памяти А.П. Чехова»: «Мы слышали, что томские любители драматического искусства предполагают почтить память неожиданно скончавшегося А.П. Чехова постанов-

⁴⁴⁸ Сибирская жизнь. 1904. № 144.

⁴⁴⁹ Там же.

⁴⁵⁰ Там же.

кой спектакля в бесплатной библиотеке, для которого пойдет пьеса А.П. Чехова «Дядя Ваня»⁴⁵¹. Таким образом это сообщение дополняло информационную картину дня, предвосхищая появление уже в другой газете, «Сибирском вестнике», рассказа о ситуации, случившейся на этом спектакле⁴⁵².

Это маленькое сообщение иллюстрирует, во-первых, разные подходы двух частных газет к освещению чеховской темы (более критический у «Сибирского вестника», стремящийся к объективности у «Сибирской жизни»), а во-вторых, существование разных источников информации: если «Сибирский вестник» упрекал местное общество в недостаточной активности и предлагал для постановки «Вишневым сад», то «Сибирская жизнь» уже обладала информацией о готовящемся спектакле «Дядя Ваня» и доносила ее до своих читателей.

Продолжая эту тему, заметим, что «Сибирская жизнь» не информировала своих читателей о том, что публике на этом спектакле не хватило денег на посылку телеграммы — обстоятельство, вызвавшее негодование «Сибирского вестника» и отразившееся в его материале; спектаклю же в «Сибирской жизни» посвящено два вполне нейтральных по тону материала: в рубрике «Театр и музыка» материал «Спектакль памяти А.П. Чехова» и сообщение об отправке телеграммы Чеховой-Книппер⁴⁵³.

Поскольку «Сибирская жизнь» в 1904 г. публиковала иллюстрации, в газете был помещен портрет А.П. Чехова и материал, который комментировал эту репродукцию. Автор материала сообщал, что «в настоящем номере мы помещаем портрет скончавшегося в ночь на 2 июля в Германии в Баденвейлере, от паралича сердца, одного из самых любимых современных писателей-беллетристов, Антона Павловича Чехова». Внимание читателей акцентировалось на происхождении писателя: «А.П. происходил из народа: отец и дед его были крепостные»; далее же перечислялись основные вехи его биографии — обучение в гимназии, в московском университете, участие в юмористических изданиях, первое издание рассказов в 1887 г., затем сотрудничество в серьезных «толстых» журна-

⁴⁵¹ Сибирская жизнь. 1904. № 144.

⁴⁵² Сибирский вестник. 1904. № 154.

⁴⁵³ Там же. № 150.

лах. Однако автор отмечал, что «к сожалению, до сих пор имеется очень мало сведений о том, как шла жизнь выдающегося писателя, — как прошло его детство и юность, как вообще складывалась его судьба до последних дней его». Автор материала выражал надежду, что теперь, «когда для Чехова наступил суд потомства, — не замедлят явиться воспоминания о нем людей, близко его знавших, его письма и все то, что даст возможность написать его биографию и представить русскому читателю полный отчетливый образ любимого писателя, как деятеля и человека». Заключался материал упоминанием о том, что «последнее полное издание сочинений Чехова вышло в 1903 году, как приложение к “Ниве”»⁴⁵⁴.

В июле вышел также объемный материал под названием «Памяти А.П. Чехова», который представляет собой обзор публикаций русской печати — газет «Русское слово», «Русские ведомости», «Новости дня». Автор отмечал, что «печать выражает глубокую скорбь по поводу смерти этого вдумчивого, нежного сердцем и благородного душой художника, посвятившего свои силы на правдивое изображение нашей безотрадной, нашей тоскливой жизни...». В то же время он указывал, что «лица, близко стоявшие к покойному, уже давно с сердечным замиранием замечали, как постепенно таяло его здоровье, как постепенно угасали его физические силы». Для Чехова это тоже «не было тайной», но тем не менее он, «не бросая художественной кисти, пел свою грустно-задумчивую песню о гордом человеке, о будущем человеке», «болезненно-мучительно» тоскуя по «той жизни, которой должны жить люди», о «человеке-великане» — «добром, разумном, изящном». И публицист, как и Чехов, верил, что такой «человек-великан» «неприменно придет»: «Люди еще только не поняли, что силы и труд надо направить не на истребление, а на созидание; на добро, а не на зло. Но они поймут, — даже скоро поймут...»⁴⁵⁵.

По материалам «Русского слова» публицист описывает последний год жизни Чехова, его состояние, свидетельствующее о том, что «дни писателя были сочтены». За границей Чехову сначала стало лучше, но затем — «певец хмурых людей, сумеречных

⁴⁵⁴ Сибирский вестник. 1904. № 149.

⁴⁵⁵ Сибирская жизнь. 1904. № 150.

настроений, большого волей человечества, Чехов сошел в могилу, оставив яркий след в русской литературе»⁴⁵⁶.

Характеризуя место Чехова среди русских писателей, автор «Сибирской жизни» высказывал мнение, что «со времен Гоголя не было в русской литературе писателя, который с подобным талантом изображал бы пошлость современного общества», и также отмечал огромное влияние на творчество Чехова общественной атмосферы 1880-х годов — «апатии», «разочарования», «усталости от предшествовавшего общественного возбуждения». Публицист цитировал материалы о Чехове, опубликованные в «Русских ведомостях», в «Новостях дня» и завершал свой материал мыслью о том, что для писателя наконец настал час отдыха — «может быть, желанный для его тоскующей души»⁴⁵⁷.

Дальнейшее освещение событий, связанных со смертью и похоронами Чехова, в основном происходило в форме перепечаток из центральной российской прессы (рубрики «Из последней почты», «Русская жизнь», «О чем говорят и пишут»): это материалы «Похороны А.П. Чехова», «Последние минуты А.П. Чехова», «Письмо А.П. Чехова»; «Панихида по А.П. Чехову»; «К кончине А.П. Чехова»; «Похороны А.П. Чехова»; «Памяти А.П. Чехова»; «На родине Чехова»; «Завещание А.П. Чехова»⁴⁵⁸ и ряд других.

Газета также публиковала отрывки из воспоминаний Суворина о Чехове, отклики провинциальной прессы на смерть писателя — например, перепечатала материал из «Самарской газеты»⁴⁵⁹. Особо она писала о том, как «Московские ведомости» отреагировали на смерть Чехова:

*«Наконец-то и “Московские ведомости” откликнулись на смерть Чехова!
Но как?» —*

И далее был приведен текст непосредственно из «Московских ведомостей»:

⁴⁵⁶ Сибирская жизнь. 1904. № 150.

⁴⁵⁷ Там же.

⁴⁵⁸ Там же. 1904. № 151, 153, 154, 156, 181, 182, 259.

⁴⁵⁹ Там же. № 152, 154.

«Писал массу. Кроме “Будильника”, работал и в других юмористических журналах: “Осколки”, “Стрекоза”. Затем в “Петербургской газете” и в “Новом времени”. Антоша Чехонте — прозвище, которое ему дали его товарищи-гимназисты, было сначала его псевдонимом. Но скоро Антоша Чехонте стал уже Антоном Чеховым, а затем и общепризнанным талантливым писателем.»

«Сибирская жизнь» так прокомментировала этот отрывок: «Только и всего. А дальше и того лучше» — и продолжила цитату:

«Он поместил ряд рассказов в журнале “Свет и тени”, “Будильнике”, “Стрекозе”, “Осколках”, “Петербургской газете”, а затем шесть из них, как лучшие, издал отдельною книжкой, под заглавием “Сказки Мельпомены” и за подписью А. Чехонте». Эти ранние и лучшие произведения [выделено «Сибирской жизнью»] покойного, несомненно, создавались под сильным влиянием известных рассказов Н.А. Лейкина, который недаром называл А.П. Чехова своим “литературным крестником»».

Далее «Сибирская жизнь» добавляла:

«Вот и все. От “Московских ведомостей” большего, конечно, и ждать нельзя. “Русское слово”, приводя эти последние строки-перлы из “Московских ведомостей”, говорит:

“Лучшие произведения.

Следовательно, все, что написал Чехов потом, было хуже.

Итак:

— Это был писатель, который “под влиянием Лейкина” (?) написал несколько недурных рассказцев. А затем испортился.

Только и всего.

Кратко, глупо и неграмотно.

Могло быть напечатано только в “Московских ведомостях»».

И «Сибирская жизнь» заключала: «Там это напечатано»⁴⁶⁰.

То есть этот текст также написан с использованием нескольких источников: собственно газеты «Московские ведомости» и газеты

⁴⁶⁰ Сибирская жизнь. 1904. №154.

«Русское слово», на авторитет которой «Сибирская жизнь» опирается при оценке «Московских ведомостей».

Внимание сибирского читателя обращалось и на такие материалы, как фельетон «У Толстого», напечатанный А. Зенгером в газете «Русь». «Сибирская жизнь» сочла необходимым привести и «некоторые выдержки» из этого фельетона на своих страницах, в которых Л.Н. Толстой говорит о своем отношении к Чехову:

«Чехов, Чехов, видите ли, это был несравненный художник. Да, да, именно — несравненный. Художник жизни... И достоинство его творчества в том, что оно понятно и родно не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще. А это главное. <...> Смерть Чехова — это большая потеря для нас, тем более что, кроме несравненного художника, мы лишились в нем прелестного, искреннего и честного человека. Это был обаятельный человек, скромный, милый...»⁴⁶¹.

Местный материал, дающий представление о мероприятиях в Томске, посвященных памяти Чехова, был отражен в газете в рубрике «Местная хроника». Здесь, в частности, сообщалось о том, что «на последнем заседании репертуарной труппы драматического общества» для постановки в будущем сезоне предложен ряд спектаклей, в том числе «Вишневый сад» Чехова — на открытие сезона, 2 августа, а чеховский «Медведь» — на сентябрь⁴⁶². Однако эту программу пришлось скорректировать впоследствии, и на открытие сезона было решено поставить «Власть тьмы» Л.Н. Толстого; «Сибирская жизнь» публиковала новое расписание репертуара, указывая, что на 5 сентября теперь запланирован чеховский вечер, 31 сентября «Вишневый сад» Чехова⁴⁶³.

В конце июля газета уведомила своих читателей, что «в первых числах сентября местное драматическое общество устраивает литературный вечер, посвященный памяти А.П. Чехова» (эту информацию можно было прочитать и в «Сибирском вестнике»); здесь кратко сообщалось, что «программа вечера будет состоять

⁴⁶¹ Сибирская жизнь. 1904. № 160.

⁴⁶² Там же. № 155.

⁴⁶³ Там же. № 166.

исключительно из произведений покойного писателя», а также что «предполагается, как мы слышали, поставить и пьесу А.П. “Свадьба”, ни разу не шедшую в Томске»⁴⁶⁴. Отчета об этом событии нет и в «Сибирской жизни», возможно, что оно и не состоялось.

Зато в Томске было проведено по меньшей мере два мероприятия, связанных с именем Чехова, о которых мы можем узнать из «Сибирской жизни». Информация о первом из них появилась на первой, «рекламной» полосе «Сибирской жизни, это «Анонс»: «Общество попечения о начальном образовании. В пятницу, 1 октября 1904 года, в помещении Общественного собрания дан будет спектакль: I. Драма у телефона. Драматический этюд в 2-х действиях, пер. Арбенина. II. Предложение. Шутка в 1-м действии, Антона Чехова. После спектакля танцевальный вечер. Продажа билетов в помещении Собрания с 12 ч. дня»⁴⁶⁵; этот анонс уже в виде объявления был повторен также в рубрике «Сегодня», в этом же номере. Кроме того, спектакль с такой же программой был повторен 13 ноября 1904 г., в том же театре при бесплатной библиотеке: на этот раз он был устроен с целью сбора средств в пользу воскресных школ, и «Сибирская жизнь» призывала поддержать эту инициативу⁴⁶⁶.

Десятого октября 1904 г. в театре при бесплатной библиотеке были проведены также народные чтения. В отчете об этом мероприятии, опубликованном на страницах «Сибирской жизни», подчеркивалось, что «из прочитанного особенное внимание слушателей и шумные аплодисменты с вызовами на «bis» привлекли рассказы А.П. Чехова (читал г. Богданович) и стихотворения Сурикова (читал г. Скороходов)», а также «с интересом слушался рассказ А.П. Чехова “Тоска”, прочитанный г. Валгусовым»⁴⁶⁷. В этой информации большой интерес представляет также характеристика аудитории этих народных чтений, как указано — вторых по счету: пришла «большую частью “серая” публика, хотя были учащиеся и несколько чиновников»; всего 350 человек, что в два раза больше, чем на первых народных чтениях.

⁴⁶⁴ Сибирская жизнь. 1904. № 162.

⁴⁶⁵ Там же. № 214.

⁴⁶⁶ Там же. № 247.

⁴⁶⁷ Там же. № 222.

В рубрике «Библиография» мы также встречаем рецензию «Сибирской жизни» на «Сборник товарищества “Знание” за 1903 г. Книга вторая» (об этом издании эта же газета писала еще до смерти Чехова, по отзыву «Русского слова»⁴⁶⁸). Автор рецензии «Л.С.» приводит содержание этого сборника: «Куприн “Мирное житие”, Скиталец “Стихотворение”, А. Чехов “Вишневый сад”, Е. Чириков “На поруках”, С. Юшкевич “Евреи”», — и дает следующую характеристику чеховскому произведению:

«Здесь и “Вишневый сад” — лебединая песня покойного А. Чехова, любимого у нас и высоко ценимого и за границей. Умер Чехов, этот “певец тоски по идеалу”, “продан вишневый сад, его уже нет, но осталась жизнь впереди”, и Лопахин, и Петя, и Аня — все верят, как верил сам Чехов, что “наши внуки и правнуки увидят новую жизнь” (Лопахин); что “насадим мы новый сад, роскошней этого” (Аня); “и, если мы не увидим, не узнаем счастья, то что за беда? Его увидят другие!” (Петя). Такой верой в счастье на земле дышит эта лебединая песня Чехова!»⁴⁶⁹.

Как и в «Сибирском вестнике», значительное место в «Сибирской жизни» заняли материалы, посвященные докладу Малиновского о Чехове. Газета анонсировала это событие, сообщая, что «завтра в актовом зале университета в 8 ч. вечера состоится заседание юридического общества, на котором профессором И.А. Малиновским будет прочитан доклад на тему “Вопросы права в сочинениях Чехова”». Приводим программу доклада: «Связь художественной литературы с наукой права. Влияние крепостного права на русскую юридическую жизнь по сочинениям Чехова. Принцип законности в сочинениях Чехова. Юридическое положение личности по сочинениям Чехова (юридическое положение крестьян, прислуги, женщин, детей и т.п.). Нарушение права и идеалы права в сочинениях Чехова» («Томская хроника»: «В юридическом обществе»⁴⁷⁰). Если «Сибирский вестник» сразу писал о состоявшемся заседании, то «Сибирская жизнь» предупредила

⁴⁶⁸ Сибирская жизнь. 1904. № 135.

⁴⁶⁹ Там же. № 173.

⁴⁷⁰ Там же. № 219.

своих читателей о предстоящем событии, дала подробную программу сообщения, а затем опубликовала достаточно объемный текст доклада Малиновского в трех номерах газеты» (И.А. Малиновский «Вопросы права в сочинениях А.П. Чехова»⁴⁷¹).

Таким образом, можно выделить следующие особенности информационной политики «Сибирской жизни» по отношению к смерти А.П. Чехова. Прежде всего бросается в глаза относительно небольшой объем собственных материалов газеты — освещение чеховской темы происходит в основном за счет сообщений, перепечатанных из российской прессы. С другой стороны, газета проявила определенную эстетическую чуткость, сразу выделив «Вишневый сад» из всех произведений Чехова, высоко оценив его замысел и исполнение. Еще один момент привлекает внимание: это забота «Сибирской жизни» о своем читателе, выражающаяся в анонсировании мероприятий, предоставлении ему подробных материалов.

Наконец, третье томское издание, в котором также отразилась «чеховская тема» в 1904 г., — это «Сибирский наблюдатель», ежемесячный журнал, который издавал В.А. Долгоруков. До печального известия о смерти Чехова имя писателя появлялось почти в каждом номере «Сибирского наблюдателя» за 1904 г., в рубрике «Библиография». Так, в № 2 (февраль 1904 г.) здесь был приведен критический отзыв г. Ляцкого «А.П. Чехов и его рассказы» из «Вестника Европы», причем автор обзора упрекал Ляцкого в предвзятости и односторонности при анализе чеховского творчества (на эту же статью обращала внимание и «Сибирская жизнь»). В № 3 (март 1904 г.) журнал обращал внимание на новую пьесу А.П. Чехова «Вишневый сад» и передавал мнение о ней «г. Ю.А.» из «Русской мысли»; в № 4 (апрель 1904 г.) (с. 180) противопоставляется «тоскующий Чехов» и Дорошевич, автор «честной, остроумной сатиры».

В июльском номере «Сибирского наблюдателя» в траурной рамке, за подписью редактора, был помещен небольшой текст:

«Еще новая, и большая утрата для русской литературы, а следовательно — и для всей России.

Не стало еще одного славного деятеля печатного слова — одного из высокодаровитых беллетристов.

⁴⁷¹ Сибирская жизнь. 1904. № 228, 230.

Как сообщает телеграмма из Петербурга, в ночь на 2 июля, в 3 часа, скончался от паралича сердца на руках жены известный писатель Антон Павлович Чехов в Германии — в Баленвейлере. Ан. Пав. был далеко еще не старый человек (ему было около 45 лет) — и мы могли ожидать от него многого в будущем...

В следующей книжке мы дадим возможно подробные биографические сведения о почившем писателе; а пока — преклонимся с глубокою скорбью перед этой свежей могилой.

Скажем: мир праху рано угасшего таланта!»⁴⁷².

Действительно, в следующем номере — сдвоенном, № 7—8 за июль-август 1904 г. — был опубликован целый ряд материалов, посвященных Чехову. Во-первых, это портрет Чехова — на отдельной вклеенной странице, между с. 16 и 17; портрет был подписан на двух языках, русском и французском, с указанием даты рождения и смерти; затем было напечатано стихотворение Всеволода Сибирского (это псевдоним Вс. Долгорукова) «Памяти А.П. Чехова»:

«Перед безвременной могилой
Стою подавлен... меркнет свет...
Еще с одной простились силой:
Был человек — и больше нет!

Да, человек. Людей же много
Бездарных, глупых и пустых.
Растет, как ночь, в душе тревога
И замолкает слабый стих.

.....

.....

Уходят славные со сцены, —
Пигмеев время настает.
Угасшим силам — нет замены,
Орла не виден уж полет.

И призрак гасит дерзновенно
На алтарях огонь священный»⁴⁷³.

⁴⁷² Сибирский наблюдатель. 1904. № 6.

⁴⁷³ Там же. № 7—8.

Не блещущее особыми художественными достоинствами, тем не менее стихотворение отличается большой искренностью и выражает скорбь по писателю, с которым Долгоруков был лично знаком.

Некролог Чехова Долгоруков перепечатал из «Вестника Европы» (номер за август, автор — Евг. Ляцкий); в конце его он добавил собственный текст, «несколько слов, заключающих небольшое воспоминание о почившем Антоне Павловиче»:

«В 1890 году, отправляясь на Сахалин, он остановился по дороге в Томске (железнодорожного пути тогда еще не было), где и пробыл несколько дней. Кружок пишущей братии в Томске в то время был очень тесен; издавалась одна газета — “Сибирский вестник”, редактором-издателем которой был ныне тоже покойный В.П. Картамышев. В кругу-то его и нескольких сотрудников “Сибирского вестника”, в числе которых был и я, пишущий эти строки, А.П. и проводил почти все время. Раза два-три мы вместе обедали; вели дружеские беседы; хлопотали о покупке А.П. дорожного экипажа для дальнейшего пути, и т.д. Мягкая симпатичная личность А.П. сразу привлекала к нему, и он скоро завоевал симпатию каждого из нас Шутя, он говорил: “еду делать двугривенные”. Он отправлялся на Сахалин в качестве корреспондента “Нового времени” и говоря, что будет делать двугривенные, объяснял затем, что ему А.С. Суворин (издатель “Нового времени”) будет платить по 20 к. за печатную строку.

С дороги А.П. прислал мне очень милое письмо, которое хранится у меня в бумагах, и как только я разберусь в них — я его напечатаю.

А.П. тогда выглядел вполне здоровым человеком, полным сил и энергии»⁴⁷⁴.

В дальнейшем материалы о Чехове вновь появляются в рубрике «Библиография»: здесь отслеживаются некрологи и материалы, посвященные Чехову, в журналах «Русская мысль»; «Всемирный вестник»⁴⁷⁵.

⁴⁷⁴ Сибирский наблюдатель. 1904. № 7–8.

⁴⁷⁵ Там же. № 7–8, 9–10, 11–12.

Таким образом, в «Сибирском наблюдателе» наиболее интересными являются личные впечатления его издателя о Чехове, которыми он поделился со своими читателями; освещение «чеховской темы» здесь происходит без включения местного материала, основной жанр здесь — обзор печати, в которой упоминается имя Чехова.

Рассматривая развертывание «чеховской темы» в 1904 г. в периодике города Томска, можно утверждать, что наибольший вклад в ее освещение был сделан газетой «Сибирский вестник». Здесь не только постоянно публиковались материалы, взятые из российской столичной и провинциальной прессы, но и представлен большой массив авторских, оригинальных материалов местных публицистов, которые представили свою точку зрения на значение Чехова в русской литературе, пытались осмыслить особенности его творческой манеры, эстетической системы. Материалы «Сибирской жизни» дополняли информацию, которая проходила в «Сибирском вестнике», и надо сказать, что мы можем наблюдать не так много «пересечений», как можно было бы ожидать от двух газет, занимающих по сути одну и ту же аудиторную рынок в провинциальном российском городе. Каждая газета находила свой материал, расставляла свои акценты в существующем информационном поле.

Журнал «Сибирский наблюдатель» внес свой посильный вклад в освещение «чеховской темы» 1904 г., и здесь звучит прощальное слово его издателя — и поэтическое, и мемуарное — в отношении Чехова не только как писателя, но и как личного знакомого, симпатичного человека.

Прощание Томска с Чеховым, отразившееся на страницах томской периодической печати, стало значимым культурным событием для города, привлекло внимание новых читателей к этому замечательному писателю, способствовало развитию общественной и эстетической мысли в среде томской интеллигенции.

Заключение

Проблемы взаимодействия «большой» общерусской и региональной культуры и литературы и отражение этих процессов в периодической печати являются одними из самых актуальных в современной гуманитарной науке. В этом отношении получить ответы на многие вопросы помогает изучение явления рецепции — заимствования и усвоения, в данном случае в медиасфере.

В качестве своеобразного «полигона» для исследования была выбрана журналистика дореволюционного Томска, являющегося центром Томской губернии, крупнейшей в Западной Сибири. Томск в начале XIX в. обладал многоуровневой разветвленной системой периодической печати, здесь представлены и официальные, и частные издания (после первой русской революции — разных политических направлений), а также практически все виды периодики: ежедневные и еженедельные газеты, тонкие и «толстые» журналы (в том числе ежегодники), «листки» и др. С этой точки зрения томская периодика является практически идеальной «моделью», позволяющей исследовать самые сложные процессы, происходящие как в сибирской литературе, так и в сибирской литературной критике, сибирской журналистике, изучать механизмы рецепции творчества русских писателей и т.д. Действительно, проведенное исследование доказало релевантность выборки, поскольку «литературоцентричность» ведущих томских изданий обеспечила богатым материалом информационного, аналитического, литературно-критического, публицистического характера.

Изучение томских изданий позволило выявить, на каких уровнях и в каких формах происходила рецепция русской классической литературы в региональной периодике, какие имена являлись ключевыми для формирования общего российско-сибирского информационного и литературного пространства. Дело в том, что местная периодика не только внимательно следила за событиями, связанными с жизнью и творчеством русских писателей и поэтов, о чем свидетельствует значительное количество перепечаток из центральной и провинциальной прессы, но и самостоятельно осмысляла процессы, происходящие в русской и сибирской культурной жизни — в литературно-критических, сатирических,

художественно-публицистических, беллетристических материалах. В постоянных рубриках томских газет и журналов, посвященных театральной и культурной жизни, в фельетонах, обзорах русских, сибирских, в местной хронике сибирский читатель встречался с героями классических произведений русской литературы, которые нередко обретали в Сибири «вторую жизнь» (особенно это касалось персонажей сатирических). Это давало возможность сопоставления жизни в Европейской России и в далекой российской окраине, в глубинке, которая жила другими заботами, в других условиях. Однако благодаря русской классике появлялся новый уровень, создающий единое социокультурное пространство, информационную среду, в которой жители географически удаленных мест, находящиеся на разных ступенях общественного развития, выступали равноправными партнерами.

Исследование материалов сибирских газет и журналов позволило по-новому оценить вовлеченность сибирского читателя в общерусский культурный процесс, выявить значение русской классической литературы для феномена регионального самосознания, которое зарождалось в сибирском обществе в конце XIX — начале XX в. Несмотря на значительную отдаленность Томской губернии от крупных центров российской культуры, какими являлись до революции Санкт-Петербург и Москва, жители глубинки благодаря работе местных журналистов были хорошо осведомлены о событиях, происходящих за пределами губернии, они получали информацию обо всех самых важных фактах культурной жизни, имели возможность следить за развитием литературного процесса в России.

Настоящая работа в основном была сосредоточена на изучении процессов освещения «литературных юбилеев» крупнейших русских писателей, которые стали значительными фактами в российской и местной культурной жизни. Эти «литературные юбилеи» — даты со дня рождения или смерти писателя — служили своеобразными «маркерами» медиарецепции, позволяющими оценить усвоение литературного наследия провинциальным обществом. Несмотря на то что на страницах газет и журналов перечислялись десятки и сотни имен литераторов, только некоторые из них входили в духовное пространство сибиряка, влияли на формирование регионального самосознания. Самыми главными среди

них были имена Н.В. Гоголя, В.А. Жуковского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова.

Необходимо добавить, что работа по выявлению медиарецепции только начата. Впереди — исследования рецепции А.С. Пушкина и А.И. Герцена, В.Г. Белинского и Н.В. Чернышевского, Н.А. Некрасова и М. Горького и других крупнейших представителей русской литературы, литературной критики, публицистики. Отдельного исследования ждет сатирическая журналистика Сибири в рецептивном аспекте. Все это внушает надежду на то, что область рецепции и медиарецепции будет разрабатываться новыми силами, которые найдут новые аспекты и подходы к изучению этого перспективного литературоведческого направления.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адрианов А.В. 17, 26, 109
Азеф 97
Александр I 9
Александр II 49, 69, 74–77, 124
Александр III 124
Андреев Л. 122
Анохин А.В. 52
Антропов 39, 40
Арбенин 194
Баженов Н.Н. 174
Баитов Г.Б. 24
Бакунин М.А. 12
Бальмонт К.Д. 102
Баратынский Е.А. 67
Батеньков Г.С. 11
Бебель А. 42, 47
Бейлин М.Р. 181, 183
Беликов Д.Н. 77, 93
Белинский В.Г. 51, 66, 78, 202
Берви-Флеровский В.В. 12
Бергман Э.Э. 24
Бласко Э. 38
Блюдов 79
Блюттин В. 38
Богданович П.К. 177, 194
Боголепов М.И. 73–77, 109,
168–172, 176
Борисенко Ф. 137
Боткин С.П. 111
Бражников П. 109
Брандес Г. 175
Бриген фон дер А.Ф. 75
Булгаков В.Ф. 125
Булгарин Ф.В. 108
Бунин И.А. 64
Буренин В.П. 175
Быков 59–60
Валгусов С.С. 194
Вейнберг П. 56
Вейсман Р.Л. 19, 179, 182–184
Венгеров С.А. 109
Вергежский И. 42
Виноградов П. 24
Витте Ю. 39
Войцеховский А.М. 17
Волков К.Г. 177
Волконский С. 72
Вологодский П.В. 19
Волховский Ф.В. 17, 18, 84, 110,
114–116
Вольфсон Д. 176
Вонсович И. 87, 89
Воронков С.К. 151
Воскресенский Г.А. 71, 72
Вяземский С.А. 74, 77, 79
Вяткин Г.А. 19, 101, 109, 125, 145,
147, 177, 178
Галахов И.Я. 150
Ганнибал А.П. 11
Гаршин В.М. 180
Гаттенберг 87
Гейне Г. 187
Герасимов П. 25, 42, 140
Герцен А.И. 6, 19, 75, 202
Гоголь Н.В. 4–6, 52–61, 67, 71–
110, 113, 124, 191, 202
Гольцев В.А. 174, 176
Гончаров И.А. 107
Горький М. 37, 45, 90, 139, 163,
165, 170
Грибоедов А.С. 6, 163
Грингмут 171
Грицанова М.В. 117
Гроздов Д. 134, 147

- Грот К.Я. 79
Гусев Н.Н. 125
Гучков А.И. 141
Гюго В. 134
Давингоф В.Х. 35
Даль В.И. 51
Дарвин Ч. 97
Дементьев Вс. 155
Демидов О.В. 15
Джонс В.Н. 131, 136–139
Дмитриев-Мамонов А.И. 12
Дмитриенко Н.М. 9, 10, 13
Добролюбов Н.А. 54, 61
Долгорукая Е.А. 11
Долгоруков В.А. 94, 95, 196–198
Дорошевич В. 38, 175, 186, 196
Европейцев В. 105–107
Ершов П.П. 69
Ефимов А.И. 17
Жуковский В.А. 6, 49–84, 202
Заводовский Н. 104
Загибалов М.Н. 20
Загоскин М.Н. 53, 82, 83
Зенгер А. 193
Ибсен Г. 44
Ивин Д. 163, 164, 180, 181
Игнатий 102, 104
Изгоев А. 25, 42
Илиодор 47
Ипполитов-Иванов М. 56
Казанский П. 109
Калинин Г.А. 16
Каллаш 82
Каминский В.И. 111
Карамзин Н.М. 70
Картамышев В.П. 19, 198
Картамышева М.Ф. 19
Керженцев И.Д. 107
Клеменц Д.А. 12, 17, 110
Коковцев В.Н. 42
Кольцов А.В. 62, 75
Комиссаржевская В. 45
Кони А.Ф. 144, 182
Коровин М. 107
Короленко В.Г. 18, 39, 110, 144, 176
Корш В.Ф. 17, 112
Корш Е.В. 14, 17, 19, 112, 113
Костенский Н. 156
Котляров М. 144, 145
Котляровский С.А. 71, 109
Кропоткин П. 134
Крутовский Вс. 138, 139
Кузнецов С.К. 58, 73–77
Куприн А.И. 195
Курочкин В.С. 37
Кюхельбекер В.К. 75
Лавров В.М. 46
Лебедев К.В. 53
Лейкин К. 80, 94
Лейкина Н.А. 192
Леонтьев К.Н. 132
Лермонтов М.Ю. 67, 78, 81, 124
Лягутин 88, 89
Лянге В.И. 27
Ляцкий Е. 187, 198
Макарий 95
Маковецкий Д.П. 130
Макушин А.И. 90, 98
Макушин П.И. 10, 11, 16, 17, 21, 22, 56, 94, 98, 100, 110, 117, 146
Малиновский И.А. 23, 51, 73, 74, 76, 90, 91, 94, 98–101, 123, 124, 136–138, 181–186, 196
Мамин-Сибиряк Д.А. 110
Маркс А.Ф. 91, 175
Меморский 87
Мережковский Д.С. 109
Мещевский А.И. 75
Мещерский В.П. 171

- Мисюрев А.А. 68–72, 93
 Михайловский Н.К. 163, 188
 Михеев В.М. 174
 Муллер С.М. 129
 Мульбатули 38
 Муншак 182
 Муромов И.Г. 17
 Надсон С.Я. 61
 Наровский А.А. 44
 Наумов Н.И. 18, 110
 Некрасов Н.А. 6, 78, 202
 Немирович-Данченко Вл.И. 174
 Немирович-Данченко Вс. 165
 Никитенко А.В. 71
 Никитин И.С. 62
 Николай I 66
 Николай II 13, 131
 Нолькен К.С. 43, 44
 Овсяннико-Куликовский Д.Н. 109
 Огарков В.В. 68
 Островский А.Н. 110, 113
 Павленков Фл.Ф. 37
 Пешехонов А. 44, 46, 47
 Писарев М. 115
 Писемский А.Ф. 107
 Плетнев П.А. 71, 79
 Плещеев А.Н. 172
 Полевой Н. 72
 Полянский П.М. 19
 Портнов М. 147
 Поссе В.А. 150
 Потанин Г.Н. 12-14, 17–21, 26,
 29, 35, 36, 109
 Прейсман Г.В. 19
 Прозоров А.А. 177
 Протасова М. 65
 Пуришкевич В.М. 101
 Пушкин А.С. 4–6, 11, 50, 51, 54,
 59–61, 67, 71, 81, 83, 87, 109,
 118, 119, 124, 151, 152, 171
 Пыпин А.Н. 109
 Радищев А.Н. 11
 Репин И.Е. 140
 Родионов Р.Р. 51
 Розин Н. 185
 Салтыков-Щедрин М.Е. 5, 6, 49,
 110–121, 202
 Свифт Д. 82
 Свободин М.Н. 174
 Севастьянов Вяч. 43, 138
 Сергеев Б. 119, 120
 Сергеев Т. 61
 Сибиряков А.М. 75
 Синегуб С.С. 18
 Скалозубов Н. 25
 Скороходов А.А. 177, 194
 Смердынский А.П. 104
 Соболев М.Н. 23, 98
 Соловьев Вл. 51
 Сперанский М.М. 39
 Станюкович К.М. 10, 17, 18, 110,
 116, 117
 Старикова Г.Н. 90
 Столыпин П.А. 48
 Строгов Э.И. 39
 Суворин А.С. 102, 107, 131, 175,
 186, 187, 191, 198
 Судаков А. 73
 Сырокомля-Сопоцько М. 128
 Таловский П.А. 24
 Терье А. 38
 Тимашев С. 44
 Тихомиров Д. И. 65
 Толстой Л.Н. 4, 6, 37, 39, 44–47,
 50, 51, 101, 107, 108, 110, 122–
 162, 182, 193, 202
 Тургенев И.С. 107, 108, 124
 Туркин А. 38
 Успенский Г.И. 18, 64, 80, 82, 110,
 172

Утин Е.И. 113
Фольнер Р. 38
Фотиева Н.В. 147
Фрейдин И. 43
Хаимович А.О. 16
Хейсин И. 107
Хомяков А.С. 52
Чельшев М. 122, 123, 130
Чернышевский Н.Г. 109, 202
Чертков В.Г. 125, 134, 135, 137,
150, 151, 158
Черткова А.К. 131
Чехов А.П. 6, 45, 162–199, 202
Чириков Е. 195
Чичерин Вл. 129
Чорос-Гуркин Г.И. 12
Чудновский С.Л. 17
Шатилов М.Б. 24, 29
Шашков С.С. 12
Швецов С.П. 19
Шебеков П. 147
Шевцов В.В. 14
Шевченко Т. 67
Шингарев А. 42
Шипицин А.Н. 19, 89
Шипков К.В. 27
Шишков Вяч. 25
Шредер Р. 38
Штейн О. 47
Шулгин В. 125
Щепкин М.С. 85
Эвергетов И.В. 52
Юшкевич С. 195
Ядринцев Н.М. 12, 17, 172
Яковенко Вал. 37
Якушкин И.Д. 75

Научное издание

Жилякова Наталия Вениаминовна

**РЕЦЕПЦИЯ РУССКОЙ КЛАССИКИ
В ТОМСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ**

Монография

Подписано в печать 10.04.2015. Формат 60×88/16.

Усл.-печ. л. 12,74. Уч.-изд. л. 8,49.

Тираж 200 экз. Изд. № 3192. Заказ

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.

Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, г. Москва, В-485,

ул. Профсоюзная, д. 90